

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)  
Российской академии наук

*и* Словесность  
*История*

Журнал филологических  
и историко-культурных  
исследований

№ 4 2023



Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.  
Выходит 4 раза в год*

*Редакционная коллегия:*

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,  
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,  
Ю. К. Руденко, И. Тирет

*Главный редактор: С. А. Семячко  
Зам. главного редактора: Д. О. Цыпкин*

Адрес редакции:  
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.  
Сайт: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>  
e-mail: [edit-sloves@yandex.ru](mailto:edit-sloves@yandex.ru)

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2023  
© Журнал «Словесность и история», составление, 2023  
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2023

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)  
of the Russian Academy of Sciences

<sup>i</sup> Slovesnost'  
Istoriia

---

Journal of Philological,  
Historical and Cultural  
Studies

Texts and History

No. 4 2023



Saint Petersburg

*Published four times per year  
since June 2020*

*Editorial Board:*

T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,  
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,  
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

*Editor in Chief: S. A. Semiachko  
Deputy Editor in Chief: D. O. Tsytkin*

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia  
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>  
e-mail: [edit-sloves@yandex.ru](mailto:edit-sloves@yandex.ru)

- © 2023 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)  
of the Russian Academy of Sciences
- © 2023 Journal "Texts and History" (compilation)
- © 2023 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

## СОДЕРЖАНИЕ

### Статьи

- Л. В. Соколова.** Софоний рязанец — автор «Слова о полку Игореве»? (к интерпретации фрагмента «Задонщины») . . . . . 7
- В. Е. Ветловская.** Художественные приемы и реальность . . . . . 29
- Т. Ф. Пирожкова.** «Хлопочу около колесницы» (И. С. Аксаков в ополчении) . . . . . 62
- В. А. Фатеев.** «Художественные фуги» и «боевые рапсодии» 22-летней переписки (к выходу в свет переписки В. В. Розанова и П. П. Перцова) . . . . . 76
- С. А. Ипатова.** У истоков создания музея А. А. Блока в Петрограде—Ленинграде . . . . . 108
- А. С. Александров.** Отклики критиков-фельетонистов и «медицинский текст» . . . . . 120

### Публикации

- С. В. Березкина, Н. Л. Дмитриева.** О знакомстве Д. Н. Блудова с Н. М. Карамзиным (по письмам к В. А. Жуковскому 1804 г.) . . . . . 127
- О. Л. Фетисенко.** Петербургские страницы жизни и творчества Кохановской (Н. С. Соханской) . . . . . 141
- М. Г. Талалай, О. Л. Фетисенко.** Неизвестные письма К. Н. Леонтьева к иеромонаху Дорофею (Кудрявцеву) и другие материалы из Русского архива Андреевского скита . . . . . 170

### In memoriam

- С. А. Кибальник.** Город без праведника (Памяти Константина Кузьмича Логинова) . . . . . 192

Список сокращений . . . . . 198

Наши авторы . . . . . 199

## CONTENTS

### Articles

- Lidia V. Sokolova.** Was Sofonii of Ryazan the Author of *The Tale of Igor's Campaign*? (An Interpretation of a Fragment from the *Zadonshchina*) . . . . . 7
- Valentina E. Vetlovskaya.** Literary Devices and Reality . . . . . 29
- Tatyana F. Pirozhkova.** "I am Bustling about a Chariot" (Ivan S. Aksakov in the Militia) . . . . . 62
- Valery A. Fateev.** The "Artistic Fugues" and "Fighting Rhapsodies" in a 22-Year Correspondence (On the Newly Published Complete Correspondence between Vasily Rozanov and Pyotr Pertsov) . . . . . 76
- Svetlana A. Ipatova.** The Origins of the Alexander Blok Museum in Petrograd—Leningrad . . . . . 108
- Alexander S. Alexandrov.** Feuilletonists' Critique and "Medical Text" . . . . . 120

### Publications

- Svetlana V. Berezkina, Nina L. Dmitrieva.** Dmitry N. Bludov's Acquaintance with Nikolay M. Karamzin (Based on Bludov's Letters to Vasily A. Zhukovsky from the Year 1804) . . . . . 127
- Olga L. Fetisenko.** St. Petersburg Episodes in the Life and Writings of Kokhanovskaia (N. S. Sokhanskaia) . . . . . 141
- Mikhail G. Talalay, Olga L. Fetisenko.** Konstantin N. Leontiev's Unknown Letters to Hieromonk Dorothei (Kudriavtsev) and Other Materials from the Russian Archive of the Skete of Saint Andrew . . . . . 170

### In memoriam

- Sergey A. Kibalnik.** A City without One Righteous Person (In Memory of Konstantin Kuzmich Loginov) . . . . . 192
- List of Abbreviations . . . . . 198
- Authors . . . . . 200

Л. В. Соколова

СОФОНИЙ РЯЗАНЕЦ — АВТОР  
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»?  
(К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАГМЕНТА «ЗАДОНЩИНЫ»)

Резюме

Имя Софония рязанца называется в «Задонщине», откуда оно было заимствовано в заглавие некоторых поздних списков «Сказания о Мамаевом побоище». Р. П. Дмитриева убедительно доказала, что указание авторства Софония в заглавии «Задонщины» вторично. Первоначальным же является упоминание Софония в тексте этого произведения в качестве предшественника автора. Были высказаны разные предположения по поводу того, что именно написал Софоний. В статье анализируется фрагмент с именем Софония и делается вывод о том, автором какого произведения считал его составитель «Задонщины».

*Ключевые слова:* атрибуция, автор, Софоний рязанец, «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Слово о Мамаевом побоище», Тверской сборник, «Слово о полку Игоре»

Lidia V. Sokolova

WAS SOFONII OF RYAZAN THE AUTHOR  
OF THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN?  
(AN INTERPRETATION OF A FRAGMENT  
FROM THE ZADONSHCHINA)

Abstract

Sofonii of Ryazan is mentioned in the *Zadonshchina*. From that text his name was borrowed into the title of some later copies of the *Tale of the Battle with Mamai (Skazanie o Mamaevom poboishche)*. R. P. Dmitrieva has convincingly argued that the original title of

the *Zadonshchina* did not name Sofonii as its author. He is only mentioned in the text as the author's predecessor. Scholars have suggested various hypotheses regarding which text can actually be ascribed to Sofronii. This article analyzes the fragment in the *Zadonshchina* where Sofonii is mentioned and identifies the text that the compiler of the *Zadonshchina* attributed to Sofonii.

*Keywords:* attribution, author, Sofonii of Ryazan, *Zadonshchina*, The Tale of the Battle with Mamai, Tverskoi sbornik, The Tale of Igor's Campaign

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-7-28

**И**мя Софония рязанца известно по двум произведениям Куликовского цикла: «Задонщине» и «Сказанию о Мамаевом побоище». В самом тексте «Задонщины» (и только в тексте) его имя как предшественника автора упомянуто в двух полных списках Пространной редакции: *У* и *И-1*<sup>1</sup>. В списке *К-Б* (Краткая редакция) в соответствующем фрагменте имя Софония отсутствует, а в заглавии он назван автором «Задонщины». В списке *С* его имя читается и в заглавии, и в самом тексте. Соответствующие цитаты из этих списков приведем далее.

Имя Софония встречается также в выписках из «Задонщины», сделанных по спискам, в заглавии которых он был назван автором этого произведения<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> При упоминании списков «Задонщины» сохраняются их общепринятые условные обозначения: 1) РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 9/1086 — *К-Б*; 2) ГИМ. Музейское собр. № 2060 — *И-1*; 3) ГИМ. Музейское собр. № 3045 — *И-2*; 4) РГБ. Собр. Ундольского. № 632 — *У*; 5) ГИМ. Синодальное собр. № 790 — *С*; 6) БАН. 1.4.1 (собр. Жданова) — *Ж*.

<sup>2</sup> На последнем листе рукописи ГИМ. Синодальное собр. № 836, 1296 г. (Пандекты Никона Черногорца) помещена приписка (датируется А. А. Зиминым концом XV в. [Зимин, с. 94, примеч. 538]) с заглавием «Задонщины»: «Съе слово съставлено именем Софония резанца о великом кнези Дмитрии Иоановиче и брате его Василиа (так!) Андрѣевича и о всех князех русских, како билисе беаше за Доном за свою великую обиду с поганымъ царем Мамаем». В рукописи РГБ. Ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева). № 378, конца XVII в., после текста «Сказания» (Основной редакции), которое оканчивается здесь сценой «стояния на костях» и следующим далее сообщением о судьбе Мамая, помещены заимствованные из «Задонщины» плачи вдов погибших воевод, и после плача коломенских жен на л. 127, как бы в продолжение «Сказания», читаем пространное заглавие «Задонщины», начинающееся словами: «Сия убо оставим, на первое возвратимся. Сие убо списание изложение Софония, иерѣя резанца, великому князю Димитрию Иоановичу и брату его князю Владимиру Андрѣевичу и всѣмъ русским княземъ православнымъ и воеводамъ мѣстнымъ и молодымъ людемъ и всему православному христианству на похвалу и на память, како побѣди и одолѣ поганого Мамая на Дону...» В Тверской летописи («Тверском сборнике») по списку РНБ. Собр. Погодина. № 790 под 6888 (1380) г. читается заглавие «Задонщины» («А се писание Софония резанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андрѣевичу»). О Тверском сборнике подробнее скажем далее. (Курсив и разрядка в цитатах здесь и далее наши.)



В заглавии нескольких списков «Сказания о Мамаевом побоище» Софоний упоминается как автор этого произведения<sup>3</sup>. Нет никакого сомнения, что в заглавии этих списков имя Софония попало из «Задонщины» наряду с другими заимствованиями из нее.

Итак, первоначальным было упоминание имени Софония в «Задонщине». Какое же упоминание в ней восходит к оригинальному тексту: в заглавии — как автора «Задонщины» или в самом тексте — как предшественника автора?

После того как был открыт список *К-Б* (1858 г.), большая часть исследователей стала считать Софония автором «Задонщины»<sup>4</sup>. При этом были

<sup>3</sup> См.: ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 13, кон. XVII в. («Слово о безбожном царе Мамае, писание Софона, сиречь рязанца, како случися бран(ь) на Дону великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичю з безбожным Мамаем»); БАН. 16.13.2, кон. XVII в. («О нашествии Мамае на Рускую землю и брани с ним великая. И грозно побоище великому князю Дмитрию Ивановичю. Сказание Софония иерея рязанца. Похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю, память о Мамаеве побоище, яко же было тогда, лета 6888-го»); БАН. 16.17.22, 1-я четв. XVIII в. («Сказание Софония иерея рязанца, похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его, князю Владимиру»); РНБ. F.IV.228, XVIII в., Печатный вариант Основной ред. («История или повесть о нашествии безбожного царя Мамае с безчисленными его агаряны на Российскую землю и о великой брани, и о грозном побоищи с великим князем Дмитрием Ивановичем московским и о брате его, князь Владимире Андреевиче, сказание рязанца Софрония иерея»); РНБ. Q.XV.70, XIX в. («Сказание Софония иерея рязанца, похвала, и о победе великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю»); ИРЛИ. Северодвинское собр. № 333, 30-е гг. XIX в. («Сказание Софрония иерея рязанца, похвала о побѣде веди великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю»).

<sup>4</sup> В «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова читаем: «Софоний (*Софоний*) — рязанец, живший в первой половине XV в., автор „Похвалы вел. кн. Дмитрию Ивановичю и брату его Володимеру Андреевичю“ — литературного памятника о Куликовской битве, известного под именем „Задонщина“. В большинстве рукописей С(офоний) называется „иереем рязанским“, а в некоторых летописях, напр. в Тверской, „брянским боярином“. Каких-либо других биографических данных о нем не сохранилось» [РБС, с. 162]. А. В. Соловьев утверждал: «Одно несомненно: первоначальным автором «Задонщины» был иерей Софоний Рязанец; об этом согласно говорят три заглавия ее...» [Соловьев, с. 183]. Ученые пытались определить, автором какой редакции «Задонщины» был Софоний. А. А. Зимин, считавший Краткую редакцию первоначальной по отношению к Пространной, полагал, что «Ефросин записал и обработал Задонщину Софония» [Зимин, с. 452] и что «сочинитель Пространной редакции пользовался Краткой редакцией памятника, автором которой он и считал Софония» [Зимин, с. 453]. Исправление Р. О. Якобсоном фразы Пространной редакции на: «Яз же помяну, Софония Рязанец» — А. А. Зимин счел «произвольным», противоречащим всем текстам «Задонщины». По его словам, «Якобсон этим исправлением стремится представить Софония автором текста, основанного на Пространной редакции. Однако все списки этой редакции говорят о том, что ее автор лишь вспоминал своего предшественника — „Софония Рязанца“. Никакой позднейший переписчик не мог сказать об авторе произведения, которое он списывал, что он его просто „помянет“, и тем самым приписать его творение

попытки объяснить сообщение о Софонии в самом тексте трех списков как правку более позднего редактора [Соловьев, с. 183; Творогов, с. 531].

Некоторые исследователи, однако, не считали возможным атрибутировать «Задонщину» Софонию рязанцу. Так, еще И. Назаров (1858 г.) писал, что упоминание имени Софоний в списке У — «несомненное свидетельство», что он был предшественником автора «Задонщины» [Назаров, с. 84]. В 1861 г. Ф. И. Буслаев вскользь высказал мнение, что «Задонщина» «не принадлежит самому Софонии, а только у него заимствована» [Буслаев, стб. 1324]. Не считали Софония автором «Задонщины» также И. П. Хрущов [Хрущов, с. 70–78] и Д. И. Иловайский [Иловайский, с. 545], которые предполагали существование какого-то произведения Софония, служившего источником для всех произведений Куликовского цикла, в том числе и «Задонщины». А. А. Шахматов назвал это предполагаемое произведение «Словом о Мамаевом побоище». По гипотезе ученого, оно явилось общим источником для «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» и было написано при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича человеком из окружения литовских князей Дмитрия и Андрея Ольгердовичей. «Слово о Мамаевом побоище» А. А. Шахматов считал произведением поэтическим, «отзвуком старого дружинного эпоса», содержание которого полнее всего передало «Сказание о Мамаевом побоище» [Шахматов, с. 180–192].

Р. П. Дмитриева в статье «Был ли Софоний рязанец автором „Задонщины“?» убедительно оспорила мнение о том, что «Задонщина» написана Софонием рязанцем. Она показала, что упоминание авторства Софония в заглавии двух списков «Задонщины» (К-Б и С) является вторичным, а первоначальным было упоминание его имени в самом тексте «Задонщины»: автор последней ссылаясь на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать [Дмитриева 1979]; см. то же под другим названием: [Дмитриева 1982]<sup>5</sup>.

В качестве доказательства Р. П. Дмитриева сослалась на то, что имя Софония тесно связано в «Задонщине» с контекстом всего отрывка, в кото-

---

себе» [Зимин, с. 453–454]. Подробнее о Софонии и интерпретации его имени см.: [Дмитриев 1988, с. 347–348].

<sup>5</sup> Эту точку зрения поддержал Л. А. Дмитриев, написав: «Все сказанное выше заставляет усомниться в, казалось бы, общепринятом утверждении, что автором „Задонщины“ был Софоний рязанец, о котором, к стати говоря, мы ничего не знаем. Возможно, Софоний был либо предшественником, либо современником автора „Задонщины“, и последний назвал его в своем произведении по аналогии с упоминанием автором „Слова о полку Игореве“ своего предшественника — Бояна» [Дмитриев 1982, с. 311].

ром говорится о Бояне. Само построение предложения о Софонии — «Аз же помяну резанца Софония» (У) — говорит о каком-то сопоставлении или противопоставлении [Дмитриева 1982, с. 362].

По словам Р. П. Дмитриевой, «на мысль использовать эту тему вступления „Слова о полку Игореве“ автора „Задонщины“ натолкнуло его собственное положение как писателя, подобное автору „Слова“: он тоже имел поэтический образец своего предшественника». Автор «Задонщины» подчеркнул, что Боян писал в песенной манере. Это было ему важно, так как и он, как автор «Слова», имел предшественника, писавшего «гусленными словесы» [Дмитриева 1982, с. 363]<sup>6</sup>.

Таким образом, резюмировала Р. П. Дмитриева, упоминание имени Софония в самом тексте «Задонщины» не может быть вставкой какого-то редактора, а безусловно принадлежит ее автору. Он задумал написать свое произведение в подражание «Слову о полку Игореве» и потому только мог включить в свой текст упоминание о Бояне, а следовательно, и известие о Софонии тоже должно принадлежать ему, поскольку имена Бояна и Софония находятся в «Задонщине» в тесной логической связи. Из всего этого следует, что автора «Задонщины» нельзя отождествлять с Софонием рязанцем<sup>7</sup>, и в таком случае имя автора «Задонщины» остается нам неизвестным.

Как же попало имя Софония в заглавие «Задонщины»? Каким образом он был объявлен ее автором? Обратимся к тексту памятника и процитируем фрагменты с упоминанием Софония<sup>8</sup>.

У: «Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лѣтъ времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудца в Киеве. Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу: первому князю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому князю Владимиру Всеславъевичю Киевско-

<sup>6</sup> Безусловно, упоминание Бояна в «Задонщине» появилось благодаря «Слову о полку Игореве». Автор «Слова» во вступлении, вспоминая о Бояне как о знаменитом предшественнике, противопоставил ему не стиль, а свой принцип повествования о событиях: по былинам (правдивым историческим повествованиям) [Соколова 1987, с. 214–215], а не «по замыслению», т. е. замыслу Бояна, который, в соответствии со своим замыслом, мог спеть как славу, так и хулу участникам похода [Соколова 1986, с. 65–74]. Добавим к этому, что автор «Задонщины», следуя за автором «Слова», тоже собирается повествовать правдиво: «начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам».

<sup>7</sup> А. А. Зимин, исходя из своего убеждения о первичности Краткой редакции «Задонщины», попытался оспорить вывод Р. П. Дмитриевой [Зимин, с. 38].

<sup>8</sup> Тексты «Задонщины» цитируются по изд.: [«Слово» и памятники, с. 535–556]. Страницы издания указываются в тексте в скобках.

му, и великому князю Ярославу Володимировичю. *Аз же помяну резанца Софония* и восхвалю пѣсними гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки сятаго великаго князя Владимира Киевскаго. И пѣние князем руским за вѣру христианьскую» (с. 535–536).

*И-1*: «Начаша повѣдати по дѣлом по гибелью. Но потрезвимься мыслыми и землями, и помянем первых лѣтъ времена, и похвалим вѣща боинаго гораздаго гдуца в Киевѣ. Тот боюн воскладше гораздыя своя персты на живыя струны и пояше княземъ рускимъ славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, 2 — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью — великому князю Ярославу Володимировичю. *И я же помяну Ефония ерея резанца* в похвалу пѣсними и гуслеными и буяни словесы и сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондрѣевича, правнука тѣхъ князеи, зане же отпало мужество их и пѣние их и князем руским за землю Рускую и за вѣру крестьянскую» (с. 541).

В Кирилло-Белозерском списке имя Софония читается в заглавии произведения, где он назван автором «Задонщины»: «*Писание Софония старца рязанца*. Благослови отче. Задонщина великаго князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича» (с. 548). Сравним заглавие в Пространной редакции (список У): «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андрѣевиче, яко побѣдили супостата своего царя Мамая» (с. 535). В самом же тексте *К-Б* имя Софония отсутствует, оно перенесено в заглавие, в связи с чем возникла синтаксическая несогласованность и смысл фрагмента был искажен: «Первѣе всѣхъ вшедъ, восхвалимъ вѣщаго го Бояна, в городѣ в Киевѣ гораздо гудца. Той бо вѣщии Боянъ воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу рускыимъ княземъ: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, *восхваляя ихъ* пѣсми и гуслеными буинными словесы *на* русскаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича, зане же ихъ было мужество и желание за землю Русьскую и за вѣру христианьскую» (с. 548).

Две фразы (о Бояне и Софонии, имя которого опущено) объединены здесь в одну, глагол «восхвалю», который во второй фразе (о Софонии) относился к автору «Задонщины», заменен на деепричастие «восхваляя», в связи с чем словосочетание «восхваляя ихъ пѣсми и гуслеными буинными словесы» стало относиться к Бояну, а дальнейший текст с упоминанием имен Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича искусственно и неудачно

присоединен к предыдущему тексту предлогом «на». Текст *К-Б*, без сомнения, вторичен<sup>9</sup>.

В Синодальном списке «Задонщины», в основе которого лежит сводный текст, объединивший чтения двух редакций (Краткой и Пространной)<sup>10</sup>, имя Софония читается и в тексте (как в *И-1* и *У*), и в заглавии (как в *К-Б*). Заглавие в Синодальном списке такое: «Сказание Сафона резанца, исписана руским князем похвала, великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Одреевичу» (с. 550). Фрагмент о Софонии читается так: «Нача повѣдати по делом былым. Не поразился мысленными землями, помянем первых лет времена, похвал вещаго горазда гудца. Тотъ бо деи похвалы вещи буиныи накладаетъ свои белыя руцы но золотыи струны, пояше руским князем похвалу: первому князю рускому на земли Киевской Рурику, великому князю Володимеру Святославычу, великому князю Ерославу Володимеровичу. *И здесь помянем Софона резанца*, сего великого князя Дмитрея Ивановича и правнука святого князя Володимера Киевского и брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслеми и песнеми и буиными словесы, заню же отпало было мужество князем руским» (с. 551).

Как видим, текст в списке *С* тоже искажен, в нем автор вслед за списком *И-1* «поминает» Софония наряду с князьями и намерен воспеть его вместе с героями Куликовской битвы «гуслеми и песнеми и буиными словесы». Получается, что Софоний рязанец, названный в заглавии списка *С* автором «Задонщины», «поминает» и похваляет сам себя наряду с Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем.

Имя Софония во вступлении было в авторском тексте «Задонщины», так как отсутствие этого имени в списке *К-Б* объясняется сознательной переработкой текста, а отсутствие его в списках *И-2* и *Ж* обусловлено их дефектностью (в них текст неполный). Поэтому неоправданно исключение имени Софония в реконструкции «Задонщины» С. К. Шамбинаго<sup>11</sup> и в ориентированном на нее переводе В. И. Стеллецкого [Стеллецкий, с. 292].

<sup>9</sup> Сопоставление вступления в «Задонщине» по спискам *У* (Пространная редакция) и *К-Б* (Краткая редакция) см.: [Соколова 2014, с. 686–690].

<sup>10</sup> См. об этом: [Соколова 2014, с. 674–680].

<sup>11</sup> В реконструкции авторского текста «Задонщины» С. К. Шамбинаго рассматриваемый фрагмент выглядит так: «Здѣ же помянемъ сего великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича, правнуковъ святаго князя Владимира киевскаго, ихъ же помянемъ и похвалимъ пѣснями и гуслеными буйными словесы, занеже ихъ было мужество и желание за землю русскую и за вѣру христианскую» [Шамбинаго, с. 121, 1-я паг.].

Первоначальный текст рассматриваемого фрагмента, искаженный во всех трех списках, можно реконструировать следующим образом:

«...помянем первых лѣтъ времена, похвалим вещаго Бояна, горазна гудца в Киеве. Тои бо вѣщій Боянъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу: первую славу — князю киевскому Игорю Рюриковичю, вторую — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третюю — великому князю Ярославу Володимировичю. Аз же помяну Софония резанца и восхвалю пѣсми гусленными, буиными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича [правнука святаго князя Владимира Киевского]<sup>12</sup> и брата его князя Владимира Андреевича, зане же их было мужество и желание за землю Рускую и за вѣру христианскую».

Итак, автор «Задонщины» назвал Софония во вступлении как своего предшественника. В заглавии памятника это имя перенес составитель Краткой редакции; одновременно он опустил упоминание Софония во вступлении, текст которого оказался в связи с этим искаженным. Составитель Сводной редакции совместил чтения Пространной и Краткой редакций, упомянув Софония и в заглавии (как автора «Задонщины»), и в тексте (в одном ряду с главными героями Куликовской битвы).

Что же написал Софоний? По предположению ряда исследователей, он упомянут в «Задонщине» как автор какого-то произведения о Куликовской битве.

Развивая эту точку зрения, Р. П. Дмитриева сделала очень важное наблюдение: она заметила, что автор «Задонщины» сообщил о том, что он *воспользовался сочинением Софония или как источником, или как образцом*. Этот вывод она сделала, проанализировав построение предложения с упоминанием Софония. По мнению исследовательницы, слово «сего» следует относить не к Дмитрию Ивановичу, как это было принято, а к Софонию, поскольку именно он упоминается перед указательным местоимением (Аз же помяну резанца *Софония* и восхвалю пѣсми гусленными словесы *сего* великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича...) (У). Таким образом, «автор „Задонщины“ хотел сказать, что словами Софония он восхвалит князя Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского» [Дмитриева 1982, с. 364].

<sup>12</sup> Текст, заключенный в квадратные скобки, по нашему мнению, является позднейшей вставкой составителя Пространной редакции: его нет в списках К-Б и С, а в списках У и И-1 он занимает разное место (см. вышеприведенные фрагменты).

Согласно исследованию Р. П. Дмитриевой, автор «Задонщины» воспользовался двумя поэтическими произведениями — «Словом о полку Игореве» и неизвестным нам сочинением Софония. По ее мнению, этим сочинением было «Слово о Мамаевом побоище», существование которого предполагал А. А. Шахматов. Р. П. Дмитриева высказала также «осторожное» предположение, что краткий текст в Тверском сборнике под 1380 г., озаглавленный как «Писание Софония резанца...» и связанный одновременно с «Задонщиной» и со «Сказанием о Мамаевом побоище», мог быть сочинением Софония рязанца и служить источником для двух названных произведений о Куликовской битве [Дмитриева 1982, с. 366–367].

А. Л. Никитин, развивая это предположение, уже «со всей уверенностью» утверждал, что «единственным произведением Софония было то „писание“, которое дошло до нас в списке Тверской летописи. Никакого другого произведения Софоний не создавал (...) Поэтому усвоение ему какого-то историко-литературного, тем более поэтического сочинения, от которого до нас не дошло ни одной сколько-нибудь достоверной строки, вполне обоснованно и бесперспективно» [Никитин, с. 247–248]. Отождествляя Софония вслед за В. Ф. Ржигой с рязанским боярином Софонием Алтыкулачевичем, А. Л. Никитин считал, что в Тверской летописи сохранилось донесение московскому князю рязанского боярина о грозящей опасности, сделанное с ведома и по поручению рязанского князя. «Поведание» Софония якобы «не только предотвратило внезапность нападения ордынцев, но и послужило причиной внесения имени этого рязанского боярина в поэтическое произведение, прославляющее победу московского князя на Дону», т. е. «Задонщину», где он был упомянут «в благодарность за свою миссию, способствовавшую победе над Мамаем» [Никитин, с. 248]. Появление имени Софония в заголовке некоторых списков «Задонщины» (К-Б и С) А. Л. Никитин объяснил «сокращением под пером редакторов и переписчиков упоминания пира и полученного на нем известия, которое было внесено в Тверскую летопись из полного текста „Задонщины“, восходившего к ее протографу». Перемещение имени Софония в заголовок произошло якобы потому, что переписчики фразу о его «поведании» воспринимали шире, чем только известие о Мамае, распространяя ее на все произведение [Никитин, с. 248].

Предположение о том, что в Тверском сборнике содержится либо общий источник «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» (Р. П. Дмитриева), либо текст, отражающий деловое донесение Софония московскому князю о стоянии Мамаея на реке Воронеж, выписанное из «Задонщины»

(А. Л. Никитин), не может быть принято. В Тверском сборнике читаются лишь две краткие выписки из «Задонщины»: начало<sup>13</sup> и конец<sup>14</sup> текста. Причем первый фрагмент — это компиляция текста «Задонщины» и «Сказания»: здесь читается заглавие произведения, сходное с заглавием *К-Б*, и прямая речь некоего лица, явно основанная на следующем тексте «Сказания»: «И доиде же до усть рѣкы Вороножа и распусти всю силу свою и заповѣда всѣм татаром своимъ яко: „Да не пашете ни единъ васъ хлѣба, будите готовы на русскыа хлѣбы!“» [«Сказание», Основная редакция, с. 26]. Возможно, автор текста в Тверском сборнике решил отредактировать читающееся в начале Пространной редакции «Задонщины» (*У*) менее информативное сообщение: «Вѣдомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю» (с. 535).

Сложное построение А. Л. Никитина несостоятельно уже потому, что фраза о пире в «Задонщине», якобы содержащая имя Софония, является позднейшей вставкой составителя Пространной редакции в первоначальный текст (см. об этом далее). А упоминание имени Софония в тексте списков *И-1* и *У* как предшественника автора «Задонщины», действительно содержащееся в авторском тексте, исследователем проигнорировано.

Не мог быть Софоний и автором предполагавшегося А. А. Шахматовым «Слова о Мамаевом побоище», якобы общего источника «Задонщины» и «Сказания». Гипотеза ученого не нашла подтверждения. Наши исследования привели к выводу, что «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» находятся в более сложных отношениях: вначале автор «Задонщины» основывался на тексте «Сказания», а затем редакторы «Сказания» «украшали» его вставками из поэтической «Задонщины» [см.: Соколова 2021]. Кроме того, если уже существовало поэтическое произведение о Куликовской битве, то зачем *его словами* создавать еще одно произведение на ту же тему?

<sup>13</sup> «В лѣто 6888. А се писание Софония Резанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андрѣевичу. Вѣдомо ли вамъ, рускимъ государямъ, царь Мамай пришель из (За)волжиа, сталь на рѣцѣ на Воронежѣ, а всѣмъ своимъ улусомъ не велѣль хлѣба пахать. А вѣдомо мое таково, что хочеть ити на Русь, и вы бы, государи, послали его пообыскать, туто ли онъ стоять, где его мнѣ повѣдали?» [ПСРЛ, стб. 440]. Текст издан в ПСРЛ по рукописи: РНБ. Собр. Погодина. № 1414. Л. 160 об. Этот же текст читается в другом списке Тверской летописи: ГИМ. Музейское собр. № 288-б, см.: [Демкова, с. 441–442].

<sup>14</sup> Вслед за процитированным началом в рукописи Тверского сборника было написано, но потом зачеркнуто киноварью окончание «Задонщины»: «Тѣмъ же всѣмъ суженое мѣсто между Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ на Непрядвѣ; а положили главы своа за землю Рускую и за вѣру христианскую. А мы поидемъ въ свою отчину, въ землю Залѣскую, къ славному граду Москвѣ, и сядемъ на своемъ великомъ княжении; чести есмя собѣ добыли и славнаго имени. Конецъ» [ПСРЛ, стб. 440].



Текст «Задонщины» позволяет, как представляется, выдвинуть другую гипотезу: Софоний был автором произведения, не связанного с Куликовской битвой или предшествующими сражениями русских с татаро-монголами<sup>15</sup>.

Прежде всего рассмотрим вступление к «Задонщине». Полностью оно читается только в списке У, но восходит к авторскому тексту, поскольку в сильно сокращенном виде присутствует и в списке К-Б. Исключение составляет только начальный фрагмент о пире у Микулы Васильевича, читающийся в списках У и Ж (следы его присутствуют также в списке С). О том, что этот фрагмент не принадлежит первоначальному, авторскому тексту, уже писали исследователи, в частности В. П. Адрианова-Перетц, А. А. Потебня, О. В. Творогов. По нашему мнению, фрагмент о пире является позднейшим добавлением составителя *Пространной* редакции; см. об этом: [Соколова 2022, с. 497–498].

Вступление в *Пространной* редакции «Задонщины» состоит из двух частей. В первой части вступления (прологе) автор говорит о том, с какой целью написано его произведение, *в чем его смысл*. Во второй части (зачине) — об источнике своих «словес» и о том, *как* он будет рассказывать о Куликовской битве и ее героях<sup>16</sup>.

В прологе автор вспоминает печальное прошлое Русской земли, начавшееся с поражения от «поганых», одолевших русских сначала в битве на Каяле (половцы), а потом в битве на Калке (татары). Вспоминает он русских воинов, которые, оставив свои дома, жен и детей, сражались в битвах с татарами и положили свои головы за Русскую землю. Описав это печальное прошлое, автор «Задонщины» собирается противопоставить его радостному настоящему: победе православной руси над «хиновью». В противовес *жалости* (описанию печального прошлого) он собирается «восписать» *похвалу* великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу, собравшему многочисленное войско, и его брату Владимиру Андреевичу.

Во второй части вступления (зачине) автор «Задонщины» говорит о том, что он собирается повествовать «по дѣлом и по былинам», т. е. правдиво, опираясь на исторические факты, достоверные рассказы о битве. По всей вероятности, автор «Задонщины» имеет в виду исторические события («дѣла») и предшествующие исторические повествования о битве с Мамаем, в данном случае это «Летописная повесть о Куликовской битве»

<sup>15</sup> А. А. Горский предположил, что Софоний был автором произведения о Батыевом нашествии, отразившегося в «Повести о разорении Рязани Батыем» [Горский, с. 135–136]. По мнению А. Ю. Чернова, Софоний написал «Повесть о разорении Рязани» [Чернов, с. 42–43].

<sup>16</sup> Подробный разбор вступления к «Задонщине» (состоящего из пролога и зачина) см.: [Соколова 2014, с. 686–691].

и «Сказание о Мамаевом побоище», на которых, по нашему мнению, он основывался [Соколова 2020]. При этом он заявляет о своем намерении поведать о полку (походе) Дмитрия Ивановича «*иными словесы*», отличающимися «от похвальных о(т) нынешних (т. е. современных автору. — Л. С.) повѣстех». Вероятно, здесь имеется в виду, что его повествование будет поэтическим. Поясняя свое решение, он вспоминает «первых лѣт времена» и восхваляет вещего Бояна, искусного «гудца» (песнетворца-гусельника) в Киеве, который, воскладая искусные свои персты на живые струны гуслей, пел славы русским князьям. Автор «Задонщины» называет имена князей, символизирующих определенные вехи в русской истории: первого киевского князя Игоря Рюриковича, великого князя Владимира Святославича, крестившего Русь, и великого князя Ярослава Мудрого, любителя книжной мудрости, создателя великолепных христианских храмов.

Восхваляя вслед за «Словом о полку Игореве» Бояна, автор «Задонщины», в свою очередь, «поминает» Софония («Аз же помяну рязанца Софония») и заявляет о своем намерении восхвалить песнями гусельными (исполнявшимися речитативом под аккомпанемент гуслей), буйными словами *сего* (т. е. Софония) великого князя Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича.

Приведем для наглядности текст в нашей реконструкции с разбивкой на синтагмы:

...помянем первых лѣт времена,  
похвалим вещаго Бояна,  
горазна гудца в Киеве.  
Тои бо вѣщий Боянъ  
воскладоша горазная своя персты  
на живыя струны,  
пояша руским князем славу {...}  
Аз же помяну Софония резанца  
и восхваляю пѣсми гусленными,  
буиными словесы сего  
великаго князя Дмитрея Ивановича...

Только в том случае, если относить слово «сего» к имени Софония, как предложила Р. П. Дмитриева, объяснимо упоминание этого имени автором «Задонщины». Если же слово «сего» относить к имени Дмитрия Ивановича, то непонятно, с какой целью вспоминает автор «Задонщины» Софония рязанца (не случайно С. К. Шамбинаго в своей реконструкции опустил его). Ведь для того, чтобы сказать слушателю / читателю, что он будет петь гусельными песнями, было достаточно упоминания имени Бояна.

Возможно, смысл упоминания Софония был еще более ясен в оригинале «Задонщины», где вместо слова «сега», которое можно отнести как к предыдущей, так и к последующей синтагме, могло стоять слово «его», к которому один из позднейших редакторов, не поняв смысла высказывания, добавил букву «с», превратив «его» (однозначно относившееся к Софонии) в «сега».

И вот здесь следует вспомнить о том, что «Задонщина» написана словами «Слова о полку Игореве». Это означает, что автор «Задонщины» заявляет о намерении написать свое произведение словами Софония рязанца и пишет его — словами «Слова о полку Игореве»! Вывод, на мой взгляд, очевиден настолько, что трудно понять, почему Р. П. Дмитриева не сделала его: именно Софония автор «Задонщины» считает автором «Слова о полку Игореве».

Источником сведений о Куликовской битве для автора «Задонщины» послужили «Летописная повесть о Куликовской битве» и «Сказание о Мамаевом побоище», а стилистическим образцом, источником «словес» — «Слово о полку Игореве», автором которого он называет Софония рязанца. По догадке Д. С. Лихачева, «центральная идея „Задонщины“ — идея реванша». Именно этим объяснялось, по мнению ученого, обращение ее автора к «Слову о полку Игореве», а не простым подражанием его стилю. В сближении событий прошлого и настоящего «пафос исторического замысла» «Задонщины» [Лихачев, с. 287–290].

Что нам известно о Софонии, кроме того, что он, по сообщению автора «Задонщины», создал «Слово о полку Игореве»?<sup>17</sup>

Во всех без исключения упоминаниях, и в «Задонщине», и в «Сказании о Мамаевом побоище», имя Софония сопровождается эпитетом «рязанец».

По мнению В. Ф. Ржиги, «нет сомнения в том, что Софоний, ранее живший в Рязани, переселился в другой центр, где и создал произведение, сделавшее его известным», «поскольку эпитеты, указывающие на происхождение лица из какой-нибудь области, давались обычно тогда, когда это лицо действовало в ином месте» [Ржига, с. 401]. Однако С. П. Тимофеев

---

<sup>17</sup> Профессор Воронежского университета А. М. Ломов приписал Софонии, жившему, по его мнению, в XIV — нач. XV в., большое количество литературных произведений Древней Руси, в том числе «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели Русской земли», «Слово» Даниила Заточника и многие другие произведения, как поэтические, так и прозаические [Ломов]. К сожалению, «биография» Софония построена на фантазии исследователя. М. А. Шибаев полагает, что Софоний рязанец создал (или записал) в одно время (около 3-й четв. XV в.) в Кирилло-Белозерском монастыре «Слово о полку Игореве» и «Задонщину» [Шибаев].

предполагал, что «Задонщина» была написана «старцем Софонием» именно в Рязани, так как «в ней («Задонщине». — Л. С.) нет никаких нападок на рязанцев или их князя» [Тимофеев, ч. 241, Сентябрь, с. 41, 43]. А. В. Лаврентьев попытался объяснить связь Софония с Рязанью упоминаемыми рязанскими топонимами (Куликово поле, Непрядва, Чур-Михайлов); по его мнению, описание места битвы в «Задонщине» «гораздо более конкретно, скорее всего, потому, что текст (или его источник) принадлежал уроженцу Рязани» [Лаврентьев, с. 204].

По убеждению А. В. Соловьева, «Софоний был, несомненно, священником, может быть, иеромонахом-„старцем“, жившим в Рязани. Однако прозвище „Рязанец“ не указывает на его происхождение: древнейшее упоминание о нем, в Тверской летописи, ясно называет его еще „брянским боярином“. Уже С. К. Шамбинаго правильно заметил: „Он мог стать священником после того, как был боярин. Родом с юга, он легко мог принести с собой в Рязань рукопись Слова о полку Игореве, а может быть, и целую библиотеку, так как видно, что он был человеком книжным, а судя по его Слову (т. е. «Задонщине». — Л. С.) — и не без таланта“» [Соловьев, с. 183–184]. Далее А. В. Соловьев высказывает предположение, что уехать из Брянска Софония заставили события середины XIV в., после которых «очевидно, город опустел, ибо „лучшие люди“, боясь „лихих людей“ и не желая служить литовцам, уехали на север» [Соловьев, с. 184]<sup>18</sup>.

Брянское происхождение Софония и его иерейство отстаивает современный исследователь из Брянска О. Д. Федченко. Он, разумеется, тоже ссылается на выписку из «Задонщины» в Тверском сборнике. При этом исследователь пытается дезавуировать прозвание Софония «рязанец» довольно оригинальным, если не сказать странным, образом. По его мнению, «мы видим в „Задонщине“ некий словообразовательный термин от греческого

---

<sup>18</sup> Сходную «биографию» Софония реконструирует В. Суетенко, который в 1976 г. выдвинул предположение, согласно которому автором «Слова о полку Игореве» был Софоний Рязанец. Он полагает, что упоминаемый в «Задонщине» Софоний попал в нее из «Слова о полку Игореве». Определение Софония как «брянского боярина» в кратком фрагменте Тверского сборника Суетенко безосновательно переносит на автора «Слова», жившего на два с половиной века ранее. Согласно выдуманной В. Суетенко биографии Софония как автора «Слова», последний, будучи брянским боярином, где не было тогда княжеского стола, отправился служить удалым рязанским князьям и отсутствовал достаточно долго, чтобы по возвращении получить прозвище Рязанец. Брянское происхождение Софония как автора «Слова» подтверждается, по мнению Суетенко, параллелями к отдельным оборотам и словам «Слова» в брянских говорах [Суетенко, с. 26]. Изложение гипотезы В. Суетенко дал Л. А. Дмитриев в статье об авторе «Слова» Энциклопедии «Слова о полку Игореве», умолчав о научной ценности высказанной гипотезы [Дмитриев 1995, с. 29].

ράσων (в современном значении — рясоносец)<sup>19</sup> и риза (черноризец / черно-ризник) — „рязанец“, определяющий принадлежность Софония к монашеству, который впоследствии исследователями был ошибочно сориентирован на созвучный топоним» [Федченко, с. 14].

Между тем В. Ф. Ржига считал сомнительным определение Софония как брянского боярина в списке Тверской летописи. Он указал на то, что Тверская летопись составлена поздно, не ранее 30-х годов XVI в.<sup>20</sup> Ее составитель характеризует себя как человека некнижного, в летописи его имеются сведения, не подтверждаемые другими историческими источниками [Ржига, с. 402–403].

В. Ф. Ржига допускал возможность отождествления рязанца Софония «Задонщины» с рязанским боярином Софонием Алтыкулачевичем, который упоминается в числе прочих бояр как советник князя в жалованной грамоте рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю близ Рязани на село Арестовское, датируемой 70-ми гг. XIV в. [Жалованная грамота]. Но при этом исследователь отметил, что «отождествление Софония Рязанца с рязанским боярином Софонием Алтыкулачевичем является не более как гипотезой» [Ржига, с. 405]. Ржигу поддержал А. Никитин [Никитин, с. 248], а позже Р. Ф. Набиев [Наби, с. 93]<sup>21</sup>. Если же мы признаем, что речь идет о Софонии XII в., то его отождествление с боярином XIV в. Софонием Алтыкулачевичем теряет силу гипотезы.

<sup>19</sup> На чем основывает О. Д. Федченко утверждение о «современном значении» греч. слова *ράσων* («рясоносец»), неизвестно. Слово *ράσων* переводится как «ряса» и означает верхнее, не богослужбное облачение лиц духовного сана и монашествующих. Слову же «рясоносец» соответствует греч. *ρασοφόρος*.

<sup>20</sup> Ср. современный комментарий Д. М. Буланина: «Тверской сборник (Тверская летопись) представляет собой довольно позднюю компиляцию. В Тверском сборнике произошло механическое соединение двух летописных сводов, причем две части независимы друг от друга и не объединены даже редакторски. Первый свод, который содержится в Тверском сборнике и в котором читаются повести о битве на Калке и о Батыевом нашествии, составлен в 1534 г. Считается, что составитель свода 1534 г. был ростовцем. Свод этот основывался на Ермолинской (или близкой к ней Львовской) летописи и содержал также заимствования из Новгородской первой и Софийской первой летописей. Второй свод, вошедший в Тверской сборник, представляет собой в основном летопись тверских событий» [Буланин, с. 468–469].

<sup>21</sup> Исследователь «склонен предполагать, что протограф текста Сказания *был написан на тюрки или смешанном жаргоне*» Софонием Алтыкулачевичем, что он, «возможно, был относительно небольшим рассказом, оцененным с идеологической позиции, но не понятым до конца (или преднамеренно позже искаженным редактором (...)) примерно во время правления Ивана IV» [Наби, с. 92]. Причем, по утверждению Р. Набиева, «за „великую Куликовскую битву“ выдается какое-то иное, относительно мелкое событие, например — столкновение на Воже» [Наби, с. 65, 96].

В списке «Задонщины» *И-1* XVI в. (на л. 216) и в выписке из нее в рукописи РГБ. Собр. Румянцевского музея. № 378 (см. выше примеч. 2) к имени Софония, кроме прозвания «рязанец», прибавлено определение «иерей». В заглавии большинства списков «Сказания о Мамаевом побоище», где упомянуто имя Софония, он тоже определяется как рязанец и иерей (см. выше примеч. 3).

Однако и «иерейство» Софония вызвало у исследователей сомнения. В. Ф. Ржига, присоединяясь к мнению А. Д. Седельникова [Седельников, с. 526–527], прибавляет: «В самом деле, трудно представить себе, что автор чисто светского произведения, ни разу не упомянувший в нем о церковных властях, был иереем. Надо полагать, что иерейство Софония является результатом позднего домысла, который мог возникнуть не ранее XVI в.» [Ржига, с. 402]. Добавим: то же с еще большим основанием можно сказать об иерействе Софония в том случае, если он был автором «Слова о полку Игореве».

Наконец, в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» (XV в.) Софоний назван не только «рязанцем», но и «старцем». Слово «старец» в Древней Руси имело, помимо остальных значений, значение «пожилой монах, а также монах, инок вообще» [СлРЯ, с. 209]. По всей вероятности, Ефросин, перерабатывая «Задонщину» первоначальной редакции, ориентировался на список, сходный с *И-1*, где Софоний назван «иереем».

Итак, ничего, кроме какого-то отношения к Рязани, мы не можем уверенно сказать о Софонии.

Откуда автор «Задонщины» мог знать имя автора «Слова о полку Игореве», жившего за два с половиной столетия до него? Возможно, имена певцов передавались исполнителями из уст в уста. Возможно также, что имя автора «Слова» читалось в рукописи. По всей вероятности, автор «Задонщины» вспоминал Софония как своего земляка, рязанца. О том, что сам автор «Задонщины» был рязанцем, в какой-то мере свидетельствует то, что он с сочувствием говорит о Рязанской земле: «И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют, но едины вороны грают, трупы ради человеческия. Грозно и жалостно в то врѣмя бѣше тогда слышати, зане же трава кровию пролита бысть, а дрѣвеса тугою к земли приклонишася» (с. 538). Согласно же «Летописной повести», битва состоялась не на Рязанской земле, а за пределами Русской земли. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» также сообщает, что князь, перешедши Дон, вошел «в полѣ чисто, в Мамаеву землю» [«Сказание», Основная редакция, с. 20], и о Рязанской земле как пострадавшей от происшедшей битвы на поле Куликовом здесь не говорится. Самое большое число погибших бояр, согласно

«Задонщине», составили рязанцы (70), в то время как московских бояр было убито 40, муромских — 40, можайских — 60 и т. д. В «Сказании о Мамаевом побоище» другая картина. Согласно Основной редакции, больше всего погибло можайских «бояринов» (70), 60 звенигородских, 50 суздальских, 50 нижегородских, по 40 «бояринов» московских, серпуховских и муромских, 35 владимирских и т. д. А о погибших рязанских боярах не упоминается. В «Летописной повести» и «Сказании о Мамаевом побоище» читаем резкие выпады против Олега Рязанского, якобы выступившего на стороне Мамаю, посылавшего ему свои войска, а в основанной на этих текстах «Задонщине» о предательстве Олега Рязанского нет ни слова! Не говорит автор «Задонщины» и о том, что рязанцы ограбили русских воинов, возвращавшихся с Куликовской битвы, о чем повествуется в «Летописной повести» и в рассказе о Куликовской битве в своде 1408 г.

По всей вероятности, автор «Задонщины» не случайно характеризует Софония как рязанца, подчеркивая тем самым свою приверженность к творчеству земляка.

Является ли имя Софоний (вариант имени Софроний?<sup>22</sup>) подлинным или это псевдоним поэта XII в., «говорящее имя», каким было имя его предшественника, поэта XI века — Бояна? Судя по значению имени Софроний, отождествлявшегося с именем Софоний, оно вполне может быть «говорящим», и автор «Слова» мог получить его благодаря своему таланту и мудрости<sup>23</sup>.

Правильное прочтение фрагмента «Задонщины» с упоминанием имени Софония вносит весомый аргумент в спор о том, какое из двух произведений («Слово» или «Задонщина») является первичным. Предложение «скептиков» считать «Задонщину» первичной по отношению к «Слову» опровергается сообщением самого автора «Задонщины», который в середине

---

<sup>22</sup> Среди писателей с именем Софроний Евгений Болховитинов в «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви» называет и Софония как автора «Сказания о Мамаевом побоище»: «Софроний. Рязанский священник XV века, сочинил Историю или Повесть о нашествии безбожного царя Мамаю с бесчисленными агаряны. Повесть сия внесена в Никонову летопись, а особый список есть в Патриаршей библиотеке» [Евгений (Болховитинов), митр.]. В «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова имя Софоний также осмыслено как вариант имени Софроний: «Софроний (*Софоний*) — рязанец, живший в первой половине XV в., автор „Похвалы вел. кн. Димитрию Ивановичу и брату его Володимеру Андреевичу“ — литературного памятника о Куликовской битве, известного под именем „Задонщина“» [РБС, с. 162].

<sup>23</sup> Соφρόν (др.-греч. Σώφρων) — имя греческого происхождения, состоящее из двух частей: Σῶς — 'цельный, неповрежденный' и φρων — 'дух, разум'. В переводе с древнегреческого языка имя означает «благоразумный», «здравомыслящий», «мудрый», «разумный».

XV в. откровенно признался в том, что использовал «Слово о полку Игореве» Софония, изложив историю Куликовской битвы его «буиными словесы». И то, что это действительно так, наглядно демонстрирует проведенное В. П. Адриановой-Перетц пофразовое сопоставление текста «Слова о полку Игореве» с многочисленными заимствованиями из него в разных списках «Задонщины» [Адрианова-Перетц, с. 140–147].

Итак, по указанию составителя «Задонщины», автором «Слова о полку Игореве» был Софоний рязанец. Его словами, образными выражениями автор «Задонщины» описал историю похода Дмитрия Донского против Мама, противопоставив время бедствий на Руси времени радости по поводу одержанной знаковой победы над сильным врагом.

## Литература

- Адрианова-Перетц — *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина» // Радянське літературознавство. Київ, 1947. № 7–8. С. 135–186.
- Буланин — Летописные повести о монголо-татарском нашествии / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 92–131, 467–472.
- Буслаев — *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М.: Унив. тип., 1861. 1632 стб.
- Горский — *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1992. 171 с.
- Демкова — *Демкова Н. С.* Заимствования из «Задонщины» в текстах распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Л.: Наука, 1966. С. 440–476.
- Дмитриев 1982 — *Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. С. 306–359.
- Дмитриев 1988 — *Дмитриев Л. А.* Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2: (Вторая половина XIV — XVI в.), ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. С. 345–353.
- Дмитриев 1995 — *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 24–36.
- Дмитриева 1979 — *Дмитриева Р. П.* Был ли Софоний рязанец автором «Задонщины»? // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 18–25.
- Дмитриева 1982 — *Дмитриева Р. П.* Об авторе «Задонщины» // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. С. 360–368. (Лит. памятники).
- Евгений (Болховитинов), митр. — *Евгений (Болховитинов), митр. Киевский и Галицкий.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви: В 2 т. 2-е изд., испр. и умнож. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1827. Т. 1: [А–К]. [4], 343, [2] с.; Т. 2: [Л–Ф]. [4], 333, [2], LXVI с.; [Репр. изд. 1995]. URL: <https://1451.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.08.2023).
- Жалованная грамота — Жалованная данная и тарханная грамота Олега Ивановича 1321 г. // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 3. С. 350. № 322.



- Зимин — *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 515 с.
- Иловайский — *Иловайский Д. И.* История России: Московско-литовский период, или Собиратели Руси. Начало XIV — конец XV века. М.: Центрполиграф, 2023. 575 с.
- Лаврентьев — *Лаврентьев А В.* «Задонщина», Рязань и московская великокняжеская семья // *Slovène = Словѣне*. 2015. Т. 4, № 2. С. 180–213.
- Лихачев — *Лихачев Д. С.* «Задонщина» // *Лихачев Д. С.* Великое наследие. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1979. С. 278–292.
- Ломов — *Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж: Изд.-полигр. центр Воронежского гос. ун-та, 2010. 244 с.
- Наби — *Наби Р.* [*Набиев Р. Ф.*] Правда о «Куликовской битве». Казань: «Иман», 2004. 132 с.
- Назаров — *Назаров И.* Сказание о Мамаевом побоище // ЖМНП. СПб., 1858. Ч. 99, Июль — август. С. 31–107 (II отдел).
- Никитин — *Никитин А. Л.* Что написал Софоний Рязанец? // Герменевтика древнерусской литературы / ИМЛИ РАН. М.: Наследие, 2000. Сб. 10. С. 242–251. То же в кн.: *Никитин А. Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.: АГРАФ, 2001. 768 с.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. 432 с. [разд. паг.: XII с. + 186 стб. + 29 с.; V с. + 504 стб. + 35 с.]
- РБС — *А. Ш-въ.* Софроний (Софоний) // Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председ. Импер. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1909. Т. 19: (Смѣловский — Суворина). С. 162–163.
- Ржига — *Ржига В. Ф.* О Софонии рязанце // Повести о Куликовской битве. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 401–405.
- Седельников — *Седельников А. Д.* Где была написана «Задонщина»? // *Slavia*. 1930. Роѣ. 9, seř. 3. S. 526–527.
- «Сказание», Основная редакция — «Сказание о Мамаевом побоище». Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. С. 25–48.
- СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2006. Вып. 27. 275 с.
- «Слово» и памятники — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова» / Ред. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. М.; Л.: Наука, 1966. 618 с.
- Соколова 1986 — *Соколова Л. В.* Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 65–74.
- Соколова 1987 — *Соколова Л. В.* Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по Древней и Новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 210–215.
- Соколова 2014 — *Соколова Л. В.* Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 62. С. 673–724.
- Соколова 2020 — *Соколова Л. В.* История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // Русская литература. 2020. № 3. С. 153–164.
- Соколова 2021 — *Соколова Л. В.* Параллельные чтения в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Задонщине»: проблема заимствований // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2021. Т. 68. С. 546–575.

- Соколова 2022 — Соколова Л. В. Вставки составителя Пространной редакции «Задонщины» в авторский текст // ТОДРЛ. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. Т. 69. С. 495–526.
- Соловьев — Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 183–197.
- Стеллецкий — Стеллецкий В. И. Ритмический перевод «Задонщины»: Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, или Задонщина. Писание Софонии Рязанца // Герменевтика древнерусской литературы / ИМЛИ АН СССР. М.: [б. и.], 1989. Сб. 1: XI–XVI века. С. 291–319.
- Суетенко — Суетенко В. Соловей Древней Руси // Огонек. 1976. № 42. С. 25–27.
- Творогов — Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Л.: Наука, 1966. С. 526–532.
- Тимофеев — Тимофеев С. П. Сказания о Куликовской битве: (Опыт историко-литературного исследования) // ЖМНП. СПб., 1885. Ч. 240, Август. С. 203–231 (Отд. II); Ч. 241, Сентябрь. С. 19–46 (Отд. II).
- Федченко — Федченко О. Д. Софоний рязанец, брянский боярин // Вестник экспериментального образования. 2018. № 4 (17). С. 9–15.
- Хрущов — Хрущов И. П. О памятниках, прославивших Куликовскую битву // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев: Унив. тип., 1879. Кн. 1. С. 70–78.
- Чернов — Чернов А. Ю. Хроники изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006. 476 с.
- Шамбинаго — Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1906. Разд. паг.: VI с., 375 с. + 190 с.
- Шахматов — Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище», СПб., 1906 (Отд. оттиск из «Сборника Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук» // Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. С. 79–204.
- Шибяев — Шибяев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 29–40.

## References

- Adrianova-Peretts, V. P. (1947). '«Slovo o polku Igorevim» i «Zadonshchina»', *Radyans'ke literaturoznavstvo* (Київ), 7–8, 135–186.
- Bulanin, D. M., ed. (1997). 'Letopisnye povesti o mongolo-tatarskom nashestvii', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 5, 92–131; 467–472.
- Buslaev, F. I. (1861). *Istoricheskaya khrestomatiya tserkovnoslavjanskogo i drevnerusskogo yazykov*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1632 col.
- Chernov, A. Yu. (2006). *Khroniki iznanochnogo vremeni. «Slovo o polku Igoreve»: tekst i ego okrestnosti*. Saint Petersburg: Vita Nova, 476 p.
- Demkova, N. S. (1966). 'Zaimstvovaniya iz «Zadonshchiny» v tekstakh rasprostranenoj redaktsii «Skazaniya o Mamaevom poboishche»', in: *«Slovo o polku Igoreve» i pamyatniki Kulikovskogo tsikla*. Leningrad: Nauka, 440–476.
- Dmitriev, L. A. (1982). 'Literaturnaya istoriya pamyatnikov Kulikovskogo tsikla', in: *Skazaniya i povesti o Kulikovskoi bitve*. Leningrad: Nauka, 306–359.

- Dmitriev, L. A. (1988). 'Zadonshchina', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad: Nauka. Vol. 2 (vtoraya polovina XIV — XVI vek), chast' 1 (A–K), 345–353.
- Dmitriev, L. A. (1995). 'Avtor «Slova»', in: *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1, 24–36.
- Dmitrieva, R. P. (1979). 'Byl li Sofonii ryazanets avtorom Zadonshchiny?', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 34, 18–25.
- Dmitrieva, R. P. (1982). 'Ob avtore «Zadonshchiny»', in: *Skazaniya i povesti o Kulikovskoi bitve*. Leningrad: Nauka, 360–368. (Literaturnye pamyatniki).
- Evgenii (Bolhovitinov), mitropolit Kievskii i Galitskii (1827; reprint: 1995). *Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisatelyakh dukhovnogo china greko-rossiiskoi tserkvi*. 2 vols. 2<sup>nd</sup> ed. Saint Petersburg: Tipografiya Ivana Glazunova. Vol. 1: [A–K]. [4], 343, [2] p.; Vol. 2: [L–F]. [4], 333, [2], LXVI p.; accessed Aug. 15, 2023, <https://1451.slovaronline.com/>
- Fedchenko, O. D. (2018). 'Sofonii ryazanets, bryanskii boyarin', *Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya*, 4 (17), 9–15.
- Gorskii, A. A. (1992). «Slovo o polku Igoreve» i «Zadonshchina»: istorikovedcheskie i istoriko-kul'turnye problemy. Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 171 p.
- Ilovaiskii, D. I. (2023). *Istoriya Rossii. Moskovsko-litovskii period, ili Sobirатели Rusi. Nachalo XIV — konets XV veka*. Moscow: Tsentrpoligraf, 575 p.
- Khrushchov, I. P. (1879). 'O pamyatnikakh, proslavivshikh Kulikovskuyu bitvu', in: *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora-letopistsa*. Vol. 1, 70–78.
- Lavrent'ev, A. V. (2015). '«Zadonshchina», Ryazan' i moskovskaya velikoknyazheskaya sem'ya', *Slověne = Slověne*. Vol. 4, 2, 180–213.
- Likhachev, D. S. (1979). '«Zadonshchina»', in: *Velikoe nasledie*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow: Sovremennik, 278–292.
- Likhachev, D. S., Dmitriev, L. A., eds. (1966). «Slovo o polku Igoreve» i pamyatniki Kulikovskogo tsikla. K voprosu o vremeni napisaniya «Slova». Moscow; Leningrad: Nauka, 618 p.
- Lomov, A. M. (2010). «Slovo o polku Igoreve» i vokrug nego. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 244 p.
- Nabi, R. [Nabiev, R. F.] (2004). *Pravda o Kulikovskoi bitve*. Kazan': Iman, 132 p.
- Nazarov, I. (1858). 'Skazanie o Mamaevom poboishche', *Zhurnal ministerstva narodnogo obrazovaniya*. Saint Petersburg. Vol. 99, iyul'–avgust, 31–107 (II otdel).
- Nikitin, A. L. (2000). 'Chto napisal Sofonii Ryazanets?', in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Moscow: Nasledie. Sbornik 10, 242–251. Idem (2001), in: *Osnovaniya russkoi istorii: Mifologemy i fakty*. Moscow: AGRAF, 768 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* (2000). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 15. Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik, 432 p., pag. var. (XII p. + 186 col. + 29 p.; V p. + 504 col. + 35 p.).
- Rzhiga, V. F. (1959). 'O Sofonii ryazantse', in: *Povesti o Kulikovskoi bitve*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 401–405.
- Sedel'nikov, A. D. (1930). 'Gde byla napisana «Zadonshchina»?', *Slavia*. Roč. 9, seš. 3, 526–527.
- Shakhmatov, A. A. (1910). 'Otzyv o sochinenii S. Shambinago: «Povesti o Mamaevom poboishche»'. Saint Petersburg, 1906 (Otdel'nyi ottisk iz «Sbornika Otdeleniya

- russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk'), in: *Otchet o dvenadtsatom prisuzhdenii Imperatorskoi Akademii nauk premii mitropolita Makariya v 1907 godu*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 79–204.
- Shambinago, S. K. (1906). *Povesti o Mamaevom poboishche*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 375+190 p. (pag. var.).
- Shibaev, M. A. (2003). '«Zadonshchina», «Slovo o polku Igoreve» i Kirillo-Belozerskii monastyr', *Ocherki feodal'noi Rossii* (Moscow), 7, 29–40.
- Sh-v, A. (1909). 'Sofronii (Sofonii)', in: A. A. Polovtsov, ed. *Russkii biograficheskii slovar'*. Saint Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za». Vol. 19, 162–163.
- '«Skazanie o Mamaevom poboishche». Osnovnaya redaktsiya' (1982), in: *Skazaniya i povesti o Kulikovskoi bitve*. Leningrad: Nauka, 25–48.
- Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vekov* (2006). Moscow: Nauka. Vol. 27, 275 p.
- Sokolova, L. V. (1986). 'Zachin v «Slove o polku Igoreve»', in: *Issledovaniya «Slova o polku Igoreve»*. Leningrad: Nauka, 65–74.
- Sokolova, L. V. (1987). 'Dve pervye frazy «Slova o polku Igoreve»', in: *Issledovaniya po Drevnei i Novoi literature*. Leningrad: Nauka, 210–215.
- Sokolova, L. V. (2014). 'Pervonachal'na li Kratkaya redaktsiya «Zadonshchiny»? (V svyazi s noveishimi rabotami o vzaimootnoshenii «Slova o polku Igoreve» i «Zadonshchiny»)', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 62, 673–724.
- Sokolova, L. V. (2020). 'Istoriya vozniknoveniya i osobennosti pamyatnikov Kulikovskogo tsikla', *Russkaya literatura*, 3, 153–164.
- Sokolova, L. V. (2021). 'Parallel'nye chteniya v «Skazanii o Mamaevom poboishche» i «Zadonshchine»: problema zaimstvovaniy', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 68, 546–575.
- Sokolova, L. V. (2022). 'Vstavki sostavitelya Prostrannoii redaktsii «Zadonshchiny» v avtorskii tekst', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 69, 495–526.
- Solov'ev, A. V. (1958). 'Avtor «Zadonshchiny» i ego politicheskie idei', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 14, 183–197.
- Stelletskaia, V. I. (1989). 'Ritmicheskii perevod «Zadonshchiny»: Slovo o velikom knyaze Dmitrii Ivanoviche i o brate ego knyaze Vladimire Andreeviche, ili Zadonshchina. Pisanie Sofonii Ryazantsa', in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Sbornik 1. XI–XVI veka. Moscow: [s. n.], 291–319.
- Suetenko, V. (1976). 'Solovei Drevnei Rusi', *Ogonek*, 42, 25–27.
- Timofeev, S. P. (1885). 'Skazaniya o Kulikovskoi bitve. (Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya)', *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 240 (Avgust), 203–231 (otd. II); 241 (Sentyabr'), 19–46 (otd. II).
- Tvorogov, O. V. (1966). 'O kompozitsii vstupleniya k «Zadonshchine»', in: *«Slovo o polku Igoreve» i pamyatniki Kulikovskogo tsikla*. Leningrad: Nauka, 526–532.
- 'Zhalovannaya dannaya i tarkhannaya gramota Olega Ivanovicha 1321 goda' (1964), in: *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV — nachala XVI veka*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3, 350 (№ 322).
- Zimin, A. A. (2006). *Slovo o polku Igoreve*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 515 p.

## ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

### Резюме

В настоящей статье речь идет о художественных приемах, которые по воле автора возникают на основе простого описания реального предмета или явления. Такой прием использовал А. Дюма в центральном романе трилогии: «Королева Марго», «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять» (1845–1848). В «Графине де Монсоро» Дюма подробно описывает охоту (одну из излюбленных забав королевского двора Генриха III Валуа и высшей знати) от начала захватывающего действия и до конца: подъем зверя, затем преследование (гон), затем убийство жертвы. И хотя в «Королеве Марго» и романе «Сорок пять» автор тоже изображает охоту, но только в «Графине де Монсоро» он превращает описание в пространную, развернутую метафору, с которой настойчиво соотносит мотивы разных сюжетных линий. В результате помимо сюжетно-событийной связи (и как бы поверх ее) писатель объединяет пестрый, динамичный рассказ одним иносказанием, отражающимся в характерах, действиях и судьбах многих лиц. Этот прием, разглядев его у Дюма, Л. Толстой использовал в «Анне Карениной» (1875–1877). Сценам охоты в романе Дюма у Толстого соответствует сцена красносельских скачек. Развернутой метафоре Толстой придает значение символа, и оригинальное и эффектное решение чисто художественных задач у него становится средством воплощения глубокой социальной и философской концепции.

В заключении статьи говорится об одной перекличке той же трилогии романов Дюма с последним романом Достоевского. Свообразие этой переклички в том, что описание реального факта мы видим у Дюма, а художественный прием на его основе — в произведении Достоевского.

*Ключевые слова:* А. Дюма, «Графиня де Монсоро», охота, развернутая метафора, художественный прием, Л. Толстой, «Анна Каренина», скачки, символическое действие, Достоевский, «Братья Карамазовы»

## LITERARY DEVICES AND REALITY

## Abstract

This article deals with literary devices that, due to an author's discretion, arise out of the simple description of a real object or an event. Alexandre Dumas used a technique of this kind in the central novel of his trilogy *Queen Margot*, *La Dame de Monsoreau* and *The Forty-Five Guardsmen* (1845—1848). In *La Dame de Monsoreau*, Dumas details a hunt, one of the favorite amusements of the royal court of Henry III of France and of the upper nobility. He describes it from the beginning of the exciting action to the end: first, the flushing out of a wild animal, then its pursuit, and, eventually, the kill. The author also describes hunting in the other two novels, but only in *La Dame de Monsoreau* he turns the description into a lengthy, detailed metaphor with which he persistently correlates the motifs of different storylines. As a result, aside from the plot-event connection (and, as it were, in addition to it), the writer ties his motley, dynamic story together with one allegory, which is reflected in the personalities, actions and fortunes of many characters.

Having observed this device in Dumas's novel, Leo Tolstoy used it in his novel *Anna Karenina* (1875—1877). There the horse racing scene corresponds to the hunting scenes in *La Dame de Monsoreau*. Tolstoy attaches importance to the expanded metaphor in his work, and the original and spectacular solution of purely artistic problems becomes a means of embodying a deep social and philosophical concept.

The article also refers to a distant echo of the same Dumas trilogy in the last novel by Dostoevsky. Whereas in Dumas's text we see a description of a real fact, in Dostoevsky's work it becomes a foundation for a literary device.

*Keywords:* Alexandre Dumas, *La Dame de Monsoreau*, hunting, detailed metaphor, literary device, literary technique, Leo Tolstoy, *Anna Karenina*, horse racing, symbolic action, Fyodor Dostoevsky, *The Brothers Karamazov*

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-29-61

**И** зображение предметно-событийной действительности в художественном тексте далеко не всегда, как известно, сводится к описанию, использующему прямое значение слов. Судьба реальных фактов и рассказ о них зависит от того, какую роль согласно общему замыслу писатель им назначает. И бывает так, что трансформация этих фактов в его сочинении преобразует их столь капитально, что от их реальности почти ничего не остается: она может выветриться и иногда выветривается до иносказания, какого-либо указующего знака, жеста, образно и обобщенно поясняющих изначально чуждые им явления. Такие преобразования становятся художественным приемом. Именно о них идет речь.

Исходным произведением в рассуждении на эту тему служит роман Александра Дюма «Графиня де Монсоро» (отдельное издание 1846 г.) —

центральная часть трилогии, в которую, помимо него, входят «Королева Марго» (1845) и «Сорок пять» (1848). Вместе с не менее известными романами Дюма 1840-х гг. — трилогией «Три мушкетера» (1844), «Двадцать лет спустя» (1845), «Виконт де Бражелон» (1848–1850), а также «Граф Монте-Кристо» (1845–1846) — он наградил писателя громкой славой, давно покинувшей границы своего времени и пространства. Роман «Графиня де Монсоро», как и другие историко-приключенческие сочинения Дюма, был написан в сотрудничестве с Огюстом Маке (1813–1888), но вышел в свет без упоминания об этом<sup>1</sup>. В романе несколько искусно переплетенных, связанных друг с другом сюжетных линий. Исторический фон разворачивающегося действия (Франция второй половины XVI в., правление Генриха III, последнего короля из династии Валуа) написан с детальным знанием предмета. В значительной степени это было заслугой Маке, широко образованного человека и знатока истории. Правда, и Дюма нельзя считать профаном в этой сфере: он увлеченно изучал мемуары и архивные документы и был неплохо осведомлен в привлечших его внимание «делах давно минувших дней». Поэтому, кстати, отступления от исторической правды у него, как правило, не плод невежества, а результат той или иной руководившей им идеи. Но что касается собственно художественной стороны совместной с Маке работы, остроумных творческих решений и удачных находок, то они, безусловно, принадлежат Дюма, несравненно более искусственному и одаренному автору, чем бесцветный Маке.

В центре повествования повседневная жизнь Генриха III Валуа (1551–1589) и его ближайших родных, ее опасности, тревоги, забавы и праздники, которые король проводит среди дружески настроенных или втайне враждебных ему высокопоставленных лиц. На взгляд скучающего короля и его свиты, разные события в череде монотонных дней — лишь возможность повеселиться, нередко не без издевки и ущерба для чьих-то добрых чувств и намерений. Поводом к такому сомнительному веселью становится и бракосочетание одного из фаворитов короля, графа де Сен-Люка, с Жанной де Коссе-Бриссак, дочерью почтенного маршала, согласие на которое было дано монархом с явной досадой. Бракосочетание, неуютное королю (точнее, пир по этому случаю), — завязка быстро развивающихся событий.

Постоянное и излюбленное развлечение короля, как и его придворных, — псовая охота. Это целый спектакль, в котором действуют актеры

---

<sup>1</sup> Так было со всеми соавторами романиста. О восприятии произведений Дюма (и его соавторов) В. Г. Белинским, русскими читателями 1840-х гг. и более позднего времени — в частности, Ф. М. Достоевским — см.: [Ветловская 2020, с. 14 и след.]

(непосредственные участники азартной и небезопасной игры) и сопровождающая их публика. Один из главных героев романа, граф де Бюсси, говорит своему врачу, едва подлечившему его раны, полученные в поединке с несколькими фаворитами короля, подстергшими его в засаде: «Послушайте, Реми (...) я страшно боялся, что вы не допустите меня к участию в этой охоте или, скорее, в этом охотничьем представлении, на котором будут присутствовать все придворные дамы и толпы любопытствующих горожанок» [Дюма 2021а, с. 124]<sup>2</sup>. Среди этих дам герой надеется встретить ту, которую увидел сначала на портрете, а затем не то в беспамятстве, не то наяву в доме, где он случайно оказался, истекая кровью от множества ран и спасаясь от вероломно напавших на него врагов. Бюсси не удалось встретить свою даму, отношения с которой вскоре, однако, становятся ведущей линией сюжета; зато он отчасти познакомился с ее весьма непривлекательным супругом, графом де Монсоро. По рекомендации младшего брата Генриха III, герцога Франсуа Анжуйского, чье покровительство, отвергнув предложение короля (в надежде, что это будет меньшим злом), избрал для себя Бюсси, Монсоро был назначен главным королевским ловчим. В связи с этим почетным назначением и была организована охота, которую не хотел пропустить Бюсси и которую хотел бы видеть с начала «представления» — с «церемонии вручения королю эстортуэра» (с. 123)<sup>3</sup>.

Но описание охоты начинается несколько раньше: «...около девяти часов утра распространилось известие, что король уже выехал в Венсенский замок и гонит лань вместе со своим братом, монсеньором герцогом Анжуйским, и всем двором. Местом сбора охотников служила Коновязь короля Людовика Святого. Так назывался в те времена перекресток дорог, где (...) король-мученик вершил правосудие. Все собрались к девяти часам, и ровно в девять, верхом на прекрасном вороном жеребце, на поляну выехал новоиспеченный главный ловчий, предмет всеобщего любопытства (...) Все взоры обратились на вновь прибывшего» (с. 125). Необходимые атрибуты всадника, нарядная одежда, ее блестящие аксессуары заметно более эффектны, чем он сам: «Король любил красивые и приветливые лица. Поэтому его не очень-то расположила к себе внешность господина де Монсоро (...) И все же Генрих с довольно благосклонной улыбкой принял эстортуэр из рук главного ловчего, преподнесшего королю жезл, по обычаю преклонив колено.

<sup>2</sup> В дальнейшем при ссылках на это издание романа в тексте статьи указываются страницы в круглых скобках.

<sup>3</sup> «Эстортуэр — жезл, который главный ловчий вручает королю, дабы этим жезлом король при скачке галопом раздвигал ветки деревьев» (примеч. Дюма; с. 123).



Как только король вооружился, старшие загонщики объявили, что лань поднята, и охота началась» (с. 129).

Автор выделяет основные этапы «охотничьего представления» с его краткой предысторией, касающейся главных действующих лиц и обязательных в данном случае традиционных церемоний; затем указывает исходный момент (подъем зверя) и затем, минуя срединную часть (преследование жертвы, гон), занятую рассказом о некоторых постыдных подробностях из жизни главного ловчего и его патрона, герцога Анжуйского (рассказом, вовлекающим в действие Бюсси), переходит к завершению «спектакля»: «Бюсси и принц (герцог Анжуйский. — *В. В.*) присоединились к охотникам. Господин де Монсоро мастерски руководил охотой. Король был восхищен, с каким умением этот опытный ловчий выбрал места для привалов и расположил подставы собак и лошадей. Лань, которую два часа травили собаками на оцепленном участке леса протяжением четыре-пять лье, раз двадцать появлялась перед глазами охотников и в конце концов вышла прямо под копыте короля. Господин де Монсоро принял поздравления его величества и герцога Анжуйского» (с. 140).

Срединная часть, опущенная в повествовании о королевской забаве, тем не менее не исчезла: она изложена в описании другой охоты (тоже на лань), которой руководил тот же граф Монсоро, но тогда он делал это исключительно для собственного удовольствия, без участия более высоких персон, поскольку еще не был назначен главным королевским ловчим. Подробный рассказ о преследовании этой лани включен в историю графини Дианы де Монсоро (урожденной баронессы де Меридор), когда она, не зная скорби навязанного ей замужества, счастливо проводила время среди природы и всякой живности — овечек, павлинов, лебедей, голубок и т. д. В Меридорских лесах, принадлежавших герцогу Анжуйскому, где на воле резвились дикие козы, олени, лани, которых никто не трогал и которые поэтому «стали ручными» (с. 151), у юной Дианы нашлась фаворитка — любимая лань. Названная баронессой Дафной, она настолько привязалась к девушке, что даже ела из ее рук. Именно эту лань на глазах Дианы, изо всех сил старающейся спасти любимицу и двух ее оленят, преследует Монсоро со своей свитой или сворой, состоящей из псов и людей. Несмотря на все ее усилия, слезы и крики, девушка видит, как в этом гоне гибнут один за другим детеныши Дафны, а вслед за ними и она сама. Пытаясь спастись, измученная, задыхающаяся лань бросилась было в пруд; но псы настигли ее и стали рвать уже в воде, не давая приблизиться к берегу, где на все это с ужасом и беспредельным состраданием смотрела Диана. «Тут на опушку леса вылетел господин де Монсоро (...) Я простерла к нему руки и крикнула из последних

сил: „Пощадите!“ Мне показалось, что он посмотрел в мою сторону. Я снова закричала, еще громче, чем в первый раз. Он меня услышал, так как поднял голову, потом бросился к лодке, поспешно отчалил от берега и начал быстро грести к бедняжке Дафне <...> Я не сомневалась, что господин де Монсоро, тронутый моими криками и жестами, спешит на выручку Дафне, но, когда он оказался возле несчастной лани, я увидела, что он выхватил большой охотничий нож. Стальное лезвие молнией блеснуло в лучах солнца <...> и я вскрикнула в ужасе: клинок до самой рукоятки вошел в горло бедного животного <...> Я застонала почти так же жалобно, как Дафна, и без чувств упала на землю» (с. 153–154). Гибель лани обернулась для Дианы тяжелой болезнью.

Описание охоты, разделенное на две части, главную из которых (гон, преследование зверя) Бюсси выслушивает из уст любимой и любящей его Дианы, не случайно занимает большое место. Дело в том, что задача этого описания не сводится к простому посвящению читателя в развлечения, в особенности быта прошедшего времени. Все стадии охоты (подъем зверя; гон с западнями и хитрыми ловушками, привалами, подставами; наконец, убийство затравленного зверя), а также мелкие, прямо и косвенно относящиеся к ним мотивы здесь наделены переносным значением. Развернутая метафора охоты вместе с богатым арсеналом ее деталей (многочисленных и частных применений), восходящих к реальному «охотничьему представлению», пронизывает многостраничный роман даже с несколько, как думается, досадным избытком. Благодаря приложению к разным ситуациям и персонажам (практически — ко всем или почти ко всем) она приобретает самый широкий иносказательный смысл.

Об этом, прежде всего, говорит имя главной героини, графини де Монсоро, — Диана, отсылающее к римской богине живой природы и охоты (греч. Артемида). В действительности графиню де Монсоро, с которой (как, впрочем, и с другими историческими лицами) Дюма, по обыкновению, обошелся без особых церемоний, звали Франсуазой. Эту отсылку к богине охоты подчеркивает ее любимица лань, поскольку лань — культовое животное Дианы — Артемиды (напомним скульптурное изображение Дианы Версальской, или Артемиды-охотницы, IV в. до н. э., где она предстает в движении вместе с бегущей рядом ланью). Имя, данное героиней ее фаворитке (Дафна), оставляет читателя среди тех же ассоциаций. Дафна — одна из нимф, которая, убегая от влюбленного в нее Аполлона (брата Дианы — Артемиды), упросила богов превратить ее в лавр (Дафна в переводе с греч. — лавровое дерево), а нимфы, низшие божества, олицетворявшие природные силы, составляли постоянную свиту богини охоты, как и других близких к природе богов.

Далее, судьбу своей любимицы тотчас после ее гибели повторяет Диана. Она сама становится вожделенной добычей сразу для двух охотников — графа де Монсоро и его покровителя, герцога Анжуйского. Но об их соперничестве поначалу знает только граф, которому сластолюбивый герцог поручает добыть для него красавицу баронессу. Судя по всему, Монсоро не первый раз приходится оказывать патрону подобную услугу, а за Диану герцог заранее расплатился с графом, убедив венценосного брата отдать тому должность главного королевского ловчего. Об этих позорных услугах догадался Бюсси, когда во время королевской охоты услышал от одного из друзей, что однажды вечером он видел Монсоро, вихрем летевшего на своем вороном коне и увозившего женщину, которая тщетно пыталась звать о помощи (с. 131). Бюсси тогда не знал, что это была Диана, он тогда не знал и Диану. О своей догадке по ходу той же охоты без стеснения — напротив, с презрительным вызовом — Бюсси сообщил самому герцогу, сославшись на будто бы состоявшийся между ним и Монсоро разговор:

« — Он (...) признался мне, ваше высочество, что он ваш поставщик.

— Поставщик дичи?

— Нет, женщин.

— Как ты сказал? — переспросил герцог, сразу помрачнев. — Что значит эта шутка, Бюсси?

— Она значит, монсеньер, что он на своем огромном вороном жеребце похищает для вас женщин, а поскольку эти женщины, очевидно, не знают, какая честь их ждет, зажимает им рот рукой, дабы они не кричали.

Герцог нахмурил брови, гневно сжал кулаки и пустил своего коня таким бешеным галопом, что Бюсси и его товарищи остались позади» (с. 133).

Таким образом, вместо лани главный ловчий намеревался в очередной раз, как кажется, представить герцогу более благородную и лакомую «дичь». Вся жизнь Дианы после крайне неприятного знакомства с Монсоро (который вскоре предложил ей руку и сердце и, естественно, получил отказ) складывается в соответствии с планами опытного ловчего и известными стадиями обычной охоты. Она начинается с «подъема зверя» — выманивания героини из отчего дома, Меридорского замка, под предлогом спасения ее от гнусных домогательств герцога, бесчестящих ее и ее отца. При этом встреча герцога с Дианой и его увлечение случились, похоже, не без стараний Монсоро (с. 156). Он же убедил старого барона тайно, под покровом ночи отправить дочь к ее тетке, подальше от похотливых глаз наследника французского престола. Едва лишь Диана покинула Меридорский замок, охота перешла в новую фазу — начался «гон». Как и положено, он сопровождался привалами, подставами, переменами слуг и лошадей, маскировкой, запутыванием

следов и западнями — всеми уловками коварной игры, направленной здесь и против опасного соперника, и против жертвы. «Гон» (подробности которого, как и многое другое, опускаем) приостанавливается тогда, когда Диана вместо тихого убежища в имении тетки оказывается в приготовленном для нее парижском доме Монсоро. Неожиданно в церкви ее снова встречает герцог, и неизбежность нового преследования становится очевидной. Это дает повод Монсоро поставить пленницу перед выбором — либо быть жалкой наложницей герцога, либо получить охранный статус графини де Монсоро, законной супруги главного королевского ловчего. Оказавшись в ловушке, Диана вынуждена уступить. К сугубой для нее скорби она вступает в брак тогда, когда через день-другой могла бы обрести любимого мужа и опору в лице сильного, смелого, безупречно благородного (так у Дюма) Бюсси, который, узнав ее историю и убедившись в ее любви, готов защищать любимую до последней капли крови решительно от всех, включая ненавистного супруга.

Казалось бы, замужество героини исключает последнюю стадию охоты — убийство затравленной и обреченной жертвы. Но это кажется. На самом деле замужество фиктивно: Диана не собирается делить с мужем супружеское ложе и во избежание насилия не расстается с кинжалом, чтобы в крайнем случае покончить с собой. Брачные узы для нее равнозначны смерти. Угроза реальной гибели, жестокого убийства наступает тогда, когда главный ловчий, предупрежденный ревнивым герцогом, узнает о любовной связи Дианы и Бюсси. Это происходит в заключительной части романа. Будучи на этот раз в дружном согласии, герцог и Монсоро заманивают их общего соперника в подстроенную ему западню, благодаря чему главный ловчий, окруженный целой свитой (играющей также роль своры) вооруженных слуг и наемников, застаёт Бюсси и Диану в момент счастливого свидания: «Монсоро обернулся к своим людям.

— Ну, — сказал он. — Ату его, мои храбрецы! (Обращение довольно забавное, если учесть, что этих «храбрецов» около двух десятков, а Бюсси пока один, почти без оружия и защиты. — *В. В.*)

— А, — сказал Бюсси, — (...) это не поединок, это убийство.

— Клянусь дьяволом! — воскликнул Монсоро» (с. 885).

« — Господи милостивый, защити его, — молилась Диана.

— Бесстыдная тварь! — крикнул Монсоро.

И бросился вперед, чтобы заколоть Диану.

Бюсси увидел это движение» и помешал убийце (с. 886—887). Поручив любимую попечению подоспевшего друга, Бюсси опять сражается с противниками, превосходящими его и оружием, и числом. На какое-то время он зажат ими со всех сторон на самом тесном пространстве:

« — Задвиньте засовы, — крикнул Монсоро, — поверните ключ: он у нас в руках, у нас в руках!» (с. 888). Но Бюсси все-таки удалось отодвинуть засовы и снова повернуть ключ. Оставив на полу раненых и убитых, он было выскочил из ловушки, «но лежавший среди трупов Монсоро приподнялся и ударил Бюсси ножом под колено.

Молодой человек вскрикнул, огляделся в поисках шпаги, схватил первую попавшуюся и с такой силой вонзил ее в грудь главного ловчего, что пригвоздил его к полу.

— А! — воскликнул Бюсси. — Не знаю, останусь ли жив я, но, по крайней мере, я увижу, как умрешь ты.

Монсоро хотел ответить, но из его полуоткрытого рта вылетел лишь последний вздох» (с. 891–892). В бою, кроме сбежавших, уцелел один Бюсси. Однако и он не смог спастись. Когда в последний попытке выбраться из огражденной западни Бюсси, израненный, искалеченный, воззвал к помощи внезапно явившегося герцога (обязанного ему многими одолжениями и, возможно, самой жизнью), тот цинично приказал добить его, еще живого: «Голова Бюсси упала на грудь, руки повисли.

— Убийца! — сказал он. — Будь проклят!

И умер с именем Дианы на устах» (с. 894). Герой защищает избранницу, как обещал, до последней капли крови, не случайно упавшей на коварного наследника престола.

В подлом убийстве незримо участвовал один из миньонов (фаворитов) короля, д'Эпернон. Испугавшись предстоящего поединка с Бюсси, он, со своей стороны, тоже заплатил наемным убийцам. Это возвращает читателя к началу романа. Тогда, на свадьбе Сен-Люка, задетые высокомерием и колкостями Бюсси миньоны (Келюс, д'О, Мажирон, Шомберг, Эпернон) сговорились устроить на него охоту как на самую яркую персону из круга герцога Анжуйского, которого король, их покровитель, « всю жизнь по-братски ненавидел» (с. 14). Разумеется, он не был расположен и к Бюсси. Эта неприязнь воодушевляла миньонов:

« — На охоту! Но как мы будем охотиться?

— Устроим засаду. Засада всего вернее» (с. 20). К своему разговору не без тайной издевки миньоны подключают Бюсси и его друзей (Антрагэ, Рибейрака и Ливаро). Разговор примечателен тем, что в нем сопряжено и противопоставлено прямое и переносное значение сказанного. Заговорщики имеют в виду переносный смысл, тогда как Бюсси и его друзья воспринимают только прямое значение слов. Келюс говорит:

« — ...мы собираемся охотиться.

— На жаворонков, не так ли? — насмешливо поинтересовался Бюсси (...)

— Нет, сударь, — сказал Келюс, — не на жаворонков, а на кабана. Нам надо во что бы то ни стало раздобыть его голову.

— А зверь? — спросил д'Антрагэ.

— Уже поднят, — ответил Шомберг (подразумевая, что Бюсси уже в Париже, а не в Анжере, столице герцогства Анжу. — *В. В.*).

— Но ведь еще нужно знать, где он пройдет, — сказал Ливаро.

— Ну, мы попытаемся это разузнать, — успокоил его д'О. — Не желаете ли поохотиться вместе с нами, господин де Бюсси?

— Нет, по правде говоря, я занят» (с. 21–22).

Не подозревая, что зверь, на которого затевается охота, — это он сам, Бюсси помогает заговорщикам, выпрашивая у Келюса дорогу, по которой ближайшей ночью смог бы добраться до места назначенного ему свидания. Миньоны с криками, обнажив шпаги, бросаются на Бюсси, когда он был почти у цели: «А, вот оно что, господа, — раздался резкий, но спокойный голос Бюсси, — видно, нашего бедного Бюсси собираются заколоть. Так это он тот дикий зверь, тот славный кабан, на которого вы собирались поохотиться? Что ж, прекрасно, господа, кабан еще распорет брюхо кое-кому из вас...» (с. 39). Тогда в неравной схватке врагам не удалось расправиться с Бюсси. Его вылечил Реми, ставший ему с тех пор самым близким другом. Но позднее в новой западне и новой стычке Реми погиб от пули Монсоро, до последней минуты пытаясь помочь Бюсси: «„Храбрецы“, понукаемые Монсоро, двинулись на Бюсси, как на кабана. Бюсси ждал их, принагнувшись, с горящими глазами» (с. 886). Но силы были слишком неравными, а число наемников только прибавлялось. Герой был убит. Охота на него, объявленная в начале романа, завершилась в конце, не пощадив и тех, кто ее затевал, ведь они шли „на крупного зверя“» (с. 24).

С гибелью Бюсси, по сути, завершилась и травля Дианы, предпринятая Монсоро и герцогом Анжуйским, поскольку Бюсси в сцене убийства и сам погиб, и заместил собой возлюбленную. Отсюда, в частности, имя Дианы на устах ее умирающего избранника. И хотя она сама после его смерти еще кое-как теплится в жестокой горячке, но со своей земной жизнью она уже рассталась. «Охотничье представление», в которое вовлечены герой и героиня главной сюжетной линии, длящееся, то расходясь, то сближаясь, на протяжении целого романа, закончилось общим итогом — оригинально измененной вариацией сказочного финала: они жили недолго, но счастливо и умерли в один день (ср. слова Дианы, сказанные Бюсси в момент объяснения в любви, — с. 598)<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> Сказочная природа романов Дюма была замечена уже первыми его читателями. См., например: [Белинский, с. 247 и след.; Достоевский 1979, с. 151, 152]. В романе «Сорок пять» Диану,

Ввиду того что развернутая метафора охоты охватывает не только основную, но и побочные линии сюжета, становится ясно, что двусмысленный разговор миньонов с Бюсси и его друзьями в завязке произведения был чем-то вроде ключа, который в своей двусмысленности открывал путь к правильному его пониманию. Надо подчеркнуть: отдельные мотивы и комплексы мотивов этой сложной метафоры настолько основательно внедряются в художественный текст, настолько часто и даже назойливо повторяются по отношению к разным ситуациям и героям ближней и дальней перспективы, звучат как в серьезном, так и в комическом регистре, что для того, чтобы привести соответствующие примеры, следовало бы пересказать роман. Такое использование художественного приема означает одно — то, что этот прием перестает быть просто подсобным средством для выражения какого бы то ни было содержания, но превращается в цель сам по себе, то есть его функционирование и всевозможные метаморфозы приобретают самостоятельную ценность. Иначе говоря, на первый план здесь выходит эстетическая задача: автора привлекает не только и, может быть, не столько суть изображаемой исторической реальности, сколько форма, приемы ее художественной интерпретации. И следует признать, что Дюма решает эту задачу не без огрехов (из-за избыточности мотивов, бьющих в одну и ту же точку), но с присущим ему блеском и изобретательностью. В результате одно и то же иносказание обнимает текст романа помимо и поверх сюжетных связей и замысловатых перипетий, сообщая ему общий смысл и внутреннее единство.

Метафора охоты у Дюма не только распространяется вширь, заполняя романное пространство, но и уходит вглубь — в область мифа и мифологических соответствий. В дополнение к тому, что уже было сказано о связи главной героини с греко-римской богиней охоты, Артемидой — Дианой, будет нелишним отметить ее чудесное рождение. По словам героини, для ее отца смерть двух сыновей, возможных наследников, «была жестоким ударом». Однако спустя девять лет, когда безутешный барон «затворился со своей супругой в Меридорском замке», у них вдруг «словно чудом» родилась Диана, и «вся любовь барона обратилась на дитя, ниспосланное ему в старости». Старик не просто любил, он «боготворил» свою дочь (с. 150, 151). Столь же чудесным, как и рождение, выглядит уход героини из романной истории: «Жанна (супруга Сен-Люка и наперсница Дианы. — В. В.) три дня и три ночи ухаживала за несчастной женщиной, находившейся во власти жестокой горячки. На четвертый день, изнемогая от усталости, Жанна отлучилась, чтобы немного отдохнуть. Но когда, два часа спустя, она вернулась

---

как и Реми, Дюма неожиданно воскрешает, но скорее в виде загробных и призрачных мстителей (это подчеркивает автор), чем живых людей.

в комнату подруги, Дианы там уже не было» (с. 938). Она таким же чудесным образом исчезла с этого света, как на нем появилась. Утратив земную жизнь, героиня вновь обрела свое мифологическое бессмертие.

Возникает вопрос: не является ли смерть Дианы, вместе с ее возлюбленным Бюсси, наказанием за отступление от античного прототипа? Ведь богиня Диана (Артемида), как известно, была девственницей, она никогда не отдавалась ни земной, ни божественной страсти. Аполлодор пишет: «Артемида, занявшись охотой, оставалась девой» [Аполлодор, с. 7]. Согласно мифу, она сурово покарала красавца Актеона только за то, что он, случайно увидев ее обнаженной, не мог не заметить ее «небесную красоту». Богиня сначала превратила его в оленя, а затем заставила его же собак растерзать невольного нечестивца: «Собаки Актеона почуяли след оленя, они не узнали своего хозяина и с яростным лаем бросились за ним»; нагнав оленя-Актеона, расвирепевшие псы разорвали его тело на части. «Так погиб Актеон, нарушивший покой богини Артемиды...» [Кун, с. 33–34; Аполлодор, с. 52].

Бюсси тоже уподоблен мифологическим персонажам. Так, в ответ на его слова о неприглядной внешности Монсоро, занявшего высокий придворный пост, герцог Анжуйский замечает: «Я еще ни от кого не слышал (...) что только красавцы, отлитые по образцу Аполлона или Антиноя (каким был Бюсси. — В. В.), могут рассчитывать на придворную должность» (с. 126). Сравнение героя с Антиноем, одним из женихов Пенелопы, позволительно опустить: ничего, кроме мысли о недопустимости посягательства на замужнюю женщину, оно не означает. Но Аполлон — любимый брат Артемиды (Дианы). Их связывает крепкая, нежная дружба, и нет никаких других, более пылких чувств. О своей бескорыстной, самоотверженной (в сущности, братской) любви Бюсси говорит в объяснении с Дианой (с. 596–597). Однако герой не удерживается в границах, отведенных ему мифологическим образцом. И тоже наказан. При этом подробное описание его гибели от озверевших наемников, понукаемых Монсоро, соотнесено с гибелью Актеона. В этом смысле характерно начало убийственной схватки и возглас главного ловчего, обращенный к наймитам-подельникам, как к собакам: «Ату его, мои храбрецы!» (с. 885). Важно также: в готовящейся на него охоте миньонов Бюсси назван «кабаном», а в охоте на него Монсоро — «оленем». Замена одного именованного другим подчеркнута. Так, придворные герцога Анжуйского и он сам предлагают Монсоро устроить для них большую охоту «на кабана» в лесу, который «кишит (...) кабанами» (с. 652). Однако главный ловчий в ближайшем разговоре со случайно подвернувшимся Бюсси (на тот момент ни в чем не заподозренным) заменяет «кабана» «оленем»:



« — ...вы говорили, что готовите нам охоту.  
— Принц желает загнать оленя.  
— Насколько я слышал, их здесь в окрестностях много?  
— Очень много.  
— А где вы будете выставлять зверя?  
— Поблизости от Меридора.  
— А! Прекрасно, — сказал Бюсси, в свою очередь невольно побледнев» (с. 674–675).

Это «охотничье представление» не состоялось, но вскоре с подачи герцога уже король поручает Монсоро подготовить новую охоту на оленя. Она оказалась последней как для главного ловчего, так и для Бюсси. В конечном счете выиграл герцог, избавившийся, сверх ожидания, не от одного, а сразу от обоих соперников. Именно он затеял охоту, именно он указал главному ловчему на Бюсси как на счастливого любовника его жены, именно он посоветовал Монсоро, устроив засаду и спрятавшись, остаться дома, вместо того чтобы отправиться выполнять приказ короля.

Наконец, об олене применительно к Бюсси говорят его друзья, когда, отправляясь на поединок с миньонами ранним утром после роковой для Бюсси ночи (поединок, на который должен был явиться и он), не находят его ни дома, ни во дворце герцога Анжуйского.

« — Так-так, — сказал Антрагэ, — вы слышали, господа, что король приказал подготовить большую охоту на оленя в лесах Компьени и что господин де Монсоро вынужден был вчера уехать туда?

— Слышали, — ответили молодые люди.

— Ну так вот, я знаю, где Бюсси: пока главный ловчий поднимает оленя (Антрагэ не допускает, что этим «оленем» мог быть Бюсси. — *В. В.*), он охотится на лань главного ловчего (то есть Диану. — *В. В.*). Не волнуйтесь, господа...» (с. 918). Когда по дороге к месту встречи с миньонами друзья заглянули в домик Монсоро, они увидели следы страшного побоища, а под окном «на железной оgrade все еще висел труп несчастного Бюсси, иссиня-бледный, окоченевший (в последнем усилии спастись Бюсси, прыгая с подоконника вниз, поскользнулся и «упал на железные копыя решетки: одни вошли в его тело, другие зацепились за одежду, и он повис». — *В. В.*; с. 893).

При виде его из груди Антрагэ вырвался не крик, а рычание (...)

— Да, это он, — воскликнул Ливаро.

— У него отрублена кисть, — сказал Рибейрак.

— У него в груди две пули.

— Он весь исколот кинжалами» (с. 921).

«Израненный, окровавленный, изувеченный», то есть растерзанный (с. 935), а затем и убитый, Бюсси заставляет вспомнить об Актеоне.

Но каким бы тяжким ни было наказание для Дианы и особенно для Бюсси, герои остаются в области света, тогда как мифологическое окружение Монсоро темной природы (не случайно его обычно несет на себе вороной жеребец, а Диану — белый иноходец; с. 125, 131).

При первом появлении Монсоро в начале королевской охоты Ливаро говорил Бюсси, что у графа «ужасная репутация» и что крестьяне «его как огня боятся. Впрочем, он страстный охотник, под стать Немвроду, только, может быть, не перед Всевышним, а перед Сатаной...» (с. 132).

Немврод — сын Хуша, внук Хама, правнук Ноя. В Библии о нем сказано: «...он был сильный зверолов пред Господом [Богом], потому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом [Богом]» (Быт. 10: 9). В Библейской энциклопедии имя Немврод (или Нимрод) переводится как «мятежный, возмутительный» и поясняется: «Это название могло быть дано ему теми народами, которых он угнетал (...) Выражение *он был сильный зверолов пред Господом (Богом)* означает то, что он владел особенным искусством в охоте за дикими зверями. Слова *пред Господом* — есть не более как аллегорическая фраза (то есть просто иносказание. — В. В.), означающая — очень могущественный. Евреи смотрят на него как на вождя тех лиц, которые предприняли постройку Вавилонской башни. По мнению восточных христиан, он был первым лицом, которое ввело идолопоклонство». И еще: «Некоторые отождествляют Нимрода с Орионом греческой мифологии» [Библейская энциклопедия, с. 513–514].

Заметим это отождествление: в греческой мифологии Орион — «чудовищный беотийский великан — охотник, преследователь Плеяд (дочерей Атланта и Плейоны. — В. В.). (...) Орион убивал диких зверей для царя Хиоса», и сам «был убит стрелой Артемиды или (по другому варианту мифа) погиб от укуса скорпиона» [Словарь античности, с. 399]. Аполлодор пишет: «Артемиды (...) убила Ориона на острове Делосе. Об Орионе говорят, что его родила земля и он был огромного роста (...) Орион (...) как говорят некоторые, погиб, когда приглашал Артемиду состязаться с ним в метании диска, но, по сведениям других, Орион был застрелен Артемидой из лука, когда пытался совершить насилие над (...) одной из дев...» [Аполлодор, с. 8].

По-видимому, для полноты отрицательных коннотаций, связанных с главным ловчим, Шико (шут короля Генриха III, его благородный друг и конфидент) помимо Немврода упоминает Исава — сына Исаака и Ревекки, брата-близнеца Иакова, которому за чечевичную похлебку он продал свое первородство (Быт. 25: 29–34). Исав был «человеком искусным

в звероловстве, человеком полей» (Быт. 25: 27), то есть проводил время в выслеживании и убийстве диких зверей, и его характер, судя по всему, был под стать этому занятию (ср. с. 687). Упоминание об Исаве звучит мельком (с. 551) и вызвано желанием Шико лишний раз уязвить главного королевского ловчего, поскольку тот (как удалось выследить шуту) был одним из зачинщиков и влиятельных участников заговора против короля, в котором был сильно замешан и герцог Анжуйский. Обычно герои романа называют только Немврода (с. 132, 551, 569, 710).

Заметив, что Монсоро высматривает герцога Анжуйского где-то вблизи короля (в то время как тот сидит под арестом в одной из комнат Лувра), Шико побуждает его заняться привычным делом: «Ищите, господин главный ловчий <...> ищите! Выслеживать дичь — ваше ремесло, свидетель тому несчастный олень, которого вы потревожили сегодня утром, он, должно быть, вовсе не ждал этого с вашей стороны. Коли вас самого поднять чуть свет, разве вам это доставит удовольствие?» (с. 551). Разглядев наконец пустое кресло рядом с королем, Монсоро воскликнул:

« — Господин герцог Анжуйский? <...>

— Ату! Ату его! — сказал гасконец (Шико. — *В. В.*). — Зверь обнаружен» (с. 552). И далее, подогревая ревность Монсоро, Шико отправляет его по ложному следу. Он намекает графу на то, что герцог, должно быть, пустился за Дианой, отъехавшей в Меридор, и теперь, догнав ее, любезничает с его супругой. Монсоро, вынужденный ненадолго задержаться в Париже, спешит за ними.

В недобрых насмешках шута над Монсоро важна мысль, которая находит подтверждение в разных ситуациях, изображенных в романе: тот, кто охотится на кого бы то ни было, сам, в свою очередь, может оказаться объектом чьей-то охоты. «Охотники» и «дичь», палачи и жертвы нередко меняются местами. Так, один за другим или одновременно герцог и Монсоро охотятся, преследуя Диану; герцог охотится на Монсоро, Монсоро — на герцога; тот и другой в заключительных главах — на Бюсси и т. д. В «эпической части <...> книги» (как называет Дюма свое повествование об исторических событиях — с. 784) семейство Гизов при поддержке герцога Анжуйского охотится на короля Генриха III, устраивая ему засады и ловушки, но благодаря мудрости королевского шута сами оказываются в этих ловушках и спасаются из них с ущербом для себя и лишь случайно.

На глубоком мифологическом уровне происходит то же самое. Немврод, вернее — Орион, отождествляемый с Немвродом и замещающий его, будучи сильным, искусным охотником, победителем диких зверей, в конце концов сам оказывается побежденным. Это понятно: ведь охотник добивается

успеха с позволения и иногда при содействии богини охоты Артемиды — Дианы. Но он, безусловно, не может победить саму богиню или того, кого она в качестве покровительницы всего живого (растительного, животного, человеческого мира) с оружием в руках защищает (не случайно Артемиду — Диану художники представляют, как правило, вооруженной). Она может поручить эту защиту другим. Нечто подобное можно увидеть в романе Дюма. Вопреки реальным фактам, но в соответствии с мифологическим образцом Бюсси все-таки убивает главного ловчего, несмотря ни на какие его охотничьи способности и заслуги, но делает это ради Дианы и, в сущности, — за нее. Напомним слова героини, скрепившие их любовный союз: «...моя жизнь и ваша — одно целое, оберегайте нас» (с. 598). Вместо удара кинжалом, который держала при себе Диана, спасаясь от Монсоро, конец этой охоте положил удар шпаги (ср. с. 148).

Бюсси побеждает, как обычно, благодаря ловкости и силе. Однако сила не всегда обеспечивает успешный финал. Самого Бюсси убивает коварство и измена (с. 935; ср. с. 880). Герцог Анжуйский не пошевелил пальцем в охоте на Монсоро и Бюсси, но он организовал убийство и достиг цели, поэтому на его одежде кровь обоих. В вероломстве, лжи и подлости он превзошел даже Монсоро, искусно пользовавшегося теми же методами, что и его покровитель. Об этих способностях герцога Дюма подробно рассказывает в романе «Королева Марго». В «Графине де Монсоро» король Генрих, убедившись лишний раз в предательстве и подлости младшего брата, говорит ему: «Вы злоумышляли против меня, как в свое время злоумышляли против моего брата Карла, только в тот раз вы прибегли к помощи короля Наваррского, а нынче — к помощи герцога де Гиза. Великолепный замысел (...) он обеспечил бы вам прекрасное место в истории узурпаторов! Правда, прежде вы пресмыкались, как змея, а сейчас вы хотите разить, как лев; там — вероломство, здесь — открытая сила; там — яд, здесь — шпага» (с. 567)<sup>5</sup>. Яд скорпиона или притаившейся змеи, любой сильный яд действует не хуже, а то и лучше шпаги. Убеждая короля Генриха не покидать Лувр, пока там находится герцог Анжуйский, несмотря на то что во дворце остается верный монарху Крийон (начальник дворцовой охраны), Шико говорит:

« — Э! Крийон всего лишь буйвол, носорог, кабан — любое храброе и неукротимое животное по твоему выбору. А брат твой — это гадюка, гремучая змея — любая тварь, могущество которой не в ее силе, а в ее яде.

---

<sup>5</sup> Сцену отравления Карла IX ядом, предназначенным для короля Наварры, и участие в этом отравлении герцога Анжуйского (в ту пору — Алансонского) Дюма описывает в романе «Королева Марго» [Дюма 2021б, с. 548–557].

— Ты прав, надо было бросить его в Бастилию» (с. 912). Мотив змеи или яда, благополучно конкурирующего с кинжалом и шпагой (с. 266), то и дело возникает в романе, начиная с уподобления внезапного удара шпагой броску «свернувшейся спиралью ядовитой змеи» (с. 39; ср. с. 567). Со змеей сравнивают разных героев, иногда — Монсоро (с. 424, 793), постоянно — герцога Анжуйского (с. 265, 490, 521, 567, 912).

Однако как бы ни был искусен и силен охотник и каким бы оружием он ни владел, он не может быть сильнее того, для кого не дикие звери, но сам ловчий, каким бы главным он ни казался, да и все без исключения люди, — самая привычная и привлекательная «дичь». Это дьявол. Ср.: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5: 8). Жестокий, лишенный сострадания характер, особое охотничье призвание и должность Монсоро сближают его не только с Немвродом, но и с Сатаной (с. 132), который, будучи опытным «охотником», тоже, как известно, «хитер на выдумки» (с. 572) и, издавна поднаторев в убийствах, способен устраивать ловушки и западни лучше любого другого. Именно этим «охотником», молчаливо признавая его превосходство, клянется главный королевский ловчий (с. 885), а в перебранке с Сен-Люком (сцена дуэли) даже возносит его на место Господа Бога. Сен-Люк:

« — Каждый за себя. Бог за всех.

— Вернее, дьявол, — поправил Монсоро» (с. 683).

С дьяволом сближен и герцог Анжуйский, чья подлость поистине не знает пределов. Если Монсоро ставит дьявола на место Господа Бога, тем самым отдавая бестии дань должного «почтения», то герцог Анжуйский собственной персоной выступает не ли мрачным посланцем преисподней, то ли ее владыкой. Так, прощаясь с Бюсси, Диана говорит:

« — Бог милостив, Луи, не надо сомневаться в нем в такую минуту.

— Я не сомневаюсь в Боге, я опасуюсь дьявола: он может позавидовать нашему счастью» (с. 602). И тотчас на обратной дороге в Анжер Бюсси встречает герцога, который, сбежав из-под ареста, загнал коня и, воспользовавшись предложением Бюсси, пересел на его лошадь: «Бюсси легко вспрыгнул на конский круп позади своего господина (...) спрашивая себя, не является ли этот одетый в черное принц злым духом, которого ему послал ад, позавидовавший его счастью» (с. 605). Далее, объясняя Сен-Люку «необычное волнение» жителей Анжера, Бюсси говорит:

« — Оно вызвано тем, дорогой друг, что вчера сюда прибыл его высочество герцог Анжуйский.

Сен-Люк так и подскочил на стуле, словно ему объявили о появлении дьявола» (с. 617). Во всех романах трилогии Франсуа, принц французский,

герцог Алансонский, затем Анжуйский, затем Анжуйский и Брабантский, граф Фландрский, в гнусности своей мало уступает врагу рода человеческого, князю тьмы.

Но близость к дьяволу не спасает принца от справедливой расправы, как она не спасает Монсоро или Орильи, убившего-таки Бюсси по герцогскому приказу. Ведь всякий «охотник», к которому неблагосклонны высшие силы (языческой ли, христианской ли природы), обречен на неудачу и часто — гибель. Об этом рассказано со всеми подробностями в романе «Сорок пять». И характерно: если Орильи гибнет от превосходящей его силы (с ним сводит счеты Реми), то герцог мучительно умирает от яда, приготовленного для него Реми и Дианой. Оба они, друг и возлюбленная Бюсси, простившись с жизнью в «Графине де Монсоро», оживают в последнем романе трилогии и являются с того света только для того, чтобы осуществить возмездие и сурово покарать злодеев. Каждый получает по заслугам. Так замыкается круг, сопряженный с метафорой охоты.

В своих иносказаниях Дюма использует на равных правах, без различия, и античную мифологию, и христианские верования. Придиричивому читателю такое смешение может показаться странной безвкусицей, если бы не тот факт, что оно вполне соответствует духу описываемой эпохи. Дюма напоминает об этом, рассказывая о развлечении Генриха III, путешествующего в карете из Парижа в Венсен («Сорок пять»):

«Справа от короля был стол, ножки которого были вделаны в пол кареты, на столе лежали раскрашенные картинки, которые его величество необыкновенно ловко вырезал, несмотря на тряску.

Это были главным образом картинки религиозного содержания. Все же, как это обычно бывало в ту эпоху, к образам христианским примешивались языческие, и в религиозных картинках короля была довольно хорошо представлена мифология». Для подтверждения сказанного следует описание некоторых картинок [Дюма 2020, с. 361 и след.].

Соединение языческой древности и христианства естественно для Средневековья (не только на Западе, но и в России). Этим широко распространенным и реальным фактом Дюма воспользовался как литературным приемом, обогатив метафору охоты языческими и библейскими аллюзиями. Видимая нелепица и просчет, получив необходимое оправдание, становится художественной находкой.

Что касается содержательной стороны дела, то избранная автором метафора, в первую очередь, служит обобщению, которое соответствует логике иносказания — в частях и в целом. Это иносказание охватывает широкую область явлений — собственно, весь живой мир, уравнивая людей и живот-

ных (отсюда у Дюма постоянные, прямые и косвенные уподобления одних другим). Ведь охотятся все. Но животные это делают из нужды (для выживания и продолжения рода), а люди — отчасти из нужды, но в основном (так у Дюма) — для развлечения и удовольствия, для удовлетворения своих желаний, бескорыстных или, напротив, эгоистических страстей. Бескрайнее поле деятельности людей здесь уподоблено охотничьему полю, пространству, со всех сторон ограниченному замкнутым кругом, на котором разного вида «охотники» с большим или меньшим успехом преследуют свои «жертвы» и «цели». Заставить «охотника» действовать может любое побуждение, любая страсть. В сущности, именно она «поднимает зверя» — прежде всего в самом «охотнике». Страсти причудливы и разнообразны. Однако Дюма выделяет немногие — те, которые чаще и глубже поражают людей. Это любовь во всех ее проявлениях (от самоотверженной дружеской привязанности до неистового пыла и вожделения) — чувство, знакомое многим героям Дюма. Далее, тесно связанные с любовью как обратная сторона медали ревность и ненависть, жажда мести (так, любовь к Диане, вожделение герцога и Монсоро оборачивается их лютой ненавистью друг к другу и к Бюсси и т. д.). Далее, жажда почета (славы) и наживы (ею заражены почти все — от Генриха Наваррского, нищего короля бедного королевства, и Екатерины Медичи, вдовствующей французской королевы, матери последних Валуа, до монаха Горанфло, приятеля королевского шута, до всякой мелкой шушеры и наемных убийц. Наконец, жажда власти, обладание которой делает доступным всё перечисленное выше (любовь, месть, почет, богатство), а также любые прихоти и затеи (это маниакальная страсть младшего принца из династии Валуа, герцога Алансонского, Анжуйского и проч., и проч., и семейства Гизов). Для достижения власти (и сопряженных с ней иных «целей») люди готовы пойти на преступление (его не исключают, разумеется, и другие страсти), даже развязать войну: у Дюма она тоже уподоблена охоте и ведется теми же средствами — хитростью, коварством и силой (наиболее подробно об этом говорится в главах XXII «О том, как в Наварре охотились на волков» и XXIII «О том, как вел себя король Генрих Наваррский, когда впервые пошел в бой» второй части романа «Сорок пять» [Дюма 2020, с. 485 и след.]).

Нельзя сказать, что в содержательном, идейном плане метафора охоты в романах Дюма дала богатые результаты. И обычные человеческие страсти (как раз из-за их общности), и цели, которые они предполагают, и способы их достижения давным-давно не были новостью в литературе. Разве что она, эта метафора, позволила писателю свести разнородный тематический материал к некоему единству. Не на уровне глубокой психологической или

философской концепции, а на уровне связанных друг с другом поэтических уподоблений, всегда произвольных и в данном случае скорее схематизирующих и упрощающих реальные явления, чем вскрывающих их суть. Дюма это не смущало: все знают, что он без церемоний обращался с биографиями исторических лиц, с известными фактами, подчиняя их собственной фантазии и канонам мифа или сказки. Не случайно Реми, убеждая Бюсси пропустить свидание с Дианой накануне серьезного поединка (участвовать в котором герою помешала смерть), начинает с научных сочинений, а кончает более «солидными» доводами, ссылаясь на мифы и басни: «Затем от ученых сочинений Одуэн (Реми. — В. В.) перешел к мифам и басням и искусно ввернул, что обычно именно Венера разоружала Марса» (с. 875).

Дюма не был ни психологом, ни философом, но его всегда привлекали яркие эпизоды в частной и общественной жизни, и, по собственному признанию, он стремился «не только рассказать о событиях, но также показать нравы и обычаи» скрытой в туманах истории поры [Дюма 2020, с. 225]. Больше всего его заботила занимательность повествования, гипнотически завораживающая читателя от первой до последних страниц. Он был и остается великолепным рассказчиком, непревзойденным создателем захватывающей интриги, искусных ретардаций, несложных, но запоминающихся характеров. Несомненно, он был виртуозным мастером слова. Это видно и на примере той метафоры, о которой здесь идет речь. Ведь если ее содержательная сторона ничего особенного собой не представляет, то ее форму, ее назначение и функциональное использование в композиционных целях, самый прием ее развертывания не в узких рамках стихотворения, но в широких границах многоходового и разнопланового эпического действия нельзя не признать художественным открытием, а такое открытие, в свою очередь, нельзя не признать гениальным.

Все это не могли не заметить другие мастера словесного искусства, читающие произведения своих собратьев с придирчивым и профессиональным интересом. Среди таких читателей был Л. Н. Толстой, уже в ранней юности познакомившийся с сочинениями Дюма. Согласно поздним воспоминаниям (1891 г.), на него (вместе с произведениями некоторых других авторов) в возрасте от 14 до 20 лет сильное впечатление произвели романы «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо» [Гусев 1958, с. 34]. В беседе с Н. Н. Страховым и В. Ф. Лазурским (1894 г.) Толстой рассказывает: «Я помню, когда был семнадцати лет, ехал в Казанский университет, купил на дорогу восемь томов „Монте-Кристо“. До того интересно, что не заметил, как дорога окончилась» [Гусев 1960, с. 141; Лев Толстой об искусстве, т. 2, с. 240]. Позднее Толстой воспринимал произведения Дюма не без оговорок. В одном



из писем 1850 г. он сообщал, что «прочел конец „Виконта де Бражелон“, прочел еще 4 тома „Людовика XIV и его время“ Александра Дюма, поверхностно, но интересно, и его же новый роман — „Тысяча и одно привидение“, такая масса вздора, что мочи нет» [Лев Толстой об искусстве, т. 2, с. 185—186]. Тем не менее Толстой никогда не отрицал достоинств французского писателя: «...он очень талантлив, как и сын» [Лев Толстой об искусстве, т. 2, с. 240]. Однако эти достоинства касались именно формы. Обсуждая с поэтом и писателем А. В. Жиркевичем (1857—1927) особенности текущей русской литературы (1890 г.), Толстой говорил: «Писать так, как писали Дюма, Мопассан и другие французские романисты, не стоит. Это (...) и во Франции та же история, что с нашей литературой: торжество формы над глубиной содержания» [Лев Толстой об искусстве, т. 1, с. 229].

Поясняя с большей подробностью свою мысль, Толстой утверждал: «Современная литература вся основана на прекрасной форме (...) Но где же то *новое*, что должно двигать общество, указывать ему на его недостатки, открывать ему глаза на новое явление духовного мира, на новый путь нравственного совершенствования? Этого нового у них нет!» А «новизну надо понимать в связи с пользой. Я иначе этого и не признаю. Содержание же (...) должно быть такое, чтобы писатель вел за собою толпу. Т. е. я вижу, положим, зло, страдаю от него, переживаю его и вот — создаю вещь, где указываю на это зло, которого большинство, кроме меня, не видит. Вот это и есть то, что нужно». И далее о тех, кто работает «с природы»: «Идет мужик — опишут мужика, лежит свинья — ее опишут и т. д. Но разве это искусство? А где же *одухотворяющая мысль*, делающая бессмертными истинно великие произведения человеческого ума и сердца, — хотя бы Евангелие? И как легко дается это писание „с природы“! Набил себе руку — и валяй!» [Лев Толстой об искусстве, т. 1, с. 226, 227, 228]<sup>6</sup>.

Само собой разумеется, что «новое» содержание тоже требует совершенной формы и для выражения такого содержания и «одухотворяющей мысли» годится любая, даже старая, но «прекрасная форма». В конце концов, содержание меняется бесконечно, а способы его воплощения, выступая в бесчисленных комбинациях, далеко не безграничны. И потому старый прием, когда-то найденный автором, бывает не менее важен, чем новое содержание.

Таким приемом, разглядев его у Дюма и оценив его блестящие возможности, Толстой воспользовался в романе «Анна Каренина» (1875—1877). Описание реальной сцены, представленной динамичным действием, он

<sup>6</sup> Курсив автора.

превратил в развернутую метафору, сообщив ей не только организационно-формальную, но и ведущую смысловую роль. Сценам охоты в центральном романе трилогии Дюма соответствует в «Анне Карениной» сцена красносельских скачек (часть вторая, глава XVIII и след.). Она предваряется словами: «Кроме занятий службы и света, у Вронского было еще занятие — лошади, до которых он был страстный охотник. В нынешнем же году назначены были офицерские скачки с препятствиями. Вронский записался на скачки, купил английскую кровную кобылу и, несмотря на свою любовь (к Анне. — В. В.), был страстно, хотя и сдержанно, увлечен предстоящими скачками... Две страсти эти не мешали одна другой» [Толстой 1981, с. 194].

Под пером Толстого сцена скачек с препятствиями, сохранив в отдельных мотивах метафорическую основу, в целом приобрела глубокий символический смысл. (Заметим, что Дюма при всем разнообразии его художественных приемов нигде не достигает высот символического письма, которое нуждается в особом содержании. Даже миф и сказка здесь не спасают.) Поскольку, анализируя поэтику романа Толстого, мне довелось обстоятельно об этом писать, я ограничусь отсылкой к прежней работе [Ветловская 2002, с. 154—185] и самыми необходимыми соображениями в связи с новым поворотом темы.

Думается, эту сцену скачек Толстой и имел в виду, говоря С. А. Рачинскому (1833—1902) об особенностях композиции романа и «замке», который соединяет «своды»: «Суждение ваше об А. Карениной мне кажется неверно. Я горжусь, напротив, архитектурой — своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи. (...) боюсь, что, пробежав роман, вы не заметили его внутреннего содержания», т. е. содержания, таящегося за фабулой и отношениями действующих лиц, в глубине того и другого [Лев Толстой об искусстве, т. 1, с. 266].

Путь в эту глубину Толстой так же, как Дюма, подсказывает читателю в самом художественном тексте. У Дюма второй план повествования обозначен простой игрой на прямом и переносном значении слов в разговоре миньонов с Бюсси и его друзьями об охоте, сразу указывающей на главную метафору. У Толстого подсказка сложнее. Она дана в сцене посещения Анной, Вронским и старым знакомым Вронского, Голенищевым, мастерской художника Михайлова по поводу его последней картины на библейскую тему (часть пятая, глава IX и след.). Реакция зрителей и размышления самого художника ведут к незаметному, на поверхностный взгляд, но верному пониманию и этого, и любого другого произведения искусства. Толстой

выделяет два момента, говорящих о принципах работы творца и вместе с тем о способе постижения ее результатов — смысла законченного творения. Один — осторожное снятие «покровов» с предмета (явления), в истинных своих очертаниях (т. е. в своей сути) видимого лишь вдумчивому взгляду художника. Другой — необходимость единства и соотнесенности больших и малых фрагментов общей картины: «Во всем, что он (Михайлов. — В. В.) писал и написал, он видел режущие ему глаза недостатки, происходившие от неосторожности, с которою он снимал покровы, и которых он теперь уже не мог исправить, не испортив всего произведения» [Толстой 1982, с. 47]. Демонстрацию отмеченных принципов можно разглядеть в той же сцене. Так, для Голенищева, ранее уже видевшего картину, ее содержание выражается словами «Христос пред Пилатом» [Толстой 1982, с. 39]. На самом деле слова Голенищева являются лишь общим покровом и первым, пока малозначащим приближением к смыслу. Художник, подводя посетителей к картине, говорит иначе. Он уточняет: «Вот, не угодно ли? (...) Это увещание Пилатом. Матфея глава XXVII» [Толстой 1982, с. 44]. Далее, глядя на свою картину чужим, «равнодушным, посторонним» взглядом, он не замечает «в ней ничего хорошего. Он видел на первом плане досадовавшее лицо Пилата и спокойное лицо Христа и на втором плане фигуры прислужников Пилата и вглядывавшееся в то, что происходило, лицо Иоанна. (...) все было потеряно для него, когда он взглянул на картину их глазами» [Толстой 1982, с. 45].

Изображение Христа не понравилось Голенищеву; его одобрение вызвал Пилат: «...меня необыкновенно поражает фигура Пилата. Так понимаешь этого человека, доброго, славного малого, но чиновника до глубины души, который не ведает, что творит» [Толстой 1982, с. 45–46]. Анне, напротив, понравился «центр картины», исполненное сострадания лицо Христа: «Видно, что ему жалко Пилата» [Толстой 1982, с. 46]. Для художника это было одно из множества «верных соображений, которые можно было найти в его картине и в фигуре Христа (...) В выражении Христа должно быть и выражение жалости, потому что в нем есть выражение любви, неземного спокойствия, готовности к смерти и сознания тщеты слов. Разумеется, есть выражение чиновника в Пилате и жалости в Христе, так как один олицетворение плотской, другой — духовной жизни. Все это и многое другое промелькнуло в мысли Михайлова» [Толстой 1982, с. 46–47].

Замечания собравшихся у картины детализируют ее содержание и продолжают процесс снятия покровов. Если учесть эти замечания и сопровождающий их комментарий художника, можно подумать, что содержание его произведения представляет собой аллегорию, олицетворяющую

и противопоставляющую жизнь плотскую жизни духовной. Но это суждение было бы тоже покровом, который необходимо снять, добираясь до сути.

Нельзя оставить в тени тот факт, что слова посетителей, рассматривающих картину, касаются только лиц первого плана. О втором плане вскользь упоминает Вронский, но его оценка имеет в виду исключительно мастерство и техническую сторону дела [Толстой 1982, с. 47]. Однако мастерски выполненные фигуры второго плана неразрывно связаны с фигурами центральной части. И лишь в этом «сцеплении» те и другие, картина в целом, получают истинный и глубокий смысл<sup>7</sup>. Ее содержание не в плоской и статичной аллегории, а в символическом действии, подчеркнутом словами Михайлова о втором плане, где помимо «фигур прислужников Пилата» он изобразил «вглядывавшегося в то, что происходило, лицо Иоанна», любимого ученика Христа, согласно традиции — автора четвертого Евангелия. И такое же указание на действие в словах художника, рекомендующего картину своим гостям: «Это увещание Пилатом. Матфея глава XXVII».

Но в 27-й главе Евангелия от Матфея Иоанна нет, о нем как свидетеле расправы над Иисусом говорится только в четвертом Евангелии (Ин. 19: 26—27), той книге Нового Завета, где христианская заповедь бескорыстной и самоотверженной любви, многократно повторяясь, выражена наиболее ярко (не случайно евангелист Иоанн именуется апостолом любви). Ради того, чтобы выделить главный завет Учителя, художник и ввел Иоанна в свою картину. Она воспроизводит ситуацию предательства (напоминанием о нем начинается 27-я глава), насмешки и глумления над заповедью «духовной жизни» и «любви», наконец, преступления, совершаемого всеми перед нею. Речь идет о решительном отказе всех от Христа и того учения, о котором Иоанн, вглядевшись в действие от начала и до конца, рассказал в своей книге.

Художник изображает давно происшедшее событие, конечно, потому, что оно продолжает совершаться в настоящем, и потому, что ему видны особые и грани, и границы его содержания (истинных очертаний). Его картина говорит о бездуховности современной жизни, представленной в соответствии с евангельским сюжетом как торжество косности и новейшего язычества. Его знаменует фигура Пилата, римского наместника (префекта) Иудеи

<sup>7</sup> О таких «сцеплениях» в период работы над «Анной Карениной» Толстой писал Н. Н. Страхову (1828–1896): «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится». И далее: «...для критики искусства нужны люди, которые (...) постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений» [Лев Толстой об искусстве, т. 2, с. 517].

вместе с его прислужниками на заднем плане. Язычество и христианство у Толстого ни в коей мере не повторяют Дюма: они разведены в разные стороны и резко противопоставлены друг другу.

Тема язычества, не желающего сдавать позиции, уступая проповеди Христа, является в романе сквозной. Со всей отчетливостью она выражена в сцене скачек — старейшем аристократическом виде борьбы и соревнований, восходящем к обычаям Древней Греции и Древнего Рима. Описание скачек целиком и в отдельных мотивах (так же как фрагмент об «увещании Пилатом», с которым оно тесно связано) имеет неоднозначный характер. Благодаря этой неоднозначности описание скачек становится символическим центром романа, подобно тому как развернутая метафора охоты, притягивая к себе элементы близкого ей смыслового ряда, становится центром неоднозначных мотивов в «Графине де Монсоро».

Толстой не скрывает связи с предшественником. Напротив, некоторые детали, описывающие скачки, прямо отсылают к роману Дюма. Так, особое значение скачек и охоты подчеркнуто относительной отделенностью этих сцен от всего остального. Она отмечена началом и концом действия, участниками и зрителями которого там и тут выступают государь и «весь двор» [Толстой 1981, с. 212]. В «Анне Карениной»: «Чувство предстоящей скачки все более и более охватывало его (Вронского. — В. В.), по мере того как он въезжал дальше и дальше в атмосферу скачек, обгоняя экипажи ехавших с дач и из Петербурга на скачки (...) От баракон ему уже были видны море экипажей, пешеходов, солдат, окружавших гипподром, и кипящие народом беседки» [Толстой 1981, с. 213]. Затем, по ходу скачки: «Большой барьер (одно из препятствий. — В. В.) стоял пред самой царской беседкой. Государь, и весь двор, и толпы народа — все смотрели на них — на него и на шедшего на лошадь дистанции впереди Махотина, когда они подходили к черту (так назывался глухой барьер)» [Толстой 1981, с. 219]. И конец действия, которое, в отличие от королевской охоты в «Графине де Монсоро», к удовольствию и славе венценосной особы завершившейся благополучно, оказался плачевным: «Скачки были несчастливы, и из семнадцати человек попадало и разбилось больше половины. К концу скачек все были в волнении, которое еще более увеличилось тем, что государь был недоволен». И далее: «Все громко выражали свое неодобрение, все повторяли сказанную кем-то фразу: „Недостает только цирка с львами“, и ужас чувствовался всеми...» [Толстой 1981, с. 233]<sup>8</sup>.

<sup>8</sup> Сходный итог великосветского развлечения Дюма изобразил в «Королеве Марго», рассказывая об охоте на кабана, в которой Карл IX лишь чудом избежал трагедии: «Карл IX, стоя среди задыхавшейся от волнения толпы, ошеломленный криками ужаса (...) одно мгновение был

Блестящая обстановка скачек, слова о «цирке с львами», клички лошадей, вместе с наездниками преодолевающих препятствия и участвующих в гонке, — Гладиатор и Диана, некоторые другие мотивы лишней раз напоминают о языческом Риме, язычестве вообще, а начинающая общий бег «прелестная Диана, несшая ни живого ни мертвого Кузовлева» [Толстой 1981, с. 218], — не только о римской богине охоты, но (с иронической усмешкой) еще и о главной героине романа «Графиня де Монсоро». Уподобление людей животным, будучи, как правило, нейтральным у Дюма, у моралиста Толстого здесь и всюду имеет исключительно негативный смысл.

Пространство, на котором происходят скачки, так же как охоты у Дюма, очерчено кругом: «Скачки должны были происходить на большом четырехверстном эллиптической формы кругу (...) На этом кругу были устроены девять препятствий...» [Толстой 1981, с. 217]. В романе Дюма это круг загона, который становится уже и уже в зависимости от расстояния, которое отделяет охотников от зверя. В переносном плане сужение круга обозначено повтором сходных ситуаций, все более опасных для намеченной жертвы. Например, одна и другая ссора миньонов с Бюсси, неминуемо ведущая к гибельному результату, которого, перехватив инициативу и загнав героя в тупик, наконец добивается главный ловчий вместе со своим высокородным патроном. Или все более коварные ловушки, устраиваемые Генриху III кланом Гизов (две из них, связанные с монастырем св. Женевьевы, в «Графине де Монсоро» и одна, последняя и самая опасная, вблизи другого монастыря в романе «Сорок пять»). В «Анне Карениной» заменой этих западней и ловушек служат девять препятствий, каждое из которых для наездников может обернуться и иногда оборачивается смертью.

Круг, замыкающий и ограничивающий реальные скачки или охоту, в иносказательном применении способен не только сокращаться, но и увеличиваться; в сущности, он не знает границ. Именно это позволяет Дюма с помощью частых метафорических уподоблений (не без заметных натяжек) свести пусть к развернутой, но одной метафоре и разнообразию проявлений человеческих характеров, и разнообразию жизненных положений. Толстой выходит за границы круга, очерченного реальной ситуацией, без усилий, используя и саму эту ситуацию, и немногие, но показательные мотивы. Так, Каренин, будучи штатским, не мог участвовать в офицерских скачках, однако, считая себя знатоком, время от времени пояснял сидящим с ним рядом не одобряемый им род развлечений. В какой-то момент он «встал и низко поклонился проходившему военному.

---

готов упасть тут же, рядом с тушей издыхающего кабана. Но король взял себя в руки...» [Дюма 2021б, с. 363].

— Вы не скачете? — пошутил ему военный.

— Моя скачка труднее, — почтительно отвечал Алексей Александрович.

И хотя ответ ничего не значил, военный сделал вид, что получил умное слово от умного человека...» [Толстой 1981, с. 231].

В действительности ответ кое-что значил, даже многое: он стирал границу между праздничным зрелищем и обычной, будничной жизнью. Свою «скачку», т. е. свою чиновничью службу, Каренин считал не то чтобы более трудной (в конце концов, его делам ничто роковое на каждом повороте не грозило), но, разумеется, он считал ее гораздо более общественно важным явлением, чем любой спектакль. «Есть две стороны, — продолжал, садясь, Алексей Александрович, — исполнителей и зрителей; и любовь к этим зрелищам есть вернейший признак низкого развития для зрителей...» [Толстой 1981, с. 232]. Но точно так же — и для тех, кто своим соперничеством и рискованной ездой доставляет другим удовольствие. Две стороны представления, противопоставленные Карениным, на самом деле ничто не разделяет: тех, кто скачет внутри круга ипподрома, и тех, кто смотрит на них извне, объединяют сходные страсти. Анна не отрываясь следит за Вронским, одним из главных участников скачек. Всё, что испытывает он, немедленно отражается в ее реакциях. Обгоняя или уступая другим, они, связанные общим чувством, в сущности, скачут вместе (ср. Анна — Фру-Фру). Каренин совсем «не интересовался скачками и потому не глядел на скакавших» [Толстой 1981, с. 232], однако, внимательно следя за Анной, он знает все, что происходит на ипподроме, не хуже заинтересованных зрителей: «Первое падение Кузовлева на реке взволновало всех, но Алексей Александрович видел ясно на бледном, торжествующем лице Анны, что тот, на кого она смотрела, не упал. Когда, после того как Махотин и Вронский перескочили большой барьер, следующий офицер упал тут же на голову и разбился за смертью и шорох ужаса пронесся по всей публике, Алексей Александрович видел, что Анна даже не заметила этого и с трудом поняла, о чем заговорили вокруг нее» [Толстой 1981, с. 232]. Так же, как этого не заметил, конечно, и скачущий Вронский.

Ввиду того что граница между исполнителями и зрителями размыта (и каждый исполнитель может стать зрителем, а каждый зритель, как Анна для Каренина, — оказаться в центре зрелища), круг ипподрома расширяется и охватывает собою всю область (арену) жизни, а скачки метафорически (символически) выражают деятельность людей в пределах этого круга. Да и сам круг становится здесь метафорой (ср.: «круг деятельности», «круг жизни»). Кстати, Дюма, описывая охоту, хотя и упоминает в одной связке



об исполнителях (охотниках) и зрителях, но не использует этот момент для высказывания каких бы то ни было идей. Толстой же обыгрывает любую возможность, чтобы наделить не только сцену скачек в целом, но и самые мелкие ее детали символическим смыслом.

Мысль о том, что ипподром — арена жизни, а скачки — деятельность людей на этой арене, хотя и справедлива, но и она лишь некий «покров», который следует снять ради серьезных уточнений. Такие уточнения, как всегда, идут от соотносящихся мотивов; здесь — внутри символической сцены и вне ее. В данном случае это мотивы, связанные с охотничьей темой, которая, мельком отсылая к роману Дюма, усваивает особое значение. Помимо начинающей скачки «прелестной Дианы», важно заметить сравнение скачущих лошадей с птицами (охоте на бекасов Толстой отводит далее не одну главу<sup>9</sup>): «Гладиатор и Диана (...) поднялись над рекой и перелетели на другую сторону; незаметно, как бы летя, взвилась за ними Фру-Фру...» [Толстой 1981, с. 218]. И вблизи финиша: «...она (Фру-Фру. — В. В.) затрепыхалась на земле у его ног, как подстреленная птица. Неловкое движение, сделанное Вронским, сломало ей спину» [Толстой 1981, с. 221]. Важно заметить также (и это главное) роль, которую охота (прежде всего королевская, но и любая другая, не вызванная необходимостью) и скачки играют в веренице дней. То и другое — «представление», часто опасный, захватывающий душу спектакль; ср. слова Каренина по поводу скачек: «Как, однако, мы все склонны к этим жестоким зрелищам...» [Толстой 1981, с. 235]. И в этом качестве, в качестве зрелищ, они отражают только досужую, праздничную сторону жизни. Учитывая метонимические возможности, заложенные в слове «праздничная» («праздничный», «праздничное»), Толстой переводит его как «праздная» («праздный», «праздное») и по ходу повествования замещает одно другим. Ср. в сценах охоты: «Было немножко неприятно Леви-ну его (Васеньки Весловского. — В. В.) праздничное отношение к жизни» [Толстой 1982, с. 160]; и далее: «Оно в самом деле. За что мы едим, пьем, охотимся, ничего не делаем, а он (мужик. — В. В.) вечно, вечно в труде? — сказал Васенька Весловский, очевидно в первый раз ясно подумав об этом и потому вполне искренно» [Толстой 1982, с. 171].

В свете подобных уточнений легко догадаться, что арена ипподрома являет собой зрелище не всей и всякой жизни, но жизни обеспеченных людей, не знающих тяжелого труда и забот о насущном хлебе. Таким образом

<sup>9</sup> Об охоте на птиц в романе «Графиня де Монсоро» не говорится, но в «Королеве Марго» такая охота описана подробно (Часть пятая. X. Соколиная охота).



выходит, что круг ипподрома, кроме прочего, отделяет «праздную» жизнь верхних сословий от жизни мужиков и огромного большинства работающего народа.

Возможность сдвига значений, которую дает слово «праздничная» («праздная»), Толстому давало и слово «охота»: «охота» как род занятий (охота на кого-то, что-то...) и «охота» как желание, «хотение» (чего-то), стремление (к кому-то, чему-то). Это желание (а если оно чрезмерно, то страсть или страсти) и гонит людей на ипподром, так же как охотников Дюма — на охоту, заставляя тех и других участвовать в «представлении» с сомнительным исходом. Толстой не делит на разряды эти желания (любви, мести, богатства, власти и т. п.). В логике его переносных значений они могут быть какими угодно, но действие каждого из этих желаний, подчиняясь силе влечения, способно отправить человека на ипподром ради борьбы и соревнования с теми, кто одержим такой же страстью. Соперничество и чужое желание становится (или может стать) препятствием на пути каждого (ср.: Левин — Вронский, Кити — Анна, Вронский — Каренин, Левин — Велесловский, а также Стива — Долли, Анна — Каренин, Анна — Вронский).

Автора «Анны Карениной» интересует не то, что разделяет участников «скачки», но то, что объединяет их всех. Для начала — это общее стремление к цели (т. е. к осуществлению желания). Далее, необходимость не просто добраться до цели, но и сделать это первым (таковы условия «игры»). Это значит, что в борьбе желаний и страстей нет и не может быть уступки, из чего с той же необходимостью следует уточнение, снимающее очередной «покров»: на арене ипподрома действуют не все и всякие страсти, но лишь те, которые исключают добровольную уступку, самопожертвование, предпочтение чужого блага и счастья своему собственному. Иначе говоря, арена ипподрома — поле борьбы и соревнования себялюбивых, эгоистических страстей, и никаких иных.

Далее, достижение цели, казалось бы, ставит точку в движении (желание либо осуществляется, либо нет). Так у Дюма: убийство жертвы или гибель охотника (в охоте на крупного зверя) прекращает охоту, всё действие и в прямом, и в переносном смысле. Иначе у Толстого: осуществление желания освобождает место для новых желаний, а следовательно, и для новой скачки. Ср.: «Вронский (...) несмотря на полное осуществление того, чего он желал так долго, не был вполне счастлив (...) Это осуществление показало ему ту вечную ошибку, которую делают люди, представляя себе счастье осуществлением желания (...) Он скоро почувствовал, что в душе его поднялись желания желаний, тоска. Независимо от своей воли, он стал хвататься

за каждый мимолетный каприз, принимая его за желание и цель (...) И как голодное животное хватается всякий попадающийся предмет, надеясь найти в нем пищу, так и Вронский совершенно бессознательно хватался то за политику, то за новые книги, то за картины» [Толстой 1982, с. 37].

Выходит, что любой стремящийся к счастью путем желаний, не достигает цели и даже если скачущий (как Вронский) идет первым или вторым, он находится в том же положении, как если бы шел последним. Каждый вставший на этот путь попадает в заколдованный круг (еще одно значение круга, ограничивающего ипподром), а в бесконечном движении по кругу, где каждая точка может быть концом и началом и где нет поэтому ни того ни другого, не может быть первых и последних. Как бы ни спешил любой из скачущих, он участвует в мнимом движении, а потому при всех усилиях он только топчется на месте. Парадокс, приравнивающий стремительное движение к покою, а результат этого движения и достижение цели к нулю, — один из главных парадоксов, к которым ведет читателя Толстой. Для того чтобы избавиться от абсурда, лишаящего жизнь какой бы то ни было цены, необходимо выйти за границы заколдованного (т. е. неправильного, порочного) круга, ведь никакая реальная нужда, никакая серьезная потребность не заставляет участвовать в скачках и смотреть на них. По мысли Толстого, высокую цену человеческому существованию дает не суета и смена себялюбивых желаний, а напротив, готовность к самоотречению и жертве ради счастья других. Это означает признание идеала, издревле одобренного народом и заключенного в учении Христа.

Итак, снимая покровы (в этом случае, как и в других), Толстой понуждает читателя идти за собой в ту глубину явлений, где открываются закономерности, руководящие жизнью, и где за привлекательной поверхностью вещей может оказаться неприглядная, а иногда и зловещая сущность.

Нет надобности продолжать разговор о символических мотивах сцены скачек, поскольку их подробный анализ изложен в упомянутой выше статье о поэтике «Анны Карениной». Задача настоящей работы (помимо прочих соображений) в том, чтобы назвать источник художественного приема, которым воспользовался Толстой, и показать его функционирование в произведениях разных авторов. В отличие от романа Дюма, где развернутая метафора служит прежде всего решению эстетических проблем (расширению репертуара эпических средств, демонстрации всевозможных вариантов иносказания, отталкивающегося от реальной ситуации, и т. д.), в романе Толстого благодаря «сцеплениям» и взаимодействию с широким контекстом такая метафора становится наглядным, а вместе с тем и самым убедительным способом выражения социальной и философской концепции.

Художественным приемом, опирающимся на описание реального факта, может быть не только метафора, но и метонимия. Приведем пример такого рода, не требующий долгих пояснений. Он примечателен тем, что описание реального факта мы видим у того же Дюма, а превращение реальности в художественный прием — у Достоевского.

Так, в «Графине де Монсоро» автор изображает тайное сборище в монастыре св. Женевьевы под руководством братьев Гиз (герцога де Гиза «Меченого», герцога Майеннского, кардинала де Гиза) и их сестры герцогини де Монпансье (Екатерины Марии Лотарингской). Заговорщики заняты организацией католической Лиги для свержения, в конечном счете, правящего короля, Генриха III Валуа, и захвата французского трона. Свои фигуры и лица они прячут под монашескими облачениями. Один из них в удобный момент «отбросил капюшон и открыл самое одухотворенное и самое очаровательное женское личико, которое только можно вообразить (...) Черные глаза искрились лукавством. (...) Рот был маленький, изящный и алый, нос — вырезан с классической строгостью, безукоризненный овал несколько бледного лица, на котором выступали две иссиня-черные дуги сросшихся бровей, идеально правильного рисунка, завершился округлым подбородком.

Это была достойная сестрица братьев де Гиз, госпожа де Монпансье, опасная сирена, ловко скрывававшая под грубой монашеской рясой свои телесные изъяны — плечи, из которых одно было выше другого, и слегка искривленную правую ногу, заставлявшую ее прихрамывать.

Благодаря этим физическим недостаткам в теле, которому Бог дал голову ангела, поселилась душа демона» (с. 271–272).

В романе «Сорок пять» Дюма мельком напоминает о тех же всем известных недостатках во внешности прелестной герцогини: «Госпожа де Монпансье вскочила с места и устремила навстречу брату так поспешно, что забыла даже ступать на носок правой ноги, как обычно делала, когда не хотела хромать» [Дюма 2020, с. 253]. И позднее еще раз, в разговоре Шико с Генрихом III: «...неужто тебе придет на ум хулить ручки герцогини де Монпансье, после того как ты неодобрительно говорил о ее плечах? Как ты строг, мой король!» [Дюма 2020, с. 743].

Неблагополучное плечо герцогини (конечно, правое) связано с ее правой ногой: оно было ниже левого потому, что ее кривая нога короче другой. Достоевский имел в виду эту связь, когда в финале сцены знакомства Ивана и Алеши Карамазовых, заключавшей в себе искусительную речь старшего брата («Братья Карамазовы», книга пятая «Pro и Contra», глава V. Великий

инквизитор), говорил о замечании, которое проскользнуло в «печальном и скорбном в эту минуту» уме Алеши: «Он немного подождал, глядя вслед брату. Почему-то заметил вдруг, что брат Иван идет как-то раскачиваясь и что у него правое плечо, если сзади глядеть, кажется ниже левого. Никогда он этого не замечал прежде» [Достоевский 1976, с. 241]. Не замечал потому, что никогда прежде Алеша не выслушивал искусительного поучения брата. Изъян правой ноги Ивана, более важный, чем его плечо, разумелся сам собой. Косвенно на это указывает «раскачивание» в походке Ивана, намекающее на его хромоту. И именно «в эту минуту». Правда, «качание» героя (как часто у Достоевского, когда речь заходит о его источниках) не сводится только к романам Дюма [Ветловская 2022, с. 135–153].

Поднятые здесь темы и детали сопоставлений могли бы быть представлены с большей подробностью, но подробные объяснения не вмещают рамки статьи.

## Литература

- Аполлодор — *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1972. 216 с. (Лит. памятники).
- Белинский — *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. литература, 1982. Т. 8. 784 с.
- Библейская энциклопедия — Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия: В 4 вып. / Труд и изд. архим. Никифора. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. 904 с.; Репр. изд.: Библейская энциклопедия / Изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. 902 с.
- Ветловская 2002 — *Ветловская В. Е.* Поэтика «Анны Карениной»: (Система неоднозначных мотивов) // Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. С. 154–185.
- Ветловская 2020 — *Ветловская В. Е.* Источники и литературный контекст романа Достоевского «Бедные люди» // *Словесность и история*. 2020. № 3. С. 7–31.
- Ветловская 2022 — *Ветловская В. Е.* Библейские источники романа «Братья Карамазовы»: Тема Каина // *Литература и история в контексте археографии: Сб. науч. трудов / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние. Ин-т истории*. Новосибирск, 2022. С. 135–153. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 41).
- Гусев 1958 — *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1828–1890. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 839 с.
- Гусев 1960 — *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1891–1910. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. 919 с.
- Достоевский 1976 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14: Братья Карамазовы. Кн. 1–10. 512 с.
- Достоевский 1979 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1979. Т. 19: Статьи и заметки, 1861. 360 с.
- Дюма 2020 — *Дюма А.* Сорок пять / Пер. с фр. А Кулишер, Н. Рыковой. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2020. 864 с.
- Дюма 2021a — *Дюма А.* Графиня де Монсоро: Роман / Пер. с фр. Н. Бутыриной, В. Столбова. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021. 960 с.

- Дюма 2021б — Дюма А. Королева Марго / Пер. с фр. Е. Корша. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021. 704 с.
- Кун — Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. 512 с.
- Лев Толстой об искусстве — Лев Толстой об искусстве и литературе // Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К. Н. Ломунова. М.: Сов. писатель, 1958. Т. 1. 608 с.; Т. 2. 576 с.
- Словарь античности — Словарь античности / Пер. с нем. М.: Эллис Лак; Прогресс, 1994. 704 с.
- Толстой 1981 — Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 8: Анна Каренина. Ч. 1–4. 496 с.
- Толстой 1982 — Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 9: Анна Каренина. Ч. 5–8. 462 с.

## References

- Apollodor (1972). *Mifologicheskaya biblioteka*. Leningrad: Nauka, 216 p.
- Belinskii, V. G. (1982). *Sobranie sochinenii*: 9 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 8, 784 p.
- Gusev, N. N. (1958). *Letopis' zhizni i tvorchestva L'va Nikolaevicha Tolstogo, 1828–1890*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 839 p.
- Gusev, N. N. (1960). *Letopis' zhizni i tvorchestva L'va Nikolaevicha Tolstogo, 1891–1910*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 919 p.
- Dostoevskii, F. M. (1976). *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Leningrad: Nauka. Vol. 14, 512 p.
- Dostoevskii, F. M. (1979). *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Leningrad: Nauka. Vol. 19, 360 p.
- Dyuma, A. (2020). *Sorok pyat'*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. 864 p.
- Dyuma, A. (2021). *Grafinya de Monsoro*. Roman. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. 960 p.
- Dyuma, A. (2021). *Koroleva Margo*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. 704 p.
- Kun, N. (2018). *Legendy i mify Drevnei Gretsii*. Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus, 512 p.
- Lomunov, K. N., ed. (1958). *Lev Tolstoi ob iskusstve i literature*. Moscow: Sovetskii pisatel'. Vol. 1, 608 p.; Vol. 2, 576 p.
- Nikifor, arkhimandrit, ed. (1891). *Ilyustrirovannaya polnaya populyarnaya Bibleiskaya entsiklopediya*. Moscow: Tipografiya A. I. Snegirevoi, 904 p. Reprint: *Bibleiskaya entsiklopediya* (1990). Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 902 p.
- Slovar' antichnosti* (1994). Moscow: Ellis Lak; Progress, 704 p.
- Tolstoi, L. N. (1981). *Sobranie sochinenii*. 22 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 8, 495 p.
- Tolstoi, L. N. (1982). *Sobranie sochinenii*. 22 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 9, 462 p.
- Vetlovskaya, V. E. (2002). *Analiz epicheskogo proizvedeniya: Problemy poetiki*. Saint Petersburg: Nauka, 214 p.
- Vetlovskaya, V. E. (2020). 'Istochniki i literaturnyi kontekst romana Dostoevskogo «Bednye lyudi», *Slovesnost' i istoriya*, 3, 7–31.
- Vetlovskaya, V. E. (2022). Bibleiskie istochniki romana «Brat'ya Karamazovy»: Tema Kaina, in: *Literatura i istoriya v kontekste arkheografii. Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, 135–153. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri; Vol. 41).

Т. Ф. Пирожкова

«ХЛОПОЧУ ОКОЛО КОЛЕСНИЦЫ»  
(И. С. АКСАКОВ В ОПОЛЧЕНИИ)

К 170-летней годовщине начала Восточной войны  
и к 200-летию со дня рождения И. С. Аксакова

Резюме

В статье речь идет о службе И. С. Аксакова в 1855 г. в Московском ополчении — он вступил в него добровольцем в последний день царствования Николая I. Шла Крымская война, и Аксаков считал бесчестным в трудную годину не послужить Отечеству. Квартирмейстер Серпуховской дружины Московского ополчения, он сразу же, в период снаряжения, столкнулся с неприятными проблемами, главной из которых было воровство, которое, по его наблюдениям, в военном ведомстве было более значительным, чем в гражданском. И в походе квартирмейстер как мог оберегал ратников от корыстолюбия ротных командиров. Московское ополчение дошло до Одессы и Бендер, но в военных действиях не участвовало, поскольку уже велись переговоры о мире. Опыт, приобретенный от жизни с крестьянами бок о бок в течение года, Аксаков считал очень полезным для себя — он пригодился ему в дальнейшей жизни.

*Ключевые слова:* И. С. Аксаков, Крымская война, Московское ополчение, доброволец, Серпуховская добровольческая дружина, квартирмейстер, снабжение, воровство, военный поход, письма

Tatyana F. Pirozhkova

“I AM BUSTLING ABOUT A CHARIOT”  
(IVAN S. AKSAKOV IN THE MILITIA)

In Commemoration of the 170th Anniversary of the Start of the Eastern War and of the Bicentennial of Ivan S. Aksakov

Abstract

This article is about Ivan Sergeevich Aksakov's service in the Moscow Militia in 1855. Aksakov joined the Militia as a volunteer on the last day of Nicholas I's reign. Since the Crimean War was going on, Aksakov thought it dishonest not to serve his fatherland in those hard times. As a quartermaster of the Serpukhov regiment of the Moscow Militia, he immediately faced unpleasant supply problems, mainly theft. According to his observations, cases of theft occurred in the military department more frequently than in the civil department. During the campaign, Aksakov did his best to protect soldiers from their mercenary-minded company commanders. Regiments of the Moscow Militia advanced to Odessa and Bender but did not engage in actual combat action since peace negotiations were already underway. Aksakov regarded his year-long stay in the company of peasants during that military campaign as an experience that was very useful in his later life.

*Keywords:* Ivan S. Aksakov, Crimean War, Moscow Militia, volunteer, Serpukhov Militia regiment, quartermaster, provisioning, theft, military campaign, letters

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-62-75

**В** октябре 1853 г., 170 лет назад, Турция объявила войну России. После уничтожения русской эскадры под командованием П. С. Нахимова турецкого флота в Синопской бухте (18 ноября 1853 г.) английская и французская эскадры вошли в Черное море, 10 апреля 1854 г. без объявления войны они открыли огонь по Одессе, успешно отраженный береговой артиллерией. Буквально на следующий день, 11 апреля 1854 г., последовал манифест России о войне с Англией и Францией, где было сказано, что Россия «ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за веру христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами» (имелись в виду славяне под турецким и австрийским владычеством. — *Т. П.*). Начавшись из-за спора с Турцией о святых местах в Иерусалиме, война была сначала войной православия с магометанством, а со вступлением в нее Англии и Франции стала войной Запада и Востока и велась врагами России в целях прекращения ее влияния на Балканах и на Кавказе.

Это была «война со всеми», как удачно выразился С. Т. Аксаков<sup>1</sup>, с целой коалицией государств. Владеющие колониями империи призвали на театр военных действий даже аборигенов: Франция, к примеру, — зуавов, пехота которых выглядела экзотично, но была малоэффективна в пору, когда исход боя решала артиллерия.

Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) обладал свойством, которое его никогда не покидало, — чувством причастности ко всему, что происходило в его время. Еще до начала войны, когда тучи сгущались и Турция вооружалась, он писал родным: «Право, если будет война и не пустят меня в море, не вступить ли мне в военную службу волонтером?» [Аксаков 1994, с. 248]<sup>2</sup>. После отставки в Министерстве внутренних дел (1851) Иван, хотя и выбрал между службой и литературной деятельностью последнюю, но она не очень складывалась, двери перед ним как будто закрывались, хлопывались: в 1852 г. он отредактировал том славянофильского «Московского сборника», где выступил и как критик (со статьей «Несколько слов о Гоголе»), и как поэт (с отрывками из поэмы «Бродяга» о беглом крестьянине Алешке). Но продолжение сборника запретили; и «в море» его не пустили, то есть в кругосветное путешествие на военном фрегате «Диана», и виной тому был именно этот смелый сборник, находившийся в свежей памяти у властей, на цензурном языке — «злонамеренный альманах». Весной 1854 г. Аксаков хотел попасть на Дунай, в штаб армии, поскольку на Балканах разворачивались военные действия, и снова не получилось. После встречи с Иваном в Спасском-Лутовинове И. С. Тургенев писал его отцу, писателю С. Т. Аксакову: «...обидно видеть такой запас сил, которые никуда не идут» [Тургенев, с. 210]<sup>3</sup>.

Очень остро и глубоко И. С. Аксаков переживал в ту пору наши военные неудачи: Австрия остановила движение русских войск на Дунай в подчиненные турецкому султану княжества Валахию и Бессарабию — началось обратное движение за Дунай, за Прут, снятие осады крепости Силистрия в июне 1854 г., что произвело удручающее впечатление не только на Ивана Аксакова, но и на «всю Россию»<sup>4</sup>.

Человек глубоко гражданский, Иван Сергеевич, однако, ясно видел просчеты руководства, в частности военного министра князя В. А. Долгорукова, не предпринявшего никаких шагов к обороне Крыма, хотя вторже-

<sup>1</sup> Письмо И. С. Аксакову от 28 июня 1854 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 53.

<sup>2</sup> Письмо от 7 сентября 1853 г.

<sup>3</sup> Письмо от 20, 23 ноября 1853 г.

<sup>4</sup> Письмо С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 9 августа 1854 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 58.



ния неприятеля на полуостров можно было ожидать уже с весны 1854 г., а Севастополь — важнейший стратегический пункт — был совершенно не укреплен с суши. И главнокомандующий русскими войсками в Крыму князь А. С. Меншиков совершал — одну за другой — военные ошибки: не только не противодействовал высадке французов около Евпатории 1 сентября 1854 г., но и отступил к Бахчисараю, поставив в опасное положение Севастополь, затем — в сентябре и октябре — проиграл два сражения: при Альме и Инкерманское. В силу своей беспечности (не посетил ни один бастион!) допустил, чтобы солдаты при нем голодали. Неумелый руководитель, он в феврале 1855 г. был смещен с должности и заменен М. Д. Горчаковым.

Тогда же, а именно в последний день царствования императора Николая I — 18 февраля 1855 г., — Иван Аксаков добровольно, «по требованию совести», вступил в ополчение. Манифест «О призывании к государственному ополчению» император подписал 29 января 1855 г., «Московские ведомости» напечатали его 3 февраля; через две недели Аксаков принял решение.

Поступок Ивана Аксакова — поступок необычный на фоне общего равнодушия к ополчению дворян, которые не считали постыдным откупаться от воинского долга всеми возможными способами, о чем имеются авторитетные свидетельства современников. В «Записках» славянофил А. И. Кошелёв писал: «...шли в ополчение только те дворяне, которые с приличием не могли от того уклониться; а кого освобождали лета, здоровье или особенные семейные обстоятельства, те, с едва скрываемою радостью, отказывались от чести и долга защищать свое отечество» [Кошелев, с. 58]. Другой славянофил, Ф. В. Чижов, живший в то время в Малороссии, тоже свидетельствовал о трудности набора в ополчение<sup>5</sup>. И сестра Ивана Аксакова Вера отмечала в дневнике, что ополчение не возбуждало сочувствия, потому что походило на набор, в который включили дворян: «Никто из порядочных людей не хотел идти в Моск(овское) ополчение» [Аксакова, с. 180, 181].

Николай I с 1825 г., со своего вступления на престол, осложненного восстанием декабристов, и до смерти не переставал обижаться на русское дворянство, не простил ему и холодного отношения к ополчению. Но манифест действительно мало кого мог воодушевить: он был написан казенным языком; царь не призывал создать ополчение, а повелевал его составить («Ополчение призвать немедленно в губерниях...»), дружины назывались не по городам, а по номерам: Верейская — № 109, Серпуховская — № 111 и т. д. Этот немецкий распорядок совершенно не прижился на русской почве,

---

<sup>5</sup> Чижов Ф. В. Дневник за 1855 г. // ОР РГБ. Ф. 332. Карт. 2. № 8. Л. 4.

дружины по номерам себя не называли, а «всегда по городам: Верейские, Серпуховские или просто — „Руза прошла“» [Аксаков 1994, с. 359]<sup>6</sup>.

Став штабс-капитаном Серпуховской дружины Московского ополчения, Иван «повеселел и помолодел» [Аксаков 1994, с. 344]<sup>7</sup>, сшил себе новый мундир, в котором щеголял в знакомых домах: он не уклонился от общей судьбы, от исторической повинности, «изъявил готовность участвовать в опасностях, угрожающих России, чьей бы виной они ни были навлечены». Призыв к ополчению он понял как «возвещение об опасности», угрожающей родине: «...когда относятся к вам в ваш кабинет и говорят, что России грозит опасность, ответ может быть только один: „Вы говорите, что грозит опасность? Я готов защищать Россию от опасности“» [Аксаков 1994, с. 343, 344]<sup>8</sup>.

В славянофильском окружении в ополчение не пошли ни Н. А. Елагин, ни Э. А. Дмитриев-Мамонов. В елагинском семействе объявление об ополчении вызвало переполох: «Николая Елагина, не поехавшего на тульские выборы (жил в Тульской губернии. — *Т. П.*), выбрали заочно в офицеры Белевской дружины: вчера пришло к ним это известие и очень их смутило. Вся семья думает о том, как бы высвободить его из ополчения, чего и можно достигнуть разными способами: к тому же он записан сам по Калужской губернии, а в Тульской только имение его матери. Он, я думаю, не стал бы отказываться, если б не Авдотья Петровна (его мать. — *Т. П.*), для которой разлука с ним будет очень тяжела; но забавно видеть с ними Хомякова, который настоятельно требует, чтоб он шел в ополчение, и сердит всю семью» [Аксаков 1994, с. 338]<sup>9</sup>. Недовольство А. С. Хомякова можно понять: он участник Турецкой кампании 1828 г. и сейчас сам готов был бы пойти снова в бой, если бы не семеро его детей, мать которых, Екатерина Михайловна, умерла в 1852 г.

Иван не был уверен, что его шаг верно поймут родственники. У родных осведомлялся о своем дяде Аркадии Тимофеевиче Аксакове (между прочим, гвардейском прапорщике): «Что он говорит про мое поступление на службу в ополчение? верно бранит» [Аксаков 1994, с. 381]<sup>10</sup>.

Первоначально этот поступок не оценили даже в семье: брат Константин прямо высказал недовольство, и тяжело было Ивану слышать от него «одно порицание и осуждение предпринятому делу» [Аксаков 1994, с. 348]<sup>11</sup>.

<sup>6</sup> Письмо от 1 августа 1855 г.

<sup>7</sup> Письмо от 8 апреля 1855 г.

<sup>8</sup> Письмо от 8 апреля 1855 г.

<sup>9</sup> Письмо от 3 апреля 1855 г.

<sup>10</sup> Письмо от 22 июля (1855 г.).

<sup>11</sup> Письмо от 16 апреля 1855 г.

Мудрый отец свое неодобрение высказал деликатно: «Должно предположить, что случилось необыкновенное событие, чтоб кто-нибудь из моих сыновей вступил в военную службу, которая всегда была так чужда нашему направлению и вашему воспитанию! Ну да будет всё сие ко благу»<sup>12</sup>. Сергей Тимофеевич допустил неточность: Иван вступал не в военную службу, не в армию, а в ополчение.

От избрания в дружинные начальники Иван отказался, им стал граф Иван Петрович Толстой, сын П. А. Толстого, генерала от инфантерии, участника Отечественной войны 1812 г., во время которой сам формировал ополчение.

Ивану Сергеевичу была поручена в дружине казначейская и квартирмейстерская части. Родным он объяснил: «На моих руках хозяйство целой дружины: снабжение людей провиантом, лошадей фуражом, прием и хранение амуниции, вещей, размещение, счетоводство, ведение бесчисленного множества книг, табелей и ведомостей» [Аксаков 1994, с. 346]<sup>13</sup>.

Труд тяжелый, совершенно чуждый его поэтической натуре, но ведь он сам сделал выбор между бездействием и гражданской ответственностью, в принимаемых решениях на протяжении всей жизни сохранял независимость, а потому и не унывал: «Как ни скучны, ни противны мне подчас мои теперешние занятия, все же я радуюсь тому, что несу свою долю тяготы в эту эпоху, что я тоже будто работаю и хлопочу около колесницы...» [Аксаков 1994, с. 347]<sup>14</sup>.

Занятия Ивана, писала его сестра Вера, «другим и *доверить нельзя*» [Аксакова, с. 181]. Собственно, «других» и не было — при начале формирования дружины в ней насчитывалось свыше 600 человек, а офицеров, кроме Ивана, всего один. Впоследствии в дружине уже 1200 человек, но офицерское пополнение — из-за равнодушия дворянства к ополчению — никуда не годное. На смотре начальник ополчения граф С. Г. Строганов убедил трех назначенных офицеров-пьяниц подать в отставку. «Просто грех было назначать таких людей и поручать им крестьян!» — возмущался Иван [Аксаков 1994, с. 353]<sup>15</sup>.

За все время похода Аксаков насчитал в дружине всего четырех знавших военную службу офицеров, которых в письмах родным назвал по фамилиям (Васильев, Жеглинский, Песков, Аргамаков) [Аксаков 1994, с. 397]<sup>16</sup>. Все

<sup>12</sup> РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. № 5. Л. 50–50 об.

<sup>13</sup> Письмо от 16 апреля 1855 г.

<sup>14</sup> Письмо от 16 апреля 1855 г.

<sup>15</sup> Письмо от 3 июля 1855 г.

<sup>16</sup> Письмо с 11 на 12 ноября 1855 г.

остальные — ротные командиры — общая, неразличимая масса, от него очень далекая, обмен мыслями с которой для него невозможен: пьют, курят, играют в карты, жадны до денег. В течение целого года (от весны 1855-го до весны 1856-го) Иван, совершенно одинокий среди множества людей, сокрушался, что в дружинах нет таких, как Николай Елагин, Юрий Федорович Самарин, — нравственный климат был бы совсем иной.

Аксаков никогда не видел, как проходит набор в ополчение, наблюдал его впервые. Процедура недолгая: в тесной грязной комнате доктор со всех сторон осматривает будущего ратника, никакие внутренние болезни при таком внешнем осмотре, конечно, не видны: «Хорош». За несколько минут судьба решена. Дом и двор наполнены взволнованными людьми; чтобы вести себя посмелее и легче перенести неизбежное, многие уже «совершенно пьяны» и «поют пьяные песни». Всё это совершается под неумолкающее голошенье и причитания баб. Главное — как в рекруты, так и в ополченцы люди идут «с неохотой» [Аксаков 1994, с. 347]<sup>17</sup>.

Иван не понимал равнодушия дворян к ополчению — ратников ожидает, возможно, гибель в бою. Отец сообщил ему, как встречал Костромское ополчение, начальником которого выбрали его друга Федора Ивановича Васькова. При виде этой черной кольшущейся крестьянской массы, не обученной военному искусству, Сергей Тимофеевич смутился: «...сердце мое сжалось от такой глубокой жалости, какой, мне кажется, я никогда не испытывал (...) Я не заметил ни малейшего признака силы и бодрости в этой народной силе. Я не заметил ни одной молодцеватой фигуры! (...) Я вообразил их себе в сражении с французами, и они показались мне жертвами, которых ведут на заклание» [Аксаков 1892, с. 159]<sup>18</sup>. Иван был того же мнения: «Жалость, которую испытали Вы, не раз испытываю и я, смотря на наших ратников. Перестреляют их французы всех как куропаток» [Аксаков 1994, с. 370]<sup>19</sup>.

Как двинулась Серпуховская дружина, в которой был его сын, Сергей Тимофеевич не видел: Иван, заваленный делами, не имел времени поехать в Абрамцево для прощания, потом посчитал, что заочное прощание для родителей значительно легче очного; провожать его приехал только Константин. При нем Серпуховская дружина отправилась в путь — Московское ополчение шло в Киев.

Аксакова огорчало не только безразличие к ополчению, но и преступные злоупотребления московских властей, с которыми он столкнулся еще на стадии снаряжения ратников для похода. По должности именно он зани-

<sup>17</sup> Письмо от 16 апреля 1855 г.

<sup>18</sup> Письмо от 25 августа 1855 г.

<sup>19</sup> Письмо от 5 сентября 1855 г.

мался приемом вещей, поступавших от Московского губернского комитета, председателем которого являлся губернатор граф А. А. Закревский, — присылаемое оказалось очень скверного качества, вещи «отвратительнейшие», по отзыву приемщика. Иван сразу обнаружил воровство: «воровство самое наглое; украдено денег, конечно, больше, чем наполовину» [Аксаков 1994, с. 349]<sup>20</sup>. Действительно, Московское ополчение очень скудно снабжалось по сравнению с другими (например, с Тульским). Чтобы предупредить воровство в дружине, Аксаков раздал ратникам перечень того, что им полагалось на обед и ужин, вызвав своим поступком недовольство ротных командиров: «Вообще военная честь очень странная честь (...) По военным понятиям не марает мундира — класть казенную экономию в карман, обижать жителей, дать мужику „в зубы“, когда он приходит со справедливой жалобой, ругаться бесчеловечно над жидом и т. д. и т. д.» [Аксаков 1994, с. 365]<sup>21</sup>.

Иван, находясь в ополчении, сделал неприятное открытие: в военном ведомстве воруют «в тысячу раз сильнее» [Аксаков 1994, с. 403]<sup>22</sup>, чем в гражданском.

Удивительно при этом, что казначей Серпуховской дружины, чья честность была безупречной, дела которого начальник Московского ополчения граф Строганов нашел «в отличном виде» [Аксаков 1994, с. 352]<sup>23</sup>, не мог в отчете показать сэкономленное, так как его тотчас отнимут и у него не будет денег, чтобы покрыть неизбежные издержки, которые не признавались властями [Аксаков 1994, с. 382]<sup>24</sup>. К примеру, денег на лазарет не отпускалось ни копейки, а в Серпуховской дружине и лазарет был, и фельдшер на жалование, и лекарства ополченцам покупались; данные расходы Ивану требовалось проводить по какой-нибудь другой статье, изворачиваться, хитрить, что очень тяготило его, причиняло нравственные муки. Все лгали — и те, кто выдавал деньги, и те, кто за них отчитывался. И перспектив на изменения не имелось: «Чего можно ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтоб сказать правду, надо поступить незаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого, законного!» [Аксаков 1994, с. 403]<sup>25</sup>. Неудивительно, что отчетные бумаги Ивана Аксакова Строганов не принял: его отчет ясно показывал, сколько украдено в других дружинах ополчения.

---

<sup>20</sup> Письмо от 21 мая 1855 г.

<sup>21</sup> Письмо от 25 августа 1855 г.

<sup>22</sup> Письмо от 23 ноября 1855 г.

<sup>23</sup> Письмо от 3 июля 1855 г.

<sup>24</sup> Письмо от 6 октября 1855 г.

<sup>25</sup> Письмо от 23 ноября 1855 г.

Наградой Ивану было только любовное отношение к нему ратников, которые ценили его заботу о них и то, что с ним можно было поделиться глубоко затаенным и горько переживаемым: «...мужик лет 50-ти, рассказывал мне со слезами на глазах, что у него 7 человек детей, один другого меньше, что жена его умерла месяца два тому назад (...)» Что дети его ходят по миру [Аксаков 1994, с. 406–407]<sup>26</sup>.

Когда Иван готовил дружину к походу, хлопот было столько, что он не замечал ни весны, ни вообще ничего, что не имело непосредственного отношения к его деятельности. Но вот двинулись в путь, и он тоже оказался очень непростым — главным образом по причине известного национального недостатка. Еще перед походом, в Серпухове, ратники успели напиться, некоторые идти не смогли, их положили на телеги. Женщины не простились у заставы, как приказало начальство, а, опережая дружину, бежали в кабаки за вином для мужиков, отстали от дружинников только верст за сто от Серпухова. Дошли до Новгород-Северска, тут дешевизна водки снова породила сильное пьянство [Аксаков 1994, с. 367]<sup>27</sup>. То же самое — в Малороссии, где ратников встречали даже лучше, чем в России, но они оказались совершенно бесчувственны к такому приему: «...как жадные волки на овец, бросаются на горилку, напиваются пьяны до безобразия» [Аксаков 1994, с. 368]<sup>28</sup>, во дворах гоняются за курами и гусями, воруют и режут их, так что хозяйки стали запирают двери сараев на замок. При приближении к югу ратники снова пьют, но теперь «с горя» [Аксаков 1994, с. 382]<sup>29</sup>, от тревожного предчувствия возможной гибели.

Для брата Константина мужик являлся «высшим идеалом» человека, он считал, что русский народ «ищет Царствия Божия». Иван, окончив Училище правоведения, по служебным надобностям около десяти лет ездил по России, народ узнал хорошо, но никогда ему не льстил, видя, что он разный, и сейчас, в походе, он жил с этим народом одной жизнью, ел из одного котла. По его словам, многие ратники вели себя «прекрасно», но на недостатки народа Иван глаза не закрывал. В оправдание пьяного мог сказать одно: сейчас он не крестьянин и не солдат, к дисциплине не приучен, смысла ведущейся войны за «единоверцев наших на Востоке» совершенно не понимает и потому не чувствует никакого одушевления [Аксаков 1994, с. 368]<sup>30</sup>.

<sup>26</sup> Письмо от 8 декабря 1855 г.

<sup>27</sup> Письмо от 25 августа 1855 г.

<sup>28</sup> Письмо от 2 сентября 1855 г.

<sup>29</sup> Письмо от 6 октября 1855 г.

<sup>30</sup> Письмо от 2 сентября 1855 г.

Серпуховская дружина не была исключением: сестра Вера в сентябре 1855 г. записала в дневнике, что пришедшая в Москву Вологодская дружина первым делом разнесла кабака на Воробьевых горах [Аксакова, с. 218].

Другая важная проблема, обсуждаемая Иваном в письмах к родным, — настроение населения, жившего вблизи района военных действий: оно было мало расположено к пришельцам из России. Южные губернии в результате войны превратились в вулкан: «Вишь, говорят, „хранцузы“, „хранцузы“: к нам своя сила пришла!»; «...нам пуще турок — свои» [Аксаков 1994, с. 365]<sup>31</sup>. Это в Малороссии.

Ту же картину Иван наблюдал в Бессарабии. Посетив Бессарабию по делам службы еще в 1848 г., Иван знал, что она — пристанище беглых крестьян. «Ты беглый?» — спрашивает Иван извозчика (дело происходит в 1848 г.). «Беглый, ваше благородие!» — не таясь отвечает крестьянин (кого ему бояться, какой помещик будет искать его?!). Такой же разговор произошел у Ивана с извозчиком-бородачом в 1855 г. — «черт ли ему в России!» Она для него страшилище, страна неволи, солдатства, полицейщины, казенщины, крепостного права [Аксаков 1994, с. 407]<sup>32</sup>. А здесь он вольная птица, и в Россию беглый не побежит, скорее побежит «Турцию населять» [Там же].

Такие настроения на юге России бытовали на фоне неудач русской армии, следующих одна за другой с трагической неизбежностью. «А как скверно идут наши военные дела!» — сетовал Иван [Аксаков 1994, с. 351]<sup>33</sup>. Это письмо написано после того, как Керчь мы отдали без боя (ввиду невозможности противодействовать нападению), после неудачного сражения на Черной речке, когда наши войска встретили отчаянный отпор французов, — все командиры вплоть до ротных полегли, раненые достались неприятелю, с поля боя не успели вынести даже тело убитого генерала Н. А. Реада, командовавшего атакой; князь Горчаков в донесении военному министру называл ужасающую цифру потерь на Черной речке — от 7 до 8 тысяч человек.

А чтение депеши о переходе русской армии с южной стороны Севастополя на северную «перевернуло меня всего» — признавался Аксаков [Аксаков 1994, с. 372]<sup>34</sup>. Какое бесславие, какая несостоятельность! Но Севастополь должен был пасть, считал Аксаков, как «обличение гнили правительственной системы» [Аксаков 1994, с. 385]<sup>35</sup>.

---

<sup>31</sup> Письмо от 25 августа 1855 г.

<sup>32</sup> Письмо от 3 декабря 1855 г.

<sup>33</sup> Письмо от 5 июня 1855 г.

<sup>34</sup> Письмо от 9 сентября 1855 г.

<sup>35</sup> Письмо от 14 октября 1855 г.

Так думал не он один. Сергей Тимофеевич, сначала веривший в благоприятное для нас окончание войны, в значительной части под влиянием сообщаемого Иваном о лихоимстве и казнокрадстве в действующей армии, о равнодушии властей к нуждам защитников отечества, о голоде в Севастополе пришел к выводу, что «мы не стоим торжества»<sup>36</sup>. Такое же горестное заключение сделал и поэт Ф. И. Тютчев (в будущем тесть И. С. Аксакова), который сообщал жене, что крах — неизбежное следствие правления Николая I, неудачи в войне закономерны и даже «справедливы»: «...было бы совершенно неестественно, если бы тридцать лет неспособного управления (1825—1855. — *Т. П.*), подкупов и злоупотреблений могли привести к успехам и к славе» [Русский архив, с. 520]<sup>37</sup>.

Летом 1855 г., уже при новом царе, Александре II, снова объявили призыв в ополчение, он касался Поволжья, Самарской и Симбирской губерний. Зная о том, что официальный состав дружин хуже некуда, Ю. Ф. Самарин пошел в ополченцы, спасая младших братьев<sup>38</sup>.

Его друг Константин Аксаков, переменявший к этому времени отношение к ополчению, радовался за Самарина: дескать, он «короче» узнает русский народ и обогатится душевно от него<sup>39</sup>. Возможно, Самарин улыбался, читая глубокомысленные сентенции друга: после отставки он уже несколько лет жил в селе Васильевском Самарской губернии и самым тесным образом общался с крестьянами, занимаясь управлением, в отличие от Константина, который никаких крестьян, кроме немногочисленных дворовых в Абрамцеве, вообще не знал.

Сергей Тимофеевич, тоже изменивший отношение к ополчению, теперь извещал Ивана: «Если в Самаре будет ополчение, то Гриша (средний из братьев Аксаковых. — *Ред.*) непременно будет выбран и не откажется»<sup>40</sup>. Ивану пришлось остужать пыл отца: «Я не одобряю намерения милого Гриши поступить в ополчение: он женат, у него семейство» [Аксаков 1994, с. 384]<sup>41</sup>. Григорий не был избран, а Самарин стал капитаном Сызранской дружины № 272 и в сентябре 1855 г. отправился набирать ратников.

Хомяков писал ему: «...мне весело и очень весело, что вы (Самарин и Иван Аксаков. — *Т. П.*) так охотно идете на это дело» [Хомяков, с. 275]<sup>42</sup> —

<sup>36</sup> Письмо от 25 августа 1855 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 96 об.

<sup>37</sup> Письмо от 24 сентября 1855 г.

<sup>38</sup> Письмо матери, С. Ю. Самариной, от 4 сентября 1855 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 38. № 2. Л. 1.

<sup>39</sup> Письмо без даты (1855 г.). // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 97. Л. 112, 113.

<sup>40</sup> Письмо от 29 сентября 1855 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 103 об.

<sup>41</sup> Письмо от 6 октября 1855 г.

<sup>42</sup> Письмо без даты (1855 г.).



и С. Т. Аксакову осенью 1855 г.: «...Иван Сергеевич и Самарин в военном клане, в походе, на биваках, может быть, в огне и бою. Мне как-то странно за них, и грустно и весело: у них у обоих что-то лежало тяжело на груди, и нужно было эту тяжесть сдвинуть трудом внешним потому, что внутренний труд у них как-то смущался сомнением. Дай им Бог счастья и успеха! дай Бог им возвратиться к нам скоро и радостно, да и чтобы нам, сидящим дома поневоле, не стыдно было встретить их, наших ополченцев против внешнего врага» [Хомяковский сборник, с. 164]<sup>43</sup>.

В связи с окончанием Восточной войны Сызранская дружина не выступила из Сызрани, до пуль дело не дошло. И Серпуховской дружине тоже не пришлось участвовать в боевых действиях: из Киева ее направили не в Крым, а в Одессу, затем в Бессарабию, в Бендеры.

Иван мало понимал действия командования: необученное ополчение двигалось на юг, к району боев, тогда как резервы, должные в первую очередь пополнять убыль войска, стояли на месте; непреходящей осталась и любовь к смотрам — уже не только начальник ополчения их принимал, но и царь, и ополченцев непременно хотели научить ходить церемониальным маршем, в бою неупотребительным [Аксаков 1994, с. 391]<sup>44</sup>.

Будущее в тумане, что делать с ополчением — не знал никто. Появились слухи о мире, и пришла неприятная новость: Серпуховская дружина прикомандировывается к Якутскому резервному полку, еще не сформированному! Военное начальство не смутило, что тем самым нарушалось данное при оформлении ополчений обещание, что дружины ополчения не будут соединены с армейскими полками.

Если ополчение войдет в состав армии, то там оно непременно потеряется, не будет заметно, стало быть, мы «лишаемся всякого смысла как ополчение» [Аксаков 1994, с. 377]<sup>45</sup>. И вот уже многие начальники дружин хотят выходить в отставку и возвращаться домой. Строганов, начальник Московского ополчения, получил благодарственный рескрипт от государя и уехал. Военное начальство ввиду мирных переговоров бездействовало, занимаясь хозяйством, тратя на свои нужды несметные суммы и обогащаясь [Аксаков 1994, с. 419]<sup>46</sup>.

В этих условиях Ивану Аксакову казалась бессмысленной его служба: дружина устроена, он, казначей, выдает деньги ротным командирам, то есть трудится для их карманов. «Мы с Тол(стым) составляем страшный диссонанс

---

<sup>43</sup> Письмо от 17 октября 1855 г.

<sup>44</sup> Письмо от 25–27 октября 1855 г.

<sup>45</sup> Письмо от 29 сентября 1855 г.

<sup>46</sup> Письмо от 25 января 1856 г.

в гармонии военного быта...» [Аксаков 1994, с. 369]<sup>47</sup>. Уже и И. П. Толстой покинул дружину, на его место назначен другой.

Все — и жители, и ратники — желают мира. Ратники — потому, что они во временной службе, взяты в обстоятельствах войны и в случае мира должны вернуться обратно. Иван каждодневно вращался в этой среде и отлично знал ее настроение.

Но он в неопределенном положении, ему пока некому сдавать дела. Теперь есть возможность устроиться и в штаб армии, о чем он мечтал в начале войны, но какой смысл при толках о мире? Он ведь хотел служить «делу, а не лицам».

Только в марте 1856 г. ему удалось освободиться от должности. Письмо родным от 7 марта 1856 г. из Бендер — последнее.

Итак, Иван Аксаков прошел пешком через всю страну, из Москвы до Одессы и Бессарабии. «...Я ворочусь в Москву с огромным запасом опытности, наблюдений, воспоминаний...» — считал он [Аксаков 1994, с. 411]<sup>48</sup>. Они, несомненно, пригодились ему в дальнейшей журналистской и публицистической деятельности. И хотя должность в ополчении, по признанию Аксакова, «невыносимо скучная», утомительная, изобилующая цифрами, мало подходящая поэту, которым он был, но и она обернется в будущем к добру: с 1874 г. Аксаков стал председателем правления московского Общества взаимного кредита. Занятия его в банке тоже были скучны, тоже с цифрами, но они помогали ему справляться со стесненными материальными обстоятельствами, обеспечивали скромную жизнь его и его жены Анны Федоровны. Еще в молодости Иван дал себе обещание не существовать за счет крепостных крестьян и всю жизнь по выходе из Училища правовердения жил на свое жалованье.

Подводя итоги службе в ополчении, он ни о чем не жалел: «Как ни тяжка была для меня служба, но я нисколько не раскаиваюсь в том, что поступил в ополчение, познакомился с этой стороной администрации и много вынес для себя пользы» [Аксаков 1994, с. 428]<sup>49</sup>.

Весной 1854 г. Иван, как уже говорилось, мечтал попасть на Дунай: «...у меня одно в голове: Дунай!» [Аксаков 1994, с. 253]<sup>50</sup>, у поэта есть стихотворение, которое так и называется. Заканчивалось оно следующими строками:

---

<sup>47</sup> Письмо от 2 сентября 1855 г.

<sup>48</sup> Письмо с 21 на 22 декабря 1855 г.

<sup>49</sup> Письмо от 29 февраля 1856 г.

<sup>50</sup> Письмо от 29 апреля 1854 г.

Так проси ж у Бога сил небесных,  
Все для дня великого забудь,  
Весь зажгись огнем восторгов честных,  
Меж рабочих темных и безвестных  
Ты везде рабочим добрым будь! [Аксаков 1994, с. 254].

Можно сказать, что Бог услышал его голос, обращенные к нему молитвы: и в 1855—1856 гг., когда Иван Аксаков находился в ополчении, как и впоследствии, жизнь ни тягостной, ни покойной для него никогда не была, а была исполнена высокого смысла; честный и неутомимый труженик, он всегда «хлопотал около колесницы».

## Литература

- Аксаков 1892 — Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1892. Ч. 1, т. 3. 706 с.
- Аксаков 1994 — Аксаков И. С. Письма к родным, 1849—1856 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 653 с. (Лит. памятники).
- Аксакова — Вера Аксакова. Дневники. Письма / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. 592 с. (Славянофильский архив).
- Кошелев — Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы) / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 2002. 480 с. (Лит. памятники).
- Русский архив — Русский архив. 1899. Кн. 3, вып. 12. 690 с.
- Тургенев — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.: Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 2. 716 с.
- Хомяков — Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1904. Т. 8: Письма. 526 с.
- Хомяковский сборник — Хомяковский сборник. Томск: Водолей, 1998. Т. 1. 352 с.

## References

- Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* (1892). Moscow: Tipografiya M. G. Volchaninova. Part 1, Vol. 3, 706 p.
- Khomyakov, A. S. (1904). *Polnoe sobranie sochinenii*. 8 vols. Moscow: Tipolitografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°. Vol. 8. Pis'ma, 526 p.
- Khomyakovskii sbornik* (1998). Tomsk: Vodolei. Vol. 1, 352 p.
- Pirozhkova, T. F., ed. (1994). *I. S. Aksakov. Pis'ma k rodnym, 1849—1856*. Moscow: Nauka, 653 p. (Literaturnye pamyatniki).
- Pirozhkova, T. F., ed. (2002). *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812—1883)* Moscow: Nauka, 480 p. (Literaturnye pamyatniki).
- Pirozhkova, T. F., ed. (2013). *Vera Aksakova. Dnevniki. Pis'ma*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 592 p. (Slavyanofil'skii arkhiv).
- Russkii arkhiv* (1899). Vol. 3, 12, 690 p.
- Turgenev, I. S. (1961). *Polnoe sobranie sochinenii*: 28 vols. Pis'ma. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 716 p.

В. А. Фатеев

«ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУГИ» И «БОЕВЫЕ РАПСОДИИ»  
22-ЛЕТНЕЙ ПЕРЕПИСКИ  
(К ВЫХОДУ В СВЕТ ПЕРЕПИСКИ  
В. В. РОЗАНОВА И П. П. ПЕРЦОВА)<sup>1</sup>

Резюме

Статья посвящена двухтомному изданию полного собрания переписки В. В. Розанова и П. П. Перцова (499 писем), подготовленному сотрудниками Института русской литературы Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко и выпущенному Издательством «Пушкинский Дом» в серии «Русские беседы» в 2023 г. Это научное издание, посвященное переписке чрезвычайно популярного, хотя и противоречивого публициста, литературного критика, эссеиста и мыслителя В. В. Розанова с гораздо менее известным литератором П. П. Перцовым, который составил и издал четыре ранние книги писателя и тем самым проложил ему дорогу к известности, устраняет заметную лауну в освоении эпистолярного наследия Розанова.

Несмотря на гораздо большую известность В. В. Розанова, письма не столь знаменитого, но широко образованного и вполне самостоятельного критика, публициста, издателя и философа П. П. Перцова, имеющего по всем обсуждаемым вопросам собственное, независимое мнение, представляют собой важное «контрапунктное» дополнение к ним. Более того, часто письма Перцова являются своеобразной дружеской «поправкой» к идеям Розанова, предстающего перед читателем в этой переписке во всем блеске его безудержной фантазии и дерзких, а порой и шокирующих литературных «фуг» и «рапсодий». В статье рассматриваются индивидуальные особенности характеров и творческого почерка обоих корреспондентов. Прослеживаются основные этапы этой творческой дружбы, нашедшей отражение в письмах. Впервые публикуемая в полном объеме и с такими подробными, тщательно выполненными комментариями переписка представляет собой количественно и качественно новый этап в освоении эпистолярного наследия В. В. Розанова и П. П. Перцова в контексте изучения всего творческого наследия двух писателей, а также русской литературно-

---

<sup>1</sup> [Т. I; Т. II].

философской мысли Серебряного века. Выполненное на высоком профессиональном уровне, с широким охватом литературно-философской проблематики, издание переписки вносит существенный вклад в изучение русской культуры рубежа XIX и XX вв.

*Ключевые слова:* В. В. Розанов, П. П. Перцов, литература, переписка, эпистолярный жанр, письма, христианство, церковь, пол, семья, антихристианство, символизм, декаденты, новое религиозное сознание, революция

Valery A. Fateev

## THE "ARTISTIC FUGUES" AND "FIGHTING RHAPSODIES" IN A 22-YEAR CORRESPONDENCE (ON THE NEWLY PUBLISHED COMPLETE CORRESPONDENCE BETWEEN VASILY ROZANOV AND PYOTR PERTSOV)

### Abstract

This article is about the two-volume scholarly edition of the complete correspondence (499 letters) between Vasily V. Rozanov, a popular if controversial essayist and philosopher, and Pyotr P. Pertsov, a compiler, editor, and publisher of Rozanov's four early books, which paved the road to Rozanov's fame. The edition was prepared by Yelena I. Goncharova and Olga L. Fetisenko of the Institute of Russian Literature (St. Petersburg) and published by the Pushkin House Publishers in the series *Russian Conversations* in 2023. This publication of Rozanov's largest correspondence is an important contribution to the research of his epistolary heritage and of the entire Russian culture of the late 19th and early 20th centuries. Pertsov was not a famous person but a widely educated and independent critic, journalist, publisher, and thinker, who had his own opinion on all contemporary issues. His letters provide a "counterpoint" addition and often a friendly critical "correction" to the ideas of Rozanov, whose letters demonstrate all the brilliance of his boundless imagination and his daring, sometimes even shocking literary passages. The letters cover all the major phases of the creative paths of the two correspondents. This article also sheds light on various aspects of the literary life and ideological issues associated with the two Russian revolutions and demonstrates how these two political events affected the views of the corresponding writers. Although parts of these numerous letters have already appeared in different publications, this work is the first complete and thoroughly annotated edition that presents the epistolary legacies of Rozanov and Pertsov both within the context of the correspondents' entire creative work and of the literary and philosophical thought of the Russian Silver Age.

*Keywords:* Vasily V. Rozanov, Pyotr P. Pertsov, literature, correspondence, epistolary genre, letters, Christianity, Church, sex, family, anti-Christian, Symbolism, Decadent movement, new religious consciousness, Russian revolution

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-76-107

*...Вам нельзя писать ни критики, ни о критике, а нужно давать художественные «фуги» или «боевые рапсодии».*

П. П. Перцов<sup>2</sup>

**П**убликации полного научного издания переписки В. В. Розанова и П. П. Перцова, подготовленного Издательством «Пушкинский дом» в серии «Русские беседы», давно с нетерпением ожидали не только специалисты по русской литературе конца XIX и начала XX в., но и многие читатели, интересующиеся отечественной литературно-философской мыслью Серебряного века. Даже из опубликованных прежде фрагментов переписки Розанова с Перцовым было видно, что эти яркие письма относятся к лучшим образцам эпистолярного жанра. До выхода в свет данного полного издания переписка с Перцовым, уникальная в своем роде как по глубине мысли, так и по литературной выразительности, представляла собой самую большую лауну в творческом наследии В. В. Розанова, популярного философа-эссеиста, критика, историка культуры и публициста, чьи сочинения и письма активно публиковались на протяжении последних десятилетий.

Личность и творческие заслуги литературного критика, мыслителя, поэта, издателя П. П. Перцова менее известны, хотя он играл важную роль в литературных процессах начала XX в. и многие, в том числе и Розанов, отзывались о нем как о талантливом писателе и умном, благородном человеке. Замечательные «Литературные воспоминания» Перцова являются настольной книгой у каждого специалиста по эпохе символизма и всей русской литературе рубежа XIX и XX вв. Но по-настоящему читателям еще предстоит познакомиться с творческим наследием этого вдумчивого критика и самобытного мыслителя, и публикация переписки может стать важным толчком к росту интереса к творчеству Перцова. Приоткрытые в переписке историко-философские идеи так и не достроенной философской «системы» Перцова придают образу этого незаслуженно полузабытого литературного критика и публициста черты несколько загадочной, но глубокой и разносторонне одаренной личности. На фоне достаточно известного круга идей блиставшего парадоксами Розанова, возможно, именно оригинальные суждения часто полемизировавшего с ним, но незаслуженно обойденного вниманием потомков П. П. Перцова могут стать настоящим открытием этого издания. Наконец, диалог двух больших и самостоятельных литературных умов позволит

---

<sup>2</sup> [Т. I, с. 403].

глубже и конкретнее осветить насыщенную культурными событиями пред-революционную эпоху.

В контекст эпохи органично вводит читателя обстоятельная, охватывающая все стороны отношений и творческих биографий корреспондентов вступительная статья Е. И. Гончаровой. Тщательно выверенные опытными специалистами Института русской литературы тексты писем, подробные комментарии, опирающиеся на исследование огромного количества архивных материалов, всевозможные указатели и тщательно выверенные библиографические справки значительно облегчают восприятие публикуемой переписки. Детальные, но не отклоняющиеся от существа переписки комментарии образуют с содержанием писем единое целое, значительно расширяя и углубляя горизонты охвата литературных и философских тем.

Переписка выпущена Издательством «Пушкинский Дом» в серии «Русские беседы», которую отличает оригинальный, удобный в пользовании квадратный формат и собственный издательский стиль: исчерпывающая полнота корпуса писем, строго продуманный и научно обоснованный подход к текстологии, тщательно составленный и максимально детальный комментарий к изданию, а также обширный справочный аппарат для удобства читателей. Можно без преувеличения сказать, что книги этой серии не только относятся к числу лучших творений издательства, но и устанавливают своего рода «золотой стандарт» современного научного издания для отечественного литературоведения.

По мере того как остается всё меньше лакун в эпистолярной истории русской словесности, с каждым годом активного издания переписок выдающихся писателей истощаются и нетронутые архивные залежи бесценных писем. Восторженные отзывы Розанова о своем любимом жанре частных писем в новом издании, как и прежде, словно предвосхищают неизбежное истощение неизведанных фондов литературы и прочих гуманитарных сфер, которое неотвратимо грядет, ввиду того что литературные архивы уже не столь интенсивно пополняются письмами в нашу эпоху под натиском электронной почты, смартфонов и прочих гаджетов, убивших эту полную обаяния и интимности сферу человеческого общения. Подобно тому как Розанов сокрушался в «Уединенном» относительно предчувствуемого им конца литературного сочинительства, так и мы сегодня становимся свидетелями происходящего на наших глазах заката традиционного эпистолярного жанра. На протяжении нескольких веков развития русской культуры письма служили одним из основных способов интимного, личного общения и вследствие этого стали позже одним из главных источников сведений о конкретных личностях и о той или иной исторической эпохе. Переписка

Розанова и Перцова — один из последних столь объемистых и содержательно значимых эпистолярных массивов раскованной мысли и пиршества стилистического разнообразия, которые становятся доступными каждому.

Не случайно Е. И. Гончарова взяла эпиграфом к своей вступительной статье к изданию одно из изречений В. В. Розанова по поводу красоты частных писем, хотя уже в этом высказывании сам писатель — и это еще на рубеже XIX и XX веков! — сетует, что эпоха частных писем отошла в прошлое.

Переписка Розанова с Перцовым, которая продолжалась более двадцати лет — с 1896 по 1918 год, — огромна: она состоит из 499 писем (из них Розанову принадлежат 232 письма). Это двухтомное издание имеет большую ценность не только как свод важнейших свидетельств по истории отечественной литературы и творческой мысли, но и с эстетической стороны — как выразительный документ яркой и богатой в творческом отношении переходной эпохи рубежа XIX и XX вв., получившей название русского Серебряного века. Розанов давно уже заработал репутацию признанного мастера эпистолярного жанра, да и вообще его теперь зачисляют чуть ли не в классики отечественной словесности. Казалось бы, эти письма далеко не равновеликих современников не могут представлять такого интереса, как, скажем, переписка того же Розанова с более именитыми собеседниками вроде Константина Леонтьева или отца Павла Флоренского.

Однако читатель быстро поймет, что письма Перцова также имеют большую самостоятельную ценность. Как подчеркивает Е. И. Гончарова, они не только не уступают розановским ни по стилистической яркости, ни по глубине и оригинальности мысли, но и во многом «открывают» и вводят в читательский обиход имя еще одного талантливого, яркого писателя и глубокого мыслителя, пока еще недостаточно известного широкой публике. Сам Перцов признавал, что, вероятно, это лучшие его письма. Нет сомнения, что общение со сложной, противоречивой, но открытой нараспашку душой парадоксалиста Розанова поспособствовало раскрытию тайников внутренней жизни довольно закрытой и сдержанной натуры Перцова. Одной из интересных особенностей этого издания является то, что по мере знакомства с письмами и упоминаемыми в них произведениями Перцова бледный и не вполне понятный образ многолетнего корреспондента Розанова как человека и писателя наполняется конкретным содержанием, обретает видимые, понятные очертания.

Розанов, не жалеющий для поощрения творчества друга хвалебных слов, не раз отмечал, что в письмах Перцов предстает перед читателем намного раскованнее и ярче, нежели в статьях, где он выглядит сдержаннее и «тусклее», так как слишком озабочен формой изложения и скован покло-



нами редактором. Розанов предполагал подготовить избранные письма Перцова к изданию, снабдив их примечаниями, в своей знаменитой ныне эпистолярной серии «Литературные изгнанники», однако не успел этого сделать.

Не будет преувеличением заметить, что в познавательном отношении это двухтомное издание превосходит самые смелые ожидания. Даже специалисты, вне всякого сомнения, найдут в этом двухтомнике много для себя нового и полезного. Что же касается обычного читателя, то комментарии выполнены с такой скрупулезностью и глубиной охвата, что с их помощью перед каждым погружившимся в чтение этой переписки словно разворачивается подробный и яркий рассказ о событиях и проблемах жизни и творчества, затронутых в письмах. А любой осведомленный в теме быстро оценит, какой огромный труд стоит за этим изданием, какую массу материала пришлось «перелопатить» издателям переписки, какое количество неизведанных архивных материалов было изучено и ненавязчиво вводится здесь в научный оборот.

Во вступительной статье прослеживаются и осмысляются все основные этапы совместного творческого пути писателей: отход Розанова от консерватизма, феномен «декадентства» и символизма в русской литературе, идеи «нового религиозного сознания», деятельность Религиозно-философских собраний 1901—1903 гг., журнал «Новый путь», который возник как печатный орган этих собраний и в котором Перцов и Розанов играли очень важную роль. Подробно освещена литературная и общественная жизнь рубежа XIX и XX вв., наложившая заметный отпечаток на отношения корреспондентов.

Фрагменты этого огромного корпуса писем уже появлялись в печати [Налепин, Померанская; 1900 год; Воспоминатели мгновений], но, впервые публикуемые в такой целостности и с такими подробными комментариями, они представляют собой количественно и качественно новый этап в освоении эпистолярного наследия В. В. Розанова и П. П. Перцова.

\* \* \*

Розанов и Перцов познакомились в конце 1896 г. Очень симптоматично, что поводом для знакомства стала очередная статья Розанова, посвященная памяти его старшего друга и наставника — умершего в январе литературного критика и философа Н. Н. Страхова.

Перцов познакомился со Страховым незадолго до его кончины и бывал у него лишь раза три-четыре. Последний раз, как мы узнаем из комментариев, он был у Страхова за четыре дня до кончины, то есть около 20 января 1896 г. Этот почтенный философ и литературный критик, обстановка квартиры которого напоминала монашескую келью, был Перцову интересен

прежде всего тем, что знал толк и в философии, и в поэзии. Они обсуждали составленный Перцовым сборник «Философские течения русской поэзии» (1896), который готовился к изданию. Подобранные Перцовым стихи философского содержания сопровождались наиболее ценными, по вкусу составителя, статьями об этих поэтах. В следующий свой приход Перцов обещал принести вышедшую книгу, не предполагая, что это их последняя встреча, хотя Страхов и испытывал уже недомогание. Перцов сетовал после выхода книги, что Страхов был как раз тем единственным человеком, от которого «можно было ожидать о ней веского слова» [Перцов 2002, с. 161].

Неожиданная для Перцова кончина Страхова произвела на молодого литератора большое впечатление. А прочтя в ноябре прочувствованную статью-некролог Розанова, Перцов решился отправить ее автору письмо с изъявлением уважения к личности покойного и пожеланием познакомиться с самым близким Страхову человеком. Так началась их переписка и завязалось личное знакомство...

Перцов писал о Страхове как о дорогом ему человеке, благородном писателе религиозного по своей сути «служения». Страхова Перцов особенно ценил за сочетание литературного и философского ума. Привлекал он его и тем, что придерживался традиционных, но всё же умеренно консервативных политических взглядов. Розанов вспоминал позже, что их соединили с Перцовым интерес к «огромным умственным богатствам» Н. Н. Страхова и сострадание к нему как «неоцененному и непризнанному писателю» [Розанов 2014, с. 694]. Имя Страхова, связавшего Розанова с Перцовым, часто встречается и на последующих страницах переписки.

Перцов признавался в этом первом письме и в симпатии к сочинениям самого Розанова. Розанов, выйдя из-под опеки Страхова, проходил тогда период кризиса консервативно-славянофильских воззрений, и именно Перцов, «этот деликатный, начинающий писатель, почти либерал» [Розанов 2014, с. 694], но со «славянофильским» оттенком, сгладил крайности консервативного радикализма ставшего его постоянным собеседником Розанова своим дружелюбием и вниманием к его внутреннему миру. Как признает сам Розанов, Перцову было суждено сыграть важнейшую роль в его переходе от «ultra-консервативных» литературных увлечений раннего периода к новым знакомствам и неизведанным темам.

Тем временем Розанов, еще недавно обличавший «декадентов» как «сатанаилов», неожиданно даже для себя самого в этот период целиком погрузился в освоение новой и табуированной тогда темы взаимосвязи пола и религии. С изменившимися темами были, конечно, неразрывно связаны и его новые увлечения — Древний Египет и нумизматика. Перцов, который

в основном провел 1897 и 1898 гг. в Италии, содействовал развитию этих интересов Розанова, откликаясь на его увлеченные письма и приобретая для него монеты и фотографии исторических реликвий.

Перцов признавал, что «настоящий» Розанов начинается с этих его новых тем и увлечений: «Как ни ценить Ваши взгляды теперь, но всякий скажет, что Розанов нашел себя вполне только после „бегства в Египет“» [Т. I, с. 264], имея в виду, что именно поворот к язычеству, характерному для Древнего Египта, представляет нам «настоящего» Розанова. Но, как скоро выяснится, к крайностям сексуальной «египтологии» Розанова Перцов относился весьма критически.

Большую часть 1897–1898 гг. Перцов изучал в Италии искусство и архитектуру, и их более близкое знакомство с Розановым на раннем этапе происходило главным образом с помощью переписки. Из дошедших до нас писем Розанова видно, как быстро нарастало его увлечение Древним Египтом и ветхозаветным Израилем.

А вернувшись из Италии, Перцов был поражен, насколько изменились за это время взгляды недавнего консерватора Розанова. Это избавление Розанова от охранительного радикализма еще больше сблизило его с Перцовым, который стал как бы посредником в его сближении с символистами круга Мережковского и «декадентами» «Мира искусства». Роль Перцова в этом процессе трудно переоценить.

Уже к концу века процесс радикальной перемены воззрений Розанова близился к завершению. Переполняемый новыми идеями, Розанов писал Перцову в феврале 1899 г.: «Я еще в поиске глаголов, как всё это выразить. Мне нужно слов, слов и слов, а мысли — все в кармане» [Т. I, с. 339].

Розанов высказывает в переписке с Перцовым свои «фаллические» идеи с присущей ему открытостью, а иногда и с шокирующей, необычной даже для него смелостью. Особенность данного издания в том, что эти идеи тут же, под одной обложкой, получают весьма оригинальные, а нередко иронические и резкие оценки в письмах Перцова. Этот менее известный и, вероятно, уступающий Розанову по таланту «собеседник» отличается крепким, самостоятельным умом и неизменно высказывает по всем вопросам собственное, часто весьма оригинальное мнение. Их оживленная переписка представляет собой, можно сказать, многолетнюю непрекращающуюся дискуссию по самым разным проблемам литературы, философии, религии, политики, личных отношений. Именно письма Перцова благодаря обезоруживающей правдивости, остроумию и здравому смыслу их автора придают дополнительный оттенок драматической остроты и психологической глубины всей переписке. Но и пульсирующие энергией, живые и зажигательные,

остро провокативные мысли Розанова получают в этом бурном многолетнем собеседовании дополнительные импульсы. Всевозможные нюансы этих литературных дискуссий и идейных полемик акцентированно освещены во вступительной статье и подробных, тщательно проработанных комментариях к изданию, которые, конечно, изрядно помогут читателю понять суть жарких споров корреспондентов и всей их своеобразной дружбы.

Если Розанов склонен к не знающей удержу дружеской фамильярности и панибратству в отношениях, то Перцов более всего ценит свою личную самостоятельность и держит дистанцию, оберегая независимость своих суждений. Он бывает строг и вежливо отстранен, а иногда и капризен. Нередко он прямо в лицо говорит неприятные вещи, сохраняя дружеский тон, а порой и сдабривая свои колкости изрядной долей иронии. При этом сам Перцов очень чувствителен к критике и склонен обижаться по малозначительным поводам. Обычно он достаточно широк и покладист до определенной черты, но когда дело касается принципиальных для него вопросов, он становится упрямым до непоколебимости.

Розанов, привыкший не слишком деликатничать со своими знакомыми и тем более друзьями, не раз своей бесцеремонностью обижал Перцова. Однако и сам он претерпел от Перцова, бдительно охранявшего от посягательств свое «я», немало обид. Такова была эта своеобразная дружба двух писателей, испытанная многочисленными спорами, размолвками и даже ссорами, обусловленными особенностями их характеров и превратностями их судеб.

Перцов, старавшийся всегда держаться независимо и на равных, розановской религии тела рано начал противопоставлять в письмах наброски собственной метафизики, над которой он начал размышлять в 1897 г. Выступая в печати обычно как публицист или литературный критик, Перцов всегда ощущал себя прежде всего *мыслителем*, и это важный момент, без учета которого невозможно понять его личность и многие особенности отношений с Розановым. Религиозно-философская система Перцова, которую он называл в те годы «Параболой» или «фугой», а позже — «Диалогией или «Космономией» и которую можно отнести к разновидности «нового христианства», играет в переписке внешне не очень заметную, но существенную роль.

Зафиксированные в письмах отношения Розанова и Перцова продолжались около 22 лет, однако ветви «параболы» этой «великой и прекрасной» дружбы были далеки от идиллической бесконфликтности или прекраснодушного бытовизма. «Диалектические беседы» [Т. I, с. 304] двух писателей философского склада очень часто осложнялись спорами и даже ссорами,

но эти размолвки не могли разрушить их взаимной дружеской привязанности. Более того, открытость и эмоциональность, составляющие неотъемлемое достоинство эпистолярного жанра, придают этому обмену мнениями частных лиц характер важных исторических дискуссий. Там, где корреспонденты ограничиваются лишь краткими намеками, на помощь читателю приходят подробные комментарии, ненавязчиво помогающие понять детали и воссоздать целостную картину того или иного исторического события.

В полемической заостренности писем сказалось как различие характеров и вкусов Розанова и Перцова, так и сложная, переменчивая общественно-политическая обстановка эпохи, в которой проходила эта переписка. Однако спустя некоторое время разногласия ослабевали, дружеские чувства брали верх и обиды стихали, а переписка снова набирала ход. По письмам видно, что корреспонденты очень симпатизировали друг другу и, несмотря на серьезные расхождения во взглядах, вкусах и темпераментах, их многое объединяло, влекло к общению.

Существенная черта обоих, явно способствовавшая сближению Розанова с Перцовым, — аналитический, философский склад ума, позволяющий им не только разбирать конкретные литературные или исторические вопросы, но и вскрывать метафизические «корни» интересующих их проблем. Одной из причин, по которым Розанов и Перцов тяготели друг к другу, несмотря на индивидуальные различия, была склонность к философии, даже философской метафизике. Перцов как-то заметил в одном из писем, что философия была важным связующим звеном в их отношениях: «Да, кроме того, оба мы — „философы“, и как-то этой метафизической близости я ни с кем не чувствую, кроме Вас» [Т. II, с. 405].

Розанов писал в редакцию «Мира искусства» в 1900 г., защищая Перцова от нападок М. О. Меньшикова, обидевшегося за критику Л. Н. Толстого и толстовцев: «Сколько я постигаю способности г. Перцова, он критик-конструкционист, его более всего занимают конструкции всемирной истории...» [Розанов 2014, с. 694]. Это конструктивное начало составляет одну из неотъемлемых черт творческой личности Перцова. Розанов быстро понял, что вообще за весьма скромной литературно-критической деятельностью Перцова кроется основательная философская подготовка и глубокий, склонный к метафизике и религиозности аналитический ум.

Из этого несколько отвлеченного склада личности, тяготения к обобщающим теоретическим построениям из жизни народов, цивилизаций, общественных движений вытекает, по мнению Розанова, живой интерес Перцова к таким сродным умам, как Н. Я. Данилевский и Д. С. Мережковский. Нельзя не добавить сюда еще и интерес Перцова к идеям о «триедином процессе

развития» К. Н. Леонтьева. Перцов даже опасался, что Леонтьев «чуть не похитил» у него из-под носа (то есть приоткрыл ранее) заветную идею его «Параболы» в своей теории триединого процесса [Т. I, с. 264]. О близости «исторической философии (или, наоборот, философической истории)» [Т. I, с. 209] «конструкциониста» Перцова с историософскими идеями Н. Я. Данилевского говорит, например, идея «славянского синтеза», которую они оба разделяли. Поддерживает Перцов и выдвинутую Данилевским геополитическую мысль о Константинополе как будущем центре восточнохристианского союза. В то же время взгляды Перцова несравненно либеральнее, чем воззрения автора «России и Европы». Подтверждением этому в переписке является блестящая отповедь Розанова, пристыдившего Перцова за положительное упоминание «пошлого» дарвинизма в статье, посвященной юбилею кончины друга Данилевского Страхова (1916).

Правда, прямое сходство с самим Розановым как мыслителем Перцов отрицал, скромно отзываясь в письме к С. Н. Дурылину об умозрительных построениях своего историософского труда: «Вообще мой духовный тип совсем не розановский, и „жизни“ Вы у меня не найдете. Только „схемы“ и „схемы“, вне-жизненные и сверх-жизненные...» [Резниченко, с. 76].

Розанов тоже признавал, что философские воззрения, выражаемые Перцовым в «Параболе», имеют мало общего с его идеями о связи пола и религии: «Вы с „фугой“ и я „с Египтом“» — трубим каждый в свою „живогласную трубу“, и от этого нам действительно трудненько понимать друг друга» [Т. I, с. 246].

Однако Перцов находил нечто общее со своими идеями в розановском «органицизме» и выраженной в книге «О понимании» идее «потенциальности» (у Перцова — «потенция энергизма» [Т. II, с. 165]).

\* \* \*

В августе 1898 г. Перцов, высоко ценивший Розанова как писателя и уже имевший издательский опыт, принимает очень важное решение об издании сборника статей Розанова. Задумывая это издание, Перцов, как и в прежних своих издательских предприятиях, не преследовал коммерческих целей, хотя его средства, полученные благодаря наследству, и не были велики. Однако Перцов взялся издавать Розанова и не из-за возникших у них приятельских отношений. Тут преобладали идейные причины, и прежде всего мотив высокого «служения»: Перцов был уверен, что привносит тем самым вклад в развитие отечественной литературы. Восхищаясь литературным талантом Розанова, он писал ему в 1897 г. из Италии: «Ах, какой вы удивительный писатель! (...) в одной России возможны теперь такие писа-

тели» [Т. I, с. 159]. А в своих воспоминаниях Перцов прямо заявлял, что считал Розанова «гениальным человеком» [Перцов 2002, с. 263]. Перцов ценил Розанова не только как писателя, но и как религиозного человека, остро ощущающего таинственную взаимосвязь «с мирами иными». Важную роль сыграл во взаимном тяготении и «русофильский» настрой обоих, хотя у Розанова эти настроения как раз пошли на спад, а Перцова всегда отличала рассудительная умеренность.

Как бы то ни было, важно подчеркнуть, что именно из присущего ему благородного идеализма, а не из каких-либо коммерческих расчетов Перцов, отложив собственные творческие дела, вызвался издать сначала один, а потом и еще три сборника статей Розанова, до тех пор разбросанных по периодической печати.

Но даже приняв решение об издании книг Розанова, Перцов позволял себе во многом не соглашаться с ним. Споря с Розановым, Перцов излагает в письмах собственное понимание христианства и прямо выражает нежелание включать некоторые антихристианские статьи Розанова в издаваемые им сборники: «Непонятно, как Вы не видите, что Вы и христианство имеют *одних и тех же врагов — людей безрелигиозных* (коих ныне легион). (...) ведь каждый Ваш удар против христианства есть грех перед Отцом нашим (...) Ну, теперь Вы поймете, почему я многие Ваши статьи с полемикой против Христа в сборник не пушу: пусть их кто-нибудь другой издает» [Т. I, с. 314].

Читатель переписки узнает много новых подробностей о содержании книг Розанова «Сумерки просвещения» (1899), «Религия и культура» (1899), «Литературные очерки» (1899), «Природа и история» (1900), а также об истории их издания П. П. Перцовым в соработничестве с автором. После выхода в свет этих книг Розанов был несказанно счастлив: благодаря Перцову он вступал в новый век уже не начинающим литератором с неясным профилем и к тому же довольно скандальной репутацией, но серьезным, состоявшимся писателем и мыслителем, имеющим собственное лицо.

Однако отношения Розанова и Перцова складывались непросто. Любопытный эпизод произошел, например, в марте 1899 г. Розанов, страстно желая хоть чем-то отблагодарить своего друга, столько для него сделавшего, организовал для него, казалось бы, интересную литературную работу — разбор для газеты сочинения о Пушкине немецкого критика К. А. Фарнхагена-фон-Энзе [Т. I, с. 346]. Перцову, не раз писавшему о Пушкине, такая работа должна бы пришлась по душе, однако он отказывается от нее чуть ли не со словами упрека: «Мое „Я“ для вас вовсе неясно...» [Т. II, с. 349]. И добавляет капризно, хотя и прозорливо, что Розанов из-за «глубокого индивидуализма» не способен «схватывать чужую индивидуальность».

Постепенно Розанову откроется тайна отказа: уже в эти годы Перцов пребывал в сфере захвативших его «теоретических волнений» [Т. I, с. 239] — он занят на досуге обдумыванием своего главного, большого историсофского труда. Это выглядит очень по-русски, и если учесть, что это главное творение его жизни так и не будет никогда завершено, то эпизод еще раз говорит о том, что Перцов был, подобно Розанову, далеким от практичности мечтателем-идеалистом, но на свой, особый лад.

Розанов, надо полагать, был таким ответом на заботу обижен, но вида не подал. «Норовистый» Перцов с самого начала старался показать свою независимость и самостоятельность решений, и Розанову приходилось это принять, тем более что работа над изданием его сочинений была в самом разгаре.

Позже, в 1916 г., Розанов так сформулировал этот выработанный с годами примирительный подход к их постоянным спорам с Перцовым: «У всякого человека свой упор души. У всякого свои путь и судьбы. И мы не должны впадать „в чужие пути“, я — „в Ваши“, Вы — „в мои“» [Т. II, с. 557].

А Перцов в 1899 г., когда книги Розанова стали приобретать уже четкие очертания, выступил вдруг с резкой критикой издаваемого им автора. Статья «Эквилибристика Розанова», опубликованная в «Русском труде» [Перцов 1899, с. 5–7] была вызвана недовольством Перцова тем, что Розанов «загипнотизирован „изысканиями вокруг Фаллуса“» [Т. I, с. 506] и к тому же опубликовал эту «софистику» в имевшем сомнительную репутацию «Гражданине» князя Мещерского. Правда, Розанова Перцов предупредил заранее: «Думаю обругать Вас хорошенько в „Русском труде“» [Т. I, с. 506]. Впрочем, Розанов и к этой статье, где Перцов обвинял его в «эротоманстве», отнесся без большой обиды — издание Перцовым сочинений Розанова прекрывало все расхождения.

Но мало того: Перцов, редактируя сборник статей Розанова, не особенно с ним церемонился — например, выкинул статьи Розанова с нападка на славянофилов: мол, весь сборник был *за* славянофилов и получается, что эти статьи — аргументы против себя.

Всё же совместная работа над изданиями этих книг, само собой, очень способствовала развитию дружбы между Розановым и Перцовым. Их переписка в 1898–1900 г. получилась особенно объемистой и, что немаловажно, чрезвычайно содержательной, так как в ней значительное место занимает конкретное обсуждение произведений раннего Розанова с точки зрения их ценности для включения в издание. Получилось так, что благородство и бескорыстие Перцова с особой наглядностью проявились в предпринятом



им издании сочинений Розанова, и этот факт наложил отпечаток на все их дальнейшие отношения, сглаживая противоречия и взаимные обиды.

\* \* \*

В отношениях Розанова и Перцова было много неожиданных коллизий и крутых поворотов. Размеры рецензии, конечно, не позволяют рассмотреть их все в подробностях. Остановимся кратко хотя бы на некоторых из них.

Так, в начале 1900 г., завершив подготовку к выпуску всех четырех запланированных им книг Розанова, Перцов узнает, что А. С. Суворин предложил Розанову издать второй том сборника «Религия и культура». Предполагалось, что в этот том войдут последние сочинения Розанова на тему пола, привлекая к себе внимание. Перцов соглашается редактировать этот том, но при этом весьма категорично велит автору «слушаться его беспрекословно» [Т. I, с. 529], так как считает, что сам Розанов в редакторы не годится и составленный им предварительный список будущего тома нуждается в корректировке. «Вы ужасно „субъективны“ и просто не подозреваете ансамбля постороннего впечатления. И поэтому слушайте!» [Т. I, с. 529]. Перцову еще кажется, будто стихийным Розановым можно управлять и он способен на послушание.

Однако через месяц происходит неожиданное. Нет, не Розанов не пожелал «слушаться», как можно было ожидать, а резко изменилось настроение самого Перцова. Он вдруг отказывается от участия в подготовке нового, пятого по счету сборника статей Розанова, всецело погрузившегося в тему религии и пола. Перцов сообщает, что вынужден дать отказ, так как не учел возникшее у него «ощущение некоей пресыщенности» [Т. I, с. 544] вследствие всепоглощающего увлечения Розанова «брачными арабесками».

Можно представить себе огорчение Розанова после отказа Перцова продолжить издание сочинений друга, но их дружбы это не нарушило. Все-таки Розанов был Перцову искренне благодарен за самоотверженный труд и бескорыстную финансовую помощь, ибо желание практичного Суворина участвовать в издании показывало, что подготовленные и изданные Перцовым четыре книги Розанова «пробили дорожку» [Т. I, с. 528] к читателю и его творчество становилось «ходким» товаром.

Розанов, увлеченно осваивая полузапретную тему, настаивал на том, что он остается в пределах христианства и даже, доказывая религиозную чистоту пола, по-своему проповедует христианское целомудрие: «Тут нужно понять, что возводя coitus и genitalia к теизму — я и начинаю, первый в христианстве начинаю половое целомудрие...» [Т. I, с. 238].

Вообще Перцов терпимо и с пониманием относился к религиозно-философским исканиям Розанова. Издатель сочинений одержимого новой темой Розанова глубоко проник в суть его антихристианского религиозного бунта уже в 1898 г., еще до того, как недавний славянофил неожиданно для многих широко развернулся с этой темой в печати. Перцов признавал правоту «первооткрывателя» в том, что пол действительно ноуменален, а тело божественно, но считал религию пола Розанова односторонностью, полуправдой: «Вы правы: конечно, тело — божественно; конечно, *coitus* ноуменален и есть соприкосновение мирам иным...» [Там же, с. 256].

Однако выяснилось, что радикальный поворот Розанова от христианства в сторону сексуализации религии всё же совершенно не устраивал Перцова ни с философской, ни с религиозной точки зрения.

Свой непримиримый спор с христианством и церковью, «многолетнее переступание на почву язычества — юдаизма», поиски в сфере пола Розанов воспринимает в свете своей семейной истории как «спор семейного *религиозного* человека» на почве «почему-то неулаженной семьи» [Т. II, с. 365—366]. По мнению Перцова, религия пола, которую исповедует Розанов, «отвечает раннему обществу людей — детей...» [Т. I, с. 267].

Перцов глубоко проникает в суть антихристианского религиозного бунта Розанова и довольно терпимо относится к его идеям. Однако розановской религии тела, которой Розанов пытался придать универсальное значение, Перцов противопоставляет собственную метафизику, которая представляет собой разновидность «нового христианства», и приводит для наглядности чертежи «земной параболы» с направлением Христа и направлением антихриста, а также парабол будущих миров красоты и истины с развитием от «волевого» мира Бога Отца к религии Бога Сына и Св. Духа.

Перцов считает, что Розанов стоит перед неразрешимой и мучительной «антиномией тела и духа» и остро, как, может быть, никто другой, ощущает, что «мир удалился от Бога». Главную причину Перцов видит не в недостатках земного христианства, которые он тоже признает, как и Розанов, а в забвении Бога [Т. I, с. 313], из чего вытекает и потеря семьи как религии. В этом Перцов отчасти совпадает с Розановым. Однако он выражает веру, что эта «эпоха напряжения *демонизма*» стихнет и человек снова ощутит Бога «живым касанием» [Т. I, с. 312].

Перцов так обобщает свою точку зрения на новое религиозное учение Розанова: «Настоящее заглавие (...) всего строя Ваших идей, развернутого во всю ширь его, — „*Религия тела*“ или „Телесное откровение Бога“» [Т. I, с. 267].

На основе умозаключения о том, что проповедь Розанова религиозна и направлена против Христа, Перцов делает логичный и почти шуточный,

но все-таки обличительный вывод: «Вы — один из предшественников Антихриста (пожалуйста не обижайтесь!)». И далее Перцов в характерной для него дружелюбно-язвительной манере живописует свою фантазию из будущего, как в каком-нибудь «антихристовом Риме» «новый М(икель-Анджело)» распишет новую Сикстинскую капеллу и, «конечно, поместит он в люнетах ее портрет Вас. Вас. Розанова с арабеском из цифры 666 вокруг» [Т. I, с. 255–256].

Описывая позже в «Воспоминаниях о В. Розанове» нашумевший инцидент с падением Розанова со стула на лекции Соловьева об антихристе в 1900 г., Перцов применяет близкое к использованному в письме выражение, называя Розанова «нашим доморощенным антихристом» [Перцов 2002, с. 349].

Перцов замечает, что, нападая на христианство, Розанов не окончательно порвал со Христом: «...Вы, штурмуя христианство, смущаетесь упреком Христу» [Т. I, с. 255]. В этом противоречии Перцов то видит серьезный недостаток идей Розанова и советует убрать остатки симпатий к христианству из его учения ради последовательности, то сам отстаивает перед ним Христа и христианство.

Так, в 1903 г., в период «Нового пути» и Религиозно-философских собраний, в наивысшей, пожалуй, точке разработки Розановым его сексуальной философии, Перцов, разделяя многое в критике «номинализма» официального христианства, продолжал защищать Христа и его учение: «Конечно, дрянно, т. е. *дряхло* стало в христианстве. Но Сын-то Человеческий тут при чем? Он ведь и *еще* придет — с Ним не кончено. (...) Сын Человеческий вечен, а с религией его неблагоприятно до очевидности» [Т. II, с. 47–48].

Перцов считает, что и Розанов, нападая на христианство, по-прежнему любит Христа. Этим он объясняет религиозные колебания Розанова в разные периоды жизни. Духовная противоречивость мыслителя сказывалась даже в периоды его страстного увлечения темой пола. Так, Розанов писал в 1910 г.: «Да ведь вот и я всё пишу о „чувственности“: а на деле-то всегда любил духовную красоту, ее solo — и чтобы „с грустным оттенком“. Верно, Христа „ни постом, ни крестом“» — сидит в нас — да и только» [Т. II, с. 299]. Читатель найдет в переписке разных лет множество размышлений обоих корреспондентов на религиозные темы.

\* \* \*

Не будет лишним еще раз подчеркнуть, что литературные судьбы двух участников переписки складывались очень по-разному. Розанова, несмотря на всю противоречивость и переменчивость его суждений и пережитые им

в некоторые периоды жизни бытовые трудности, можно считать «баловнем судьбы» — его все-таки рано признали писателем более чем успешным. Правда, в его известности немалую роль играли связанные с его именем скандалы, вызванные сначала консервативными крайностями, а потом «неприличными» темами, однако и его выдающийся литературный талант никто не отрицал. А начавшееся в 1899 г. многолетнее постоянное сотрудничество в «Новом времени» после нескольких лет нужды и поденщины сделало Розанова вполне обеспеченным и известным всей стране публицистом. В наши дни, после десятилетий полного забвения, Розанов стал одним из самых читаемых и издаваемых писателей и мыслителей. Издано собрание сочинений Розанова в 30 томах, начато издание полного собрания сочинений...

Впрочем, о биографии и своеобразных чертах творчества Розанова нет нужды здесь подробно распространяться — о нем за последние десятилетия составилась уже довольно большая литература на разные вкусы. И каждый из тех, кто имеет пока смутное представление об этом очень необычном и ярком писателе, легко может подобрать себе источник сведений о его жизни и творчестве, в том числе даже две книги в популярной серии «Жизнь замечательных людей». Однако и тем, кто хорошо знает и любит Розанова как писателя, эта переписка доставит немало счастливых минут восторга перед незнакомыми прежде вспышками его гениального, неповторимого стиля и обогатит их познанием множества дополнительных ярких черточек к психологическому портрету писателя.

Иначе складывалась творческая биография П. П. Перцова. Продолжи он успешно начатое в 1890-е гг. сотрудничество в народническом «Русском богатстве» Н. К. Михайловского, прочившего ему в критике карьеру Белинского, он наверняка стал бы преуспевающим и щедро издаваемым литератором доминировавшей в идейной жизни предреволюционного общества оппозиционной группировки проповедников «гражданственности». Однако Перцов, разочаровавшись в эстетической глухоте и безбожии утилитаристов-народников, предпочел узкий кружок далеких от политики искателей «новых путей» в литературе, философии и искусстве, получивших прозвище «декадентов» и эстетов. В 1900-е гг., когда деятельность этого кружка развернулась в привлечшие широкое внимание Религиозно-философские собрания и близкие Перцову по духу журналы «Мир искусства» и «Новый путь», он немало поспособствовал пышному расцвету русского символизма и «религиозно-философского Ренессанса». Однако Перцов всё время оставался на вторых, вспомогательных ролях, где надо было много трудиться, а слава неизменно доставалась другим — таким как Мережковский и Розанов, для которых он очень многое сделал.

Нет сомнения, что литературная судьба Перцова сложилась несправедливо и по своим талантам и знаниям он был явно достоин большего. Розанов, с его острым чутьем к несправедливым судьбам «литературных изгнанников», всячески старался помогать другу. Перипетии не слишком удачной газетной деятельности Перцова, который никак «не мог найти своего места в литературе» [Т. II, с. 294], получили подробное отражение в письмах. От неудачной судьбы во «мраке неизвестности» нарастали обиды Перцова на хлопотливую, но беспорядочную редакцию «Нового времени», забывчивую и невнимательную к второстепенным сотрудникам. Иногда часть этих обид он не вполне справедливо переносил на погруженного в собственные заботы и не слишком умелого ходатая по делам Розанова. Розанов, пытаясь помочь, говорил Перцову, что ему больше подошло бы научное исследование литературы или искусства, а не сотрудничество в газете — «изобретении Дьявола» [Т. II, с. 295]. Он объяснял, что в газетном деле нужны не глубокие философские размышления, к которым явно тяготел Перцов, а броские, фельетонного типа статьи, которые приунылся писать, например, сам Розанов.

Помимо прочего, Перцов, в отличие от Розанова, считал, что «Новое время» для него лишь «нечто промежуточное», и к тому же опасался, что «нововременство» навсегда испортит его будущую репутацию. Тем не менее обстоятельства складывались так, что ему приходилось больше сотрудничать в консервативной периодике. Но в «Новом времени», куда он снова прибился после прекращения «Мира искусства» и «Нового пути», а затем смены редакции в «Голосе Москвы», печатали его неохотно: многие статьи отвергали сразу, а принятые то забудут напечатать, то отложат и потом затеяют.

В 1910 г. после осложнений, связанных с тем, что Розанов не сумел помочь Перцову, вынужденному из-за здоровья жены находиться в Крыму, заочно наладить сотрудничество с редакцией «Нового времени», Перцов сорвал свое отчаяние из-за неудач на Розанове. Он оскорбился на какой-то «окрик» в не дошедшем до нас письме Розанова, уставшего от тяготивших его заданий Перцова, и довольно резко отчитал многолетнего друга за грубость [Т. II, с. 311]. Розанов извинился за непреднамеренную обиду, а Перцов, поостыв, писал, что «худой мир лучше доброй ссоры» [Т. II, с. 316].

А в 1915 г. Перцов пережил настоящую катастрофу: на седьмом году сотрудничества в «Новом времени» его без всякого повода и предупреждения лишили в газете постоянного жалованья. Да и к этому времени стало очевидным, что по духу он — не «нововременец» [Т. II, с. 213]. Перцов и сам осознает это, утешая себя тем, что у него «одна тема, но до нее еще не дошел черед» [Т. II, с. 213]. Он имеет, конечно, в виду свой самостоятельный

философский труд, хотя с этой главной своей темой он никуда не торопился, ожидая, что и на нее придет спрос.

Розанов всячески пытался подбодрить Перцова, побудить его к творческой работе и предостерегал от судьбы Обломова и Тентетникова: «...бойтесь судьбы гениального Тентетникова. Мы, русские, особенно любим вставать на эти рельсы, ведущие к туфлям и кровати» [Т. I, с. 150].

Перцов не обиделся: «Вы спрашиваете меня, отчего я не пишу ⟨...⟩ и предостерегаете от „судеб“ Тентетникова. Что ж, Тентетников во мне есть, конечно, как и в каждом „взаправду“ русском. Это даже национально у нас. Вот в Мережковском, напр⟨имер⟩, нет Тентетникова» [Т. I, с. 158]. Сколько ни подгонял Розанов Перцова разными ухищрениями, дело с фундаментальным историософским трактатом так и не двигалось.

Розанов раз за разом сокрушался, что Перцову недостает некоторых качеств, необходимых, чтобы «выйти из тени», достичь популярности. А главное — из-за «тенистости» и «отдаленности» из него не получается настоящего «товарища жизни», так как «у него „нет смеха и у него нет рыдания“»: «Вы *ужасно* серьезны, и это Ваше бедствие и даже просто жизненный и моральный дефект. ⟨...⟩ Таким образом, в Вас мало движения, нет будней („вверх ногами“) и нет праздника („масляницы“). ⟨...⟩ Вы всё думаете, а не живете. ⟨...⟩ Итак, труд и мышление — но где же человек? Вы ужасно похожи на Страхова...» [Т. I, с. 301–302].

«Дух» Страхова словно витает над многими страницами переписки. Но утверждение Розанова о сходстве его более молодого друга по складу личности с методичным мыслителем Страховым Перцов отвергает. Он делает любопытное аллегорическое сопоставление характеров, прибегая к оригинальной «хроматической» форме: если у Страхова преобладающий цвет — белый, впечатление «белых лучей», то у него, Перцова, всё цветное, как и у Розанова. Только нет ярко-красного, «египетского» цвета с красными лучами, «по-живому жгучими», а преобладают бледные, акварельные тона [Т. I, с. 305]. Подобных ярких, образных характеристик читатель найдет в переписке превеликое множество.

Но нечто общее со Страховым в Перцове, конечно, было. Перцов тоже пытался воспитывать Розанова, причем нередко ссылаясь на авторитет ушедшего из жизни старшего друга писателя: «Покойный Н(иколай) Н(иколаевич) потербил бы Вам ушко за эту фразу» [Т. I, с. 362]; «А в сущности, видно, Страхов оставил мне в наследство свои слезы о Вас» [Т. I, с. 395]. Можно сказать, что к Перцову сама собой перешла роль покойного наставника Розанова, делавшего Розанову похожие упреки «за отсутствием Стра-

хова»: «Нельзя выходить в залу в халате нараспашку и в туфлях без задков» [Т. II, с. 375].

Поклоннику «халатной» литературы Розанову, на вкус которого «собственно, все книги — и должны быть такие, т. е. „не причесываясь“ и „не надевая кальсон“» [Розанов 2010а, с. 217], такой ригоризм казался, конечно, слишком назидательным и скучным.

К благородному, но сдержанному Страхову Розанов испытывал как «глубоко любящее и почтительное отношение», так и тяготившее его едва сдерживаемое чувство неискоренимой дисгармонии с моральной строгостью старшего друга. Признание этого двойственного чувства вырвалось однажды у Розанова в неожиданном завершении высказывания с похвалами своему литературному опекуну: «Вот старый дуб, корни которого, ноги которого так хочется омыть, но, омыв, бежать в неизвестную даль» [Розанов 2008, с. 7]. На эту многозначительную оговорку к благостному образу Страхова не случайно, конечно, обратил внимание Перцов в воспоминаниях о Розанове [Перцов 2002, с. 261]. Розанов, утратив духовное водительство строгого Страхова, с безудержной энергией развернулся в сторону язычества и иудаизма, оставив славянофильские заветы своего ушедшего наставника.

Тот же оттенок внутренней дисгармонии при вполне дружеских отношениях незримо ощущается на протяжении всей переписки между Розановым и Перцовым. Розанов, как верно подмечает Е. И. Гончарова, постоянно подчеркивал нравственное превосходство Перцова с его «врожденным тактом любви» [Т. II, с. 350], однако ему явно не хватало в общении с «корректным» Перцовым интимности и, может быть, безудержной бесшабашности: «Эх, если бы Вы были поживее и поинтимнее. А то „корректность“ Ваша связывает язык собеседнику. Но так много хочется сказать, как нужно бы. И вы без корней в почве (...) А иногда Вас и любишь за корректность... А интимного все меньше у человека и в жизни» [Т. I, с. 605].

Но здесь вспоминается другой эпизод переписки, связанный с иным толкованием «интимности» в литературной борьбе, при котором и Перцов оказывается среди «своих». Именно в интимном Розанов видел важное начало, определяющее их расхождение с либералами типа Михайловского: «За что мы боремся? Почему „Страхов“, а не Н. К. Мих(айлов)ский? Отчего вообще такое расхождение и пылающая вражда? (...) мы воюем против погребения и против отрицания и порицания индивидуальной души человеческой (...) борется именно интимное с внешним» [Т. II, с. 363]. «Согласитесь, что Н. К. Михайловскому „интимность“ вполне не нужна, не интересна, и звучит дико и даже „некультурно“. Ему — и всем „им“» [Т. II, с. 362].

Как ни удивительно, но и закрытый, сдержанный Перцов согласился с Розановым в выявлении сути вражды с «Михайловскими»: «Бросается в глаза основное: они — „безбожники“ (...) Правда тоже, что у них нет „интимного“. Ибо, кажется, где „я“ — там и „Бог“» [Т. II, с. 373]. И это пишет Перцов, которого Розанов упрекал как раз в недостатке интимности! Впрочем, Перцов трактовал здесь «интимное» как «религиозное», а в понимании религии они с Розановым очень сильно расходились.

Хотя Перцов и признавал за Розановым большой талант, а о себе говорил со скромностью, что его «голосок (...) тоненький» [Т. I, с. 97], однако он спорил с Розановым на равных и убежденно отстаивал в полемике свои мнения. На этом «контрапункте», можно сказать, строится основная «мелодия» данной переписки.

В характере скромного и деликатного Перцова не раз проявлялась такая особенность, что он при всей своей сдержанности не стеснялся прямо говорить Розанову о его недостатках. Его критические высказывания были сдобрены изрядной долей особого перцовского юмора, граничащего с язвительностью. Порой, когда его замечания были чересчур резкими, Розанов обижался, но, видя бескорыстие Перцова и особенно помня о том, что тот сделал для него, издав его книги, он смягчался и прощал своему другу его выпады. Так во взаимных спорах, ссорах и уступках и проходило их многолетнее общение.

\* \* \*

Переписка интересна литературными «портретами», которые вырисовываются из столкновения мнений Розанова и Перцова, обычно не совпадающих, но дополняющих друг друга, а также «дорисованных» обильными комментариями. Помимо главных действующих лиц, в письмах можно найти немало интересных, обстоятельных зарисовок современников из круга их общения и острых мимолетных характеристик общезначимых исторических личностей.

Так, в корреспонденции содержатся любопытнейшие детали к характеристикам таких достаточно известных лиц, как Н. К. Михайловский, Н. Н. Страхов, Вл. С. Соловьев или Д. С. Мережковский. Но не менее интересны и ценны характеристики, данные в переписке и не столь именитым личностям — таким как И. Ф. Романов-Рцы, Б. В. Никольский, Ф. Э. Шперк, Д. П. Шестаков или А. А. Александров, а также многим другим писателям, мыслителям и политикам рубежа XIX и XX вв.

Одним из часто упоминаемых в переписке мыслителей, помимо Страхова и Мережковского, был Вл. Соловьев. Из переписки видно, что отно-



шение и Розанова, и Перцова к Вл. Соловьёву было вполне уважительным. А Зинаида Гиппиус, например, даже называла Перцова «молодым соловьевцем» и «поклонником Соловьёва» [Гиппиус, с. 102, 283].

Перцов, действительно, не раз писал об этом известном философе, да и его воспоминания «О Вл. Соловьёве» [Перцов 2002, с. 334–349] свидетельствуют о глубоком уважении к апологету философии «всеединства» и Вечной Женственности, хотя иногда прижизненные отзывы Перцова носили критический характер. Во всяком случае, ни сами воспоминания Перцова, ни его письма к Розанову не дают явных оснований называть Перцова «соловьёвцем». У него со знаменитым философом было лишь несколько деловых встреч, связанных с намерением включить статьи Соловьёва в книгу «Философские течения русской поэзии». Перцов относился к личности Соловьёва весьма скептически и считал, что подлинная дружба с Соловьёвым невозможна: даже такой сдержанный человек, как он, отмечал тот «пафос расстояния», который существовал между Соловьёвым и другими людьми. Перцов писал, что с отчужденным от людей Соловьёвым были невозможны даже отношения «товарищеского ученичества», долгие годы связывавшие его с Мережковским: «С Соловьёвым у меня не пошло дальше шапочного знакомства, и я даже не представляю себе возможности подлинной с ним дружбы» [Перцов 2002, с. 338].

После этих встреч Перцов не раз отрицательно оценивал сочинения философа. Так, 22 июля 1899 г. он писал о Соловьёве: «Я читаю теперь его полемику со Страховым о Данилевском — препротивное впечатление (...) Как понятно, что он продался Стасюлевичу из-за чечевичной похлебки либеральных успехов» [Т. I, с. 429].

Еще резче были прижизненные отзывы о Соловьёве Розанова. Однако после кончины философа Розанов отозвался о Соловьёве как о крупной утрате: «Большая потеря для ума России» [Т. I, с. 591], — хотя и признавал, что жизнь Соловьёва «была шатка» и им приходилось часто спорить. Перцов поддержал положительный общий тон статьи Розанова: «Ведь к(ак) верно именно заслуга в том, что он показал первый в России, что можно быть умным человеком и верить в Бога» [Т. I, с. 595]. Перцов одобрил покаяние Розанова в «уколах» Соловьёву и сожалел, что и сам «шпынял покойника» — «а он был все-таки „наш“» [Т. I, с. 596].

Но когда Розанов вскоре назвал Соловьёва «ложным пророком» [Т. I, с. 606], Перцов с ним не согласился, посчитав, что между ними и Соловьёвым существует более глубокая внутренняя связь: «Конечно, мы с ним в одной исторической полосе: если он — „лже“, то и мы — „лже“» [Т. I, с. 608].

В 1911 г. в прекрасной статье «О старом и новом» Перцов сравнил Соловьева с Розановым как мыслителей, отдав явное предпочтение менее авторитетному Розанову. Он показал, «насколько мышление Розанова более самостоятельно и, как всякая действительная „новизна“, более непривычно для нас, чем общий ход мысли Соловьева, несмотря на все его парадоксальные выходки» [Воспоминатели мгновений, с. 262].

Что касается Мережковского, этого влиятельного писателя эпохи символизма, с которым Розанов и в большей степени Перцов довольно долгое время, до того, как их пути окончательно разошлись, были близки, то ему в переписке уделяется, конечно, очень много внимания.

Привязанность Перцова к Мережковскому и его идеям была, естественно, более прочной, чем к Вл. Соловьеву. В 1897 г. он издал книгу Мережковского «Вечные спутники», посвященную западным писателям. Зинаида Гиппиус писала о Перцове, познакомившем их с Розановым: «Перцов вообще был первым издателем Д. С. Мережковского, как первым издателем-редактором нашего общего журнала, который стал выходить в 1901 г. (с отчетами Собраний). Перцов был наш „содеятель“. Сам, как писатель, не очень яркий, но человек с большим вкусом и большим умом» [Гиппиус, с. 291].

О своей привязанности к Мережковскому Перцов откровенно пишет Розанову из Италии в декабре 1897 г.: «Ну а известна приверженность моя к Д(митрию) С(ергеевичу) — куда он, туда и я» [Т. I, с. 154]. В. Брюсов в октябре 1898 г. после посещения Перцова записывает в дневнике: «Перцов все тот же — отражение Мережковского...» (цит. по: [Т. I, с. 161]).

Встречи кружка Мережковского, как отмечает Перцов в «Литературных воспоминаниях», чаще всего происходили в его холостяцком жилище, которое он снимал в знаменитом доме на Пушкинской. Когда к кружку присоединился Розанов, все члены кружка Мережковского и группа художников «Мира искусства» стали собираться по воскресеньям у Розановых на Шпалерной.

Розанов, который не был Мережковским очарован в такой степени, как Перцов, тем не менее писал ему в 1899 г.: «Но Д(митрий) С(ергеевич) *очень глубок* — это *бесспорно*, хотя Бог не дал ему полета в меру его сил. Он ниже летит, чем сколько есть *у него души для полета*, и это не может не чувствоваться им как трагедия личной судьбы. И затем я к(а)к человека его оч(ень) люблю» [Т. I, с. 488].

В период организации и проведения Религиозно-философских собраний и деятельности журнала «Новый путь» имена Мережковского и членов его кружка почти не сходят со страниц писем. Исследователи творчества Ме-

режковского и истории русского символизма почерпнут из этой переписки немало ценных штрихов.

Однако после революции 1905 г., когда Мережковский увлекся идеями «религиозной общности» и стал выступать в более оппозиционном духе, не только Розанов, но и Перцов отошли от него и открыто критиковали его суждения. Достаточно вспомнить слова Розанова из письма 1908 г., что письма Перцова о Мережковском, «свеже-покрашенных левых» и вообще о «леваках» — лучшее из того, что он читал на эту тему [Т. II, с. 194].

В связи с изменившимся отношением Перцова к своему бывшему миру рубежа веков следует отметить и упомянутую в комментариях заметку в серии «Литературные ракушки» [Т. I, с. 910] с отрицательной рецензией на книгу Мережковского «Большая Россия», в которой критик обвинил Мережковского в холопстве перед «уличным радикализмом» [Т. II, с. 297].

Тут к месту будет вспомнить замечательное обобщение Розанова из характеристики 1912 г., приложенной к архивным письмам Перцова, где говорится, что Перцов «умнее Мережковского» [Гончарова, с. 56; Т. II, с. 355], хотя он, в противоположность Мережковскому, бравшему славу «зубом и когтём», только служил ему, не помышляя о личном успехе и имени. Итог, по мнению Розанова, раз за разом сокрушающегося о литературной безвестности друга, был закономерный: приспособленцы и подлецы становились знаменитостями, а Перцов «„всёконечно потонул“ в мраке неизвестности и неуспеха» [Т. II, с. 207].

\* \* \*

В предисловии Е. И. Гончаровой отмечается, что в 1910-е гг. между Розановым и Перцовым произошло охлаждение, которое продолжалось около трех лет, и переписка стала более редкой, а многостраничных писем стало совсем немного. Возобновилась активная переписка в 1915 г., но на характер писем последних лет серьезное влияние оказали политические события.

В предреволюционный период политика, можно сказать, почти развела друзей по разные стороны баррикад: их мнения в эти годы окрашиваются в цвета двух разных, идейно почти противостоящих слоев предреволюционного общества. Скептические суждения тяготеющего к либерализму Перцова приземленнее и трезвее, но в отношении судьбы клонившейся к закату империи он оказался в своих пессимистических предчувствиях более прав. Перцов пророчествовал в 1915 г.: «Я не сомневаюсь в революции после войны» [Т. II, с. 448]. В дни Февральской революции Перцов всецело стоял за республику и был даже «рад перевороту» [Т. II, с. 565].

Можно согласиться с мнением дружившего с Перцовым М. В. Нестерова, который позже, уже в советское время, в одном из писем к С. Н. Дурылину отметил «неизлечимое интеллигентство» их общего друга [Нестеров, с. 287–288].

Если Розанов печалился в это трагическое время «о прекрасном Романове», который «тихо сошел с престола» [Т. II, с. 573], то Перцов без всякого уважения отзывался о царственных особах, во многом повторяя расхожие сплетни. Розанов писал Перцову: «Ваши письма с 1916 г(ода) правда ужасно огорчали меня. Особенно Н(иколай) *Гнилой* и М-те *Распутина*» [Т. II, с. 579, 590]. Розанов упрекал Перцова в рецидиве оппозиционного радикализма: «Вы превратились в Ник. Михайловского Младшего» [Т. II, с. 591].

Розанов, как известно, видел в Распутине исключительное историческое явление, своего рода воплощение своего «фаллического культа» [Т. II, с. 613] и «египетского» отношения к полу, настоящего «Аписа»: «„Гришка“ есть величайший феномен религиозной истории...» [Т. II, с. 579]. Перцов же после безудержной апологии Распутина Розановым как «мистериальной личности» «из четвертого измерения» назвал друга царской семьи «апостолом дьявола», а Николая II, будто бы допустившего превращение семьи «в распутинский предбанник», — «псевдоцарем» [Т. II, с. 449]. Дружба была в этот момент на грани разрыва.

В апреле 1917 г. Розанов в предчувствии большевистского переворота писал: «Время наше страшно. Если вправду России придется сделаться марксистской и социалистической, то, конечно, *я умер и никогда не воскресну*. (...) Тогда умерла цивилизация, христианство, религия, культура» [Т. II, с. 583]. Эти мрачные настроения Розанова с огромной силой отразились, после того как большевистская революция совершилась, в его знаменитом «Апокалипсисе нашего времени».

Розанов искренне скорбел о крахе монархии, но он был вынужден в печати скрывать свои взгляды. В письмах же то и дело еще проявляются его подлинные монархические настроения. Он отмечает, что после прихода к власти с революционеров ниспал ореол жертвенности за народ: «Вообще у революции стали вдруг вырастать рога и копыта» [Т. II, с. 584].

Не всё так просто и с Перцовым. Он сам отмечал после Февральской революции, что его пессимизм относительно монархической власти оказался вернее переменчивости Розанова и ненавистного ему М. О. Меньшикова, при смене власти печатно отрекшегося от монархии [Т. II, с. 565].

Уже в марте 1917 г. Перцов упрекал Розанова в том, что он «благовестит за республику» [Т. II, с. 567], противопоставляя его колеблющимся настроениям неизбывные страдания их общего друга, подлинного монархи-

ста М. В. Нестерова. Для Нестерова рухнул весь традиционный уклад России, с опорой в виде царя и православия, только что изображенный им как незыблемая основа Святой Руси на картине «Душа народа» (1917).

Перцов не печалится по поводу эпохальных драматических перемен, воспринимая их просто как данность, но не забывает упрекнуть Розанова за то, что под псевдонимом «Обыватель» он печатал в последних номерах уходящего «Нового времени» вещи диаметрально противоположные монархическим заявлениям в письмах.

А в письмах Розанова после Февральской революции с нарастающей силой на смену недавнему консерватизму идет сумятица настроений с преобладающим трагическим ощущением конца русского царства и нарастанием антихристианских настроений. Перцов и в дальнейшем, несмотря на трагическое время, не забывает подшучивать над «гремучей смесью» монархических, антихристианских и сексуальных заявлений Розанова.

Еще больше усложнились отношения двух корреспондентов после Октябрьского переворота. Их по-прежнему тянет друг к другу, однако они всё более различно смотрят на вещи. Ломка традиционных устоев общества, бытовые неурядицы, голод и холод потрясли Розанова. Десять выпусков «Апокалипсиса нашего времени» Розанова, изданные в 1917–1918 гг., стали одним из ярких литературных свидетельств трагической переломной эпохи.

Однако пессимистические картины гибели Русского царства и вселенской катастрофы в период революции весьма неожиданно не просто окрасились у Розанова в цвета вновь проявившегося «фаллического культа», но и сосредоточились на антихристианских выводах о виновности Христа в гибели традиционной России. Розанов отвергает Новый Завет как воплощение сокрушенного аскетического христианства, и все мысли голодного писателя, не связанные со страданиями из-за нехватки еды и тепла, сосредотачиваются на ретроспективных мечтах о райских временах Древнего Египта и ветхозаветного Израиля. Он ощущает себя последним еврейским пророком и цитирует в письме 1918 г. к Перцову из своего бунтарского «Апокалипсиса»: «...если и не случится, что я перейду в Еврейство, то лишь по лености (...) на самом-то деле я всегда был евреем» [Т. II, с. 610].

Антихристианские настроения Розанова, вспыхнувшие с новой силой и открыто выраженные им в десяти опубликованных выпусках «Апокалипсиса нашего времени», вызвали у Перцова, как и на рубеже веков, реакцию отторжения. Но Перцов не оттолкнул друга, ощущавшего себя то ли язычником-«египтянином», то ли «последним иудейским пророком», и помогал ему выжить, организовав присылку из Костромы спасительного для семьи в голодное время толокна.

Прочтя в марте 1918 г. 4-й выпуск «Апокалипсиса нашего времени», Перцов, как и на рубеже веков, ироническиотреагировал на антихристианские иеремиады Розанова: «Друг мой! Вы — какой-то Чичиков *в религии*» [Т. II, с. 616]. Розанов, одержимый в это время пророческим пафосом, был насмешливым тоном друга очень обижен.

Однако Перцов настаивал на своем давно продуманном мнении о несостоятельности религиозных воззрений Розанова, резко обнажившейся после революционной катастрофы. Свое следующее письмо, вполне бытового характера, он начал с неожиданного и поистине сокрушительного обращения, перекликающегося с его выводами о взглядах Розанова, высказанными в 1898 г.: «Милый мой антихрист!» Это контрастное словосочетание, своего рода оксюморон, показалось Розанову, конечно, еще более обидным. Он хотел даже порвать с другом всякие отношения. Несмотря на обиды Розанова, Перцов не изменил своего мнения: «Не сердитесь за „Чичикова“. Но это правда: какая же у вас „религия“? Религия всегда (и в иудаизме) есть некое „au delà“<sup>3</sup>, а у вас благоутробие живота моего. И только» [Т. II, с. 618]. Два этих афористических высказывания Перцова, при всей их краткости, — может быть, самая безжалостная и правдивая критика «религии пола» Розанова.

Розанов в предчувствии скорой кончины, даже несмотря на два «оч(ень) грубых письма» [Т. II, с. 619], в июне — июле 1918 г. написал Перцову многостраничное прощальное послание — «длиннейшее и любящее» [Т. II, с. 631] — по поводу связывавшей их двадцатилетней дружбы. Он предался в этом очень выразительном письме подробным воспоминаниям о зарождении их дружеских отношений, о прекрасной атмосфере петербургского литературно-философского кружка «декадентов» и о своем отходе от «тусклых» славянофилов. Теплые, благостные воспоминания о бурных, полных творчества петербургских временах рубежа веков перетекли далее в экстатическое и сумбурное изложение антихристианских взглядов. Несмотря на «кризис» их дружбы, Розанов звал своего друга, временно оказавшегося в Москве, приехать к нему в Сергиев Посад, но эта встреча, которая могла бы быть прощальной, так и не состоялась.

Ни Розанову, ни Перцову прекращать былые дружеские отношения не хотелось. В 1918 г. Перцов после ссоры писал Розанову в примирительном тоне: «Мы хоть и ругаемся, но в глубине души...» [Т. II, с. 634]. За этим отточиен кроется многолетняя, искренняя симпатия, невыразимая словами.

А Розанов после страстного обмена мнениями в письмах по поводу эпохальных политических событий отвечал после очередной размолвки, что был

<sup>3</sup> неземное (*фр.*).

бы счастлив повидаться и что все их ссоры «конечно, вздор» [Т. II, с. 636]. В последнем дошедшем до нас письме от 7 (20) сентября 1918 г. Перцов подтверждает свое намерение непременно приехать к Розанову в Сергиев Посад и заявляет: «Сердечно же, я думаю, всегда будем близки, как за все эти 20 лет» [Т. II, с. 637].

Так закончилась эта дружеская переписка, в которой отразилась целая эпоха — тревожная, а порой и трагическая, но полная творческих дерзаний и свершений.

\* \* \*

Розанов писал в статье о К. Н. Леонтьеве, что человеческое достоинство надо оценивать «не по судьбе, а по залогам души» [Розанов 2001, с. 328]. Перцов же в одном из писем подметил, что Розанов — «охотник до домашних философов. *Philosophia domestica*<sup>4</sup> — любимая ваша школа» [Т. I, с. 568]. Эта духовная чуткость Розанова, его умение отделять официальную репутацию от потенциальных задатков «домашнего» (или, лучше сказать, доморощенного) мыслителя — самобытных, но не снискавших популярности талантов — является важной частью его уникального писательского дара. Среди таких «домашних», не получивших известности литераторов с задатками оригинальных мыслителей, которых выделял Розанов, можно упомянуть, например, его современников П. А. Кукова, Ф. Э. Шперка, И. Ф. Романова-Рцы. В каком-то смысле к этой философской «школе» глубоких и подававших надежды, но по разным причинам не реализовавшихся в полной мере русских талантов можно отнести и самого Перцова, главное произведение которого так и осталось, в виде незавершенных черновиков, его «домашним» делом.

Если Перцов и заслуживает быть отнесенным к подобного рода «доморощенным» мыслителям, то не столько за его многочисленные и вполне профессиональные сочинения на литературные, публицистические или искусствоведческие темы, которые он печатал на протяжении всей жизни где придется, сколько за так и не завершённый философский труд, с которым были связаны потаенные мечты Перцова о существенном вкладе в отечественное любомудрие.

К сожалению, сколько ни торопил и ни подстегивал его Розанов, Перцов так и не смог сосредоточиться на главном труде своей жизни, всё откладывая его выполнение на потом. А «потом» наступила суровая в отношении философского идеализма советская эпоха, когда подобные метафизические сочинения уже действительно были не ко времени. Тем не менее из письма

---

<sup>4</sup> домашняя философия (*лат.*).

1930 г. к профессору Д. Е. Максимуwu мы знаем, что замысел к этому времени сам по себе дозрел и «хочет наружу». Автор очень высоко оценивал свое так и не рожденное «детище»: по его мнению, этот труд «мог бы одним движением неузнаваемо изменить „течение умов“» (цит. по: [Резниченко, с. 77]). А из переписки Перцова с С. Н. Дурылиным [Резниченко, с. 80–82] следует, что Перцов интенсивно работал над своей «Шехеразадой» (то есть «Космономией») почти до самой кончины в 1947 г. Амбициозный замысел Перцова, который наверняка обеспечил бы ему сегодня заметное место в философии, остался нереализованным.

Жизнь Перцова после смерти Розанова не отличалась ни яркостью событий, ни значительными творческими свершениями, если не считать издания в 1933 г. небольшим тиражом «Литературных воспоминаний». Это было тихое, медленное, но неизбежное угасание.

Перцов сильно нуждался и жил в основном распродажей библиотеки и богатейшего архива, хотя история символизма никого тогда не интересовала. Очень показательно, что Перцов скрашивал свое «свиное одиночество» чтением сочинений еще одного непризнанного «конструкциониста» — Константина Леонтьева.

Он завершал свой жизненный путь в полной безвестности, так как не мог, да и не очень хотел вписаться в ту идеологию, которая воцарилась в России после революции. Он жил одиноко, переписывался с С. Н. Дурылиным и М. Н. Нестеровым, с которыми наедине мог быть вполне откровенным.

Перцов, хорошо зная искусство и архитектуру, для заработка занимался в советское время составлением идейно нейтральных путеводителей, поправлял, тщетно надеясь издать, ранее им написанную «Историю русской живописи», упорно трудился, несмотря на бесперспективность, над своим «исповеданием веры» («Космономией») и продолжал писать замечательные «Литературные воспоминания». После революции закончил он и работу над «Литературными афоризмами», в которых наряду с классиками русской словесности от Пушкина до Толстого нашлось место и для глубоких высказываний о Василии Розанове.

Любопытное свидетельство, касающееся последних лет жизни Перцова, пришло с неожиданной стороны. Небезызвестный писатель и рассказчик Иракий Андроников, ставший в молодости свидетелем приема в Московскую писательскую организацию в 1942 г. престарелого, больного и сильно нуждавшегося Перцова, создал позже яркую, но вместе и лукавую из-за очевидных умолчаний зарисовку сцены спасения от нищеты этого серьезного, много сделавшего в литературе писателя, поданную как благодеяние из жалости ко всеми забытому реликту из прошлого [Андроников, с. 327–332].



\* \* \*

Сегодня наступили иные времена, когда подлинные литературные и философские таланты постепенно возвращаются из небытия и обретают новое существование в современных изданиях. Как уже говорилось, творческая судьба Розанова сложилась самым благоприятным образом. Что касается «возвращения» Перцова, то есть надежда, что издание его обширной и очень содержательной переписки с Розановым пробудит желание собрать и издать наконец том самых интересных литературных и философских статей этого умного мыслителя и незаслуженно полузабытого писателя, а также вдохновит исследователей на дальнейшее изучение и научное издание свода всех главных фрагментов его недостроенной системы развития мировой культуры с загадочным названием «Космономия».

Хотелось бы также надеяться, что после данной статьи читателям захочется обратиться непосредственно к текстам этой динамичной, колоритной переписки. Самое драгоценное в любом эпистолярном диалоге — это те психологические нюансы взаимоотношений и мимолетные жизненные детали сиюминутных настроений, которые спонтанно запечатлелись в текущей корреспонденции и которые не воспроизвести в их целости ни в вырванных из контекста цитатах, ни в самых тщательных и объективных обобщениях. Поэтому читатель двухтомной переписки Розанова и Перцова, самостоятельно погружившись в одухотворенную историческую атмосферу написанных более ста лет назад строк, испытает истинное эстетическое наслаждение и почувствует, что многие из тех проблем, которые были животрепещущими столетие назад, по-прежнему сохраняют свою актуальность и для нашего тревожного и быстротекущего времени.

## Литература

- Андроников — Андроников И. Л. Рекомендация Перцову Петру Петровичу // Андроников И. Л. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1975. Т. 2. С. 327–332.
- Воспоминатели мгновений — Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии В. В. Розанова и П. П. Перцова, 1911–1916 / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2015. 447 с.
- Гиппиус — Гиппиус З. Живые лица / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Н. Николюкина. М.: Олма-Пресс, 2002. 448 с.
- Гончарова — Гончарова Е. И. Парабола «великой и прекрасной» дружбы // Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова: (1896–1918): В 2 т. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 1: На новые пути: (1896–1902). С. 5–70. (Русские беседы).
- Лавров 1996 — Лавров А. В. Введение в «Диалогию» П. П. Перцова // Канун: Альманах. СПб.: [б. и.], 1996. Вып. 2: Полярность в культуре. С. 204–216.

- Лавров 2002 — *Лавров А. В.* Литератор Перцов // Перцов П. П. Литературные воспоминания: 1890–1902 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 5–34.
- Налепин, Померанская — Письма В. В. Розанова П. П. Перцову // Розанов В. В. Сочинения / Изд. подгот. А. Л. Налепин, Т. В. Померанская. М.: Советская Россия, 1990. С. 489–516.
- Нестеров — *Нестеров М. В.* Письма. Избранное / Вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Русаковой. 2-е изд. Л.: Искусство, 1988. 536 с.
- Перцов 1899 — *Перцов П. П.* Эквилибристика В. В. Розанова // Русский труд. 1899. № 45, 6 нояб. С. 5–7.
- Перцов 1994 — *Перцов П. П.* Литературные афоризмы / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Т. В. Померанской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Вып. 1. С. 212–236.
- Перцов 1996 — *Перцов П. П.* Введение в «Диалогоию» / Публ. А. В. Лаврова // Канун: Альманах. СПб.: [б. и.], 1996. Вып. 2: Полярность в культуре. С. 217–243.
- Перцов 2002 — *Перцов П. П.* Литературные воспоминания: 1890–1902 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 496 с.
- Перцов 2009 — *Перцов П. П.* Основания Космономии. Часть первая: Морфология. Отдел второй: Мировой философский процесс. Глава IV: [Первые] восточники [(«Славянофилы»)] // Энтелехия. 2009. № 19. С. 84–101.
- Резниченко — *Резниченко А. И.* П. П. Перцов: Морфология недостроенной системы // Энтелехия. 2009. № 19. С. 76–83.
- Розанов 2000 — *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 429 с.
- Розанов 2001 — *Розанов В. В.* Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 477 с.
- Розанов 2008 — *Розанов В. В.* Природа и история: Статьи и очерки 1904–1905 гг. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. 766 с.
- Розанов 2010a — *Розанов В. В.* Листва. Уединенное. Опавшие листья: [Короб первый]. Опавшие листья: Короб второй и последний / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2010. 591 с.
- Розанов 2010b — *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Книга вторая: П. А. Флоренский. С. А. Рачинский. Ю. Н. Говоруха-Отрок. В. А. Мордвинова / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 957 с.
- Розанов 2014 — *Розанов В. В.* Письмо в редакцию // Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 693–695.
- Т. I — Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова: (1896–1918): В 2 т. / Изд. подгот. Е. И. Гончарова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 1: На новые пути: (1896–1902). 784 с. (Русские беседы).
- Т. II — Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова: В 2 т. / Изд. подгот. Е. И. Гончарова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 2: Под колесами истории: (1903–1918). 784 с. (Русские беседы).
- 1900 год — 1900 год в сочинениях Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2014. 928 с.

## References

- Andronikov, I. L. (1975). 'Rekomendatsiya Pertsovu Petru Petrovichu', in: *Izbrannye proizvedeniya*. 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 327–332.

- Dmitriev, A., Fyodorov, D., eds. (2014). *1900 god v sochineniyakh Vasilisa Rozanova, Ivana Romanova-Rtsy i Petra Pertsova*. Saint Petersburg: Rostok, 928 p.
- Dmitriev, A., Fyodorov, D., eds. (2015). *Vospominateli mgnovenii. Perepiska i vzaimniye retsenzii V. V. Rozanova i P. P. Pertsova, 1911–1916*. Saint Petersburg: Rostok, 447 p.
- Gippius, Z. (2002). *Zhivye litsa*. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Olma Press, 448 p.
- Goncharova, E. I. (2023). 'Parabola «velikoy i prekrasnoy» družby', in: *Perepiska V. V. Rozanova i P. P. Pertsova (1896–1918)*. 2 vols. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 1, 5–70.
- Goncharova, E. I., Fetisenko, O. L., eds. (2023). *Perepiska V. V. Rozanova i P. P. Pertsova*. 2 vols. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 1. Na novye puti (1896–1902), 784 p.; Vol. 2. Pod kolesami istorii (1903–1918), 784 p. (Russkie besedy).
- Lavrov, A. V. (1996). 'Vvedenie v «Diadologiyu» P. P. Pertsova', in: *Kanun. Al'manakh*. Saint Petersburg: [s. n.]. Issue 2. Poliarnost' v kul'ture, 204–216.
- Lavrov, A. V. (2002). 'Literator Pertsov', in: Pertsov, P. P. *Literaturnye vospominaniya. 1890–1902 godov*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 5–34.
- Nalepin, A. L., Pomeranskaya, T. V., eds. (1990). 'Pis'ma V. V. Rozanova P. P. Pertsovu', in: Rozanov, V. V. *Sochineniya*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 489–516.
- Nesterov, M. V. (1988). *Pis'ma. Izbrannoe*. Ed. by A. A. Rusakova. 2<sup>nd</sup> ed. Leningrad: Iskusstvo, 536 p.
- Pertsov, P. P. (1899). 'Ekvilibristika V. V. Rozanova', *Russkii trud*, 45 (Nov. 6), 5–7.
- Pertsov, P. P. (1994). 'Literaturnye aforizmy', ed. by T. V. Pomeranskaya, in: *Rossiiskii arkhiv*. Moscow: Studiya TRITE. Issue 1, 212–236.
- Pertsov, P. P. (1996). 'Vvedeniye v diadologiyu', ed. by A. V. Lavrov, in: *Kanun. Al'manakh*. Saint Petersburg: [s. n.]. Issue 2. Poliarnost' v kul'ture, 217–236.
- Pertsov, P. P. (2002). *Literaturnye vospominaniya. 1890–1902 gody*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 496 p.
- Pertsov, P. P. (2009). 'Osnovaniya Kosmonomii. Chast' 1. Morfologiya. Otdel 2. Mirovoi filosofskii protsess. Glava IV. [Pervye] vostochniki [(«Slavyanofily»)]', *Entelekhija*, 19, 84–101.
- Reznichenko, A. I. (2009). 'P. P. Pertsov: Morfologiya nedostroennoi sistemy', *Entelekhija*, 19, 76–84.
- Rozanov, V. V. (2000). *Apokalipsis nashego vremeni*, ed. A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika, 429 p.
- Rozanov, V. V. (2001). *Literaturnye izgnanniki. N. N. Strakhov, K. N. Leont'ev*, ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika, 477 p.
- Rozanov, V. V. (2008). *Priroda i istoriya: Stat'i i ocherki 1904–1905 godov*, ed. A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok, 766 p.
- Rozanov, V. V. (2010). Listva (Uedinennoe, Opavshie list'ya (Korob pervyi). Opavshie list'ya. Korob vtoroi i poslednii. Saint Petersburg: Rostok, 957 p.
- Rozanov, V. V. (2010). *Literaturnye izgnanniki. Kniga 2. P. A. Florenskii, S. A. Rachinskii, Yu. N. Govorukha-Otrok, V. A. Mordvinova*, ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok, 957 p.
- Rozanov, V. V. (2014). 'Pis'mo v redaktsiyu', in: *Polnoe sobranie sochinenii*. 35 vols. Saint Petersburg: Rostok. Vol. 6, 693–685.

С. А. Ипатова

## У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ А. А. БЛОКА В ПЕТРОГРАДЕ—ЛЕНИНГРАДЕ

### Резюме

В статье реконструируется история нереализованного проекта основать сразу же после смерти А. Блока мемориальный «дом-музей» поэта в Петрограде (1921); позже безуспешные попытки были предприняты в юбилейном 1940 г., а также в 1941 г. (к памятной дате 20-летия со дня смерти поэта). В планы созданной в Пушкинском Доме «Комиссии по изучению творчества А. Блока» (1940), помимо подготовки Блок-овских сборников и академического собрания сочинений и писем поэта, входило участие в организации и открытии осенью 1941 г. мемориального Музея Блока в его последней квартире. Приводится биография Георгия Петровича Блока (1888–1962), фетоведа, прозаика, переводчика, издателя, двоюродного брата А. Блока (по отцу), а также его письмо к Б. М. Эйхенбауму, в котором Г. П. Блок обосновывает свое право занять должность хранителя организуемого музея в качестве не только родственника, но и исследователя-блоковеда.

*Ключевые слова:* Александр Блок, музей-квартира, Пушкинский Дом, юбилей поэта 1940 г., Г. П. Блок, Б. М. Эйхенбаум

Svetlana A. Ipatova

## THE ORIGINS OF THE ALEXANDER BLOK MUSEUM IN PETROGRAD—LENINGRAD

### Abstract

The article reconstructs the history of an unrealized project to establish an apartment museum in memory of Alexander Blok in Petrograd immediately after the poet's death in 1921. Other attempts to establish this museum, one in conjunction with Blok's 60th anniversary in 1940 and another in 1941, also were unsuccessful. In 1940, the Institute of

Russian literature (Pushkinskii Dom) established the "Commission for the study of A. Blok's creative work." Aside from preparing collections of academic articles about Blok and scholarly editions of his writings and of his correspondence, the Commission planned to participate in the organization of the Blok Museum in the author's last apartment. The museum was to be opened in the autumn of 1941. This article also explores the biography of Georgii P. Blok (1888—1962), Alexander Blok's cousin, who was an Afanasy Fet scholar and a prose writer, translator, and publisher himself. His letter to Boris M. Eichenbaum, in which G. P. Blok justifies his right to take the position of the curator of the museum not only because he was a relative of Alexander Blok but also because he was a Blok scholar, is published in an appendix to the article.

*Keywords:* Alexander Blok, apartment museum, Pushkinskii Dom, Alexander Blok's anniversary in 1940, Georgii P. Blok, Boris M. Eichenbaum

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-108-119

**И**стория создания мемориального музея А. Блока в его родном городе оказалась затяжной и растянулась почти на 60 лет (1921—1980). Впервые мысль основать «дом-музей» поэта была высказана членами созданного в Петрограде Комитета по увековечению памяти А. А. Блока сразу же после его смерти (7 августа 1921 г.) В конце августа в объявлении газеты «Жизнь искусства» сообщался состав комитета (А. Белый, Р. В. Иванов-Разумник, Е. И. Замятин, П. Е. Щеголев и С. М. Алянский), а также были сформулированы его главные задачи: охрана имущества Блока (рукописи, библиотека), соби́рание писем поэта и материалов о нем и пр. «Всё собранное Комитетом должно явиться основанием для Музея Блока» [Жизнь искусства]. И уже с конца августа 1921 г. комитет начал публиковать обращения, адресованные владельцам блоковских материалов, с просьбой присылать их «на имя вдовы покойного». В одном из таких объявлений говорилось: «Комитет по увековечению памяти Блока обращается с призывом ко всем лицам, у которых находятся рукописи и письма А. А., а также все материалы, относящиеся к его жизни и творчеству (воспоминания, заметки, письма к нему или о нем, снимки и т. п.), предоставить эти материалы в подлинниках или точных копиях в распоряжение Комитета. Одновременно Комитет просит присылать ему все некрологи, стихотворения, статьи, вырезки из газет и журналов, отчеты о речах, собраниях, вечерах, концертах, гражданских и церковных панихидах памяти А. А. Просьба эта относится ко всем лицам, встречавшимся с А. А. Блоком и знавшим его, к редакциям газет, журналов, к издательствам» и др.; все «поступающие материалы положат основание Дому-музею имени Блока. Важнейшие из них будут опубликованы в намеченных к изданию „Бюллетенях Комитета“. (...) Весь материал надлежит

направлять на имя вдовы покойного — Л. Д. Блок и матери его А. А. Кублицкой-Пиотух (Петроград, Офицерская ул., № 57, кв. 23)» [Увековечение памяти]<sup>1</sup>.

Вскоре после кончины Любови Дмитриевны, последовавшей 27 сентября 1939 г., на расширенном заседании Правления Ленинградского отделения Союза советских писателей, состоявшемся 15 октября 1939 г., на основании заслушанного доклада «Комиссии по приемке литературного наследства А. А. Блока» (председатель — В. Н. Орлов) было принято постановление о передаче архива (в соответствии с завещанием вдовы) Институту литературы (Пушкинскому Дому) при условии его сохранения, составления научного описания, а также «организации в квартире, где жил и умер Блок, музея его имени, в качестве филиала Института» (цит. по: [Лощинская, с. 33]). Вскоре произошла передача в Пушкинский Дом обширного блоковского архива (29 марта 1940 г.; ф. 654), см.: [Иванова, с. 240]<sup>2</sup>, что потребовало научного его освоения. С этой целью весной 1940 г. в институте была создана «Комиссия по изучению творчества А. Блока» (под руководством В. Н. Орлова), в планы которой, помимо подготовки Блоковских сборников и академического собрания сочинений и писем, входило участие в организации и открытии осенью 1941 г. (к памятной дате 20-летия со дня смерти поэта) мемориального Музея Блока в его последней квартире (см.: [Лощинская, с. 34–35; Ашимбаева, Галанина, с. 287])<sup>3</sup>. Однако возникли непредвиденные трудности: жилуправление Октябрьского района Ленинграда потребовало освободить «жилплощадь» от «имущества», оставленного после смерти Л. Д. Блок, и заселило две комнаты случайными жильцами; часть бесценного архива поэта была вывезена в Пушкинский Дом, часть помещена в одну из комнат (см.: [Исаков]). Дальнейшие хлопоты были прерваны начавшейся войной.

Идея создания Музея Блока была подготовлена и юбилейными мероприятиями 1940 г., приуроченными к 60-летию юбилею со дня рождения поэта. В Москве и Ленинграде прошли торжественные заседания, посвященные А. Блоку, получившие широкое освещение в средствах массовой информации, публиковались юбилейные статьи, сообщения о научной работе Блоковской комиссии в Пушкинском Доме, транслировались радиопередачи, посвященные поэту, и пр., см.: [Громов; Максимов]<sup>4</sup>. Несколько иное

<sup>1</sup> См. также: [Книга и революция].

<sup>2</sup> Ранее вдова поэта продала часть архива в Литературный музей (Москва) — см.: [Зильберштейн, с. 381–390].

<sup>3</sup> См. также: [Перед блоковскими днями].

<sup>4</sup> См. также: [Вечера, посвященные А. Блоку].

описание общей атмосферы в Москве в связи с приближающимся блоковским юбилеем приводит Надежда Александровна Павлович (1895—1980), поэтесса, входившая в окружение А. А. Блока, в письме от 15 ноября 1940 г. в Ленинград к историку литературы, другу поэта Владимиру Николаевичу Княжнину (псевд. Ивойлов; 1883—1942): «В клубе писателей ни вечера, ни торжеств(енного) заседания, — когда звонят из организаций желающие праздновать шестидесятилетие, начинается суматоха. Нет докладчиков! Некому выступать. Никто не думал. Когда я вмешалась, спрашиваю, какая же будет программа в зале им. Чайковского, мне говорят — мы позаботимся только о литературной части. Да вообще у нас об этом инструкций нет. А дети в библиотеках спрашивают о нем, артисты устраивают концерты его памяти, эти случайные вечера, возникающие самотеком, привлекают много публики»<sup>5</sup>.

В РГАЛИ хранится не введенное в научный оборот письмо Георгия Петровича Блока (1888—1962), прозаика, переводчика, издателя, двоюродного брата А. Блока (по отцу: Петр Львович Блок был родным братом отца поэта, Александра Львовича Блока), с которым он встречался, состоял в переписке<sup>6</sup> и о котором оставил обширные воспоминания. Свой мемуарный очерк о знаменитом брате, озаглавленный «Герои „Возмездия“» (1924), Г. П. Блок предварил следующим признанием: «Несмотря на кровное родство (наши отцы — родные братья), ни родственной, ни другой какой-нибудь близости между нами не было. Не было собственно даже и того, что называется „знакомством“. Был только один очень длинный разговор незадолго до смерти поэта. Мне хочется тем не менее рассказать то малое, что я помню о нем, и кое-что из того многого, что знаю о семейных его корнях» [Блок Г. П. 1924, с. 172]<sup>7</sup>.

Приведем краткие биографические сведения корреспондента. Родился Г. П. Блок в Петербурге в 1888 г. После окончания Александровского лицея (1909) и Петербургского университета (1917) поступил на службу секретарем в канцелярию департамента Правительствующего сената, исполнял обязанности помощника редактора газеты «Сенатские ведомости». В 1920—

<sup>5</sup> См.: РО ИРЛИ. Ф. 94. № 57. Л. 12—12 об. Вечер в зале им. Чайковского состоялся 28 ноября 1940 г., см.: [Вечера, посвященные А. Блоку]; см. также: [Азадовский, с. 204—217; Павлович, с. 132—150].

<sup>6</sup> Два письма А. Блока, от 22 ноября и 10 декабря 1920 г., Георгий Петрович включил в свои воспоминания, см.: [Блок Г. П. 1924, с. 181, 185]; см. также: [Шоломова, с. 178—183] (фрагменты переписки). Четыре письма Г. П. Блока к А. Блоку (из известных пяти) с небольшими сокращениями приведены в публикации: [Влюбленные в Фета, с. 96—97].

<sup>7</sup> См. также: [Блок Г. П. 1980, с. 96—109].

1922 г. председательствовал в Комитете по делам Типографии Академии наук. Занимал должность ученого хранителя рукописей в Пушкинском Доме (1921—1923). С 1922 по 1934 г. (с перерывами) Блок — соучредитель, пайщик и главный редактор кооперативного издательства «Время». В феврале 1925 г. был арестован как «участник контрреволюционной монархической организации» (по сфабрикованному «делу лицестов»), приговорен к трем годам и отправлен в Соловецкий лагерь, откуда был этапирован на Северный Урал (см.: [Беленкова, с. 185]). Вернулся в Ленинград осенью 1928 г. Новый арест последовал в марте 1935-го («чистки» в связи с убийством С. М. Кирова). Из ссылки (Казахстан, Саратов) Г. П. Блок вернулся в Ленинград весной 1940 г. После войны работал в Москве (1945), тогда же с него была снята судимость, затем в Ленинграде (1948). В 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию «Пушкин в работе над историческими источниками», изданную в том же году отдельной монографией (М., 1949. 216 с.). Последние годы служил в архиве Академии наук (1948—1958), Институте русского языка РАН. Г. П. Блок — автор книг «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета: По неопубликованным материалам» (Пг., 1924), романа «Одиночество» (Л., 1929), «Каменская управа» (Л., 1935), исторической повести «Московляне» (М.; Л., 1951; 1965; 1975). Умер Георгий Петрович в 1962 г., похоронен в Ленинграде [Аксененко, с. 472—515].

Вернемся к письму. В конце января 1940 г. Г. П. Блок, находившийся в ссылке в Саратове, узнал о планах Пушкинского Дома открыть музей-квартиру Блока в Ленинграде в качестве своего филиала. Обнаруженное нами письмо ученого от 3 февраля 1940 г., адресованное его давнему знакомому Борису Михайловичу Эйхенбауму (1886—1959), известному литературоведу, сотруднику Пушкинского Дома (участнику первого Блоковского сборника, который так и не вышел), имеет непосредственное отношение к организации музея: сообщая о «сильном желании» выставить «свою кандидатуру на должность хранителя», Георгий Петрович перечисляет «некоторые основания занять эту должность»: «Из всех родственников покойного поэта только я один, — его двоюродный брат, — состою еще в живых». О брате, общение с которым было эпизодическим, Г. П. Блок откровенно писал 9 апреля 1921 г., отвечая поэту и литератору Б. А. Садовскому (другу и корреспонденту А. Блока), вероятно, на его вопрос об отношениях со знаменитым родственником: «Его я бесконечно люблю. И так спокойно люблю, зная, что от него ничего наглого, ничего грязного и ничего лживого не изойдет. Но он упорно молчит после „Двенадцати“ и хандрит. {...} История наших с ним отношений очень странная и бедная. Мы — двоюродные братья. Я довольно близко знал и очень любил его покойного отца. Когда он весной каждый год



приезжал навещать своих детей, мы подолгу и душевно с ним говорили. С Ал(ександром) Ал(ександровичем) я познакомился, когда он был студентом I курса, и я 12–13-летним мальчиком „без права голоса“. Это знакомство продолжалось около года. Потом он исчез. Лет через 8, уже лицеистом, бегло встретился с ним в театре на спектакле Дузэ. Потом опять не видались лет 12, до нынешней зимы. Свел нас С. Ф. Ольденбург<sup>8</sup> (...) Свидание наше произошло на квартире Ал(ександра) Ал(ександровича), главным образом, на почве Фета. У меня от этого вечера осталось много чудесных воспоминаний, но, расставаясь дружелюбно и ласково, мы чувствовали (и высказали это друг другу), что мы очень разные. Разница, главным образом, в отношении к современности. (...) После этого вечера мы обменялись письмами, длинными, откровенными и дружественными, а на днях я снова бегло его встретил... в очереди. Вот и все» [Влюбленные в Фета, с. 95–96].

Позже Г. П. Блок дополнил эти воспоминания: «Осенью и зимой 1920 года я был в разгаре работы над Фетом и вместе с тем в периоде „первой любви“ к стихам Блока, которых до того не знал. Только что вышла его книжка „За гранью прошлых дней“. Там в предисловии было признание о Фете. (...) Мне настойчиво захотелось увидеться с Александром Александровичем. С. Ф. Ольденбург, давно желавший нас познакомить, предложил передать мое письмо» [Блок Г. П. 1980, с. 99]. 16 ноября 1920 г. Г. П. Блок сообщал поэту: «Мне бы очень хотелось поговорить с Вами о Фете», с «большим увлечением я работаю сейчас над его биографией. (...) В Ваших суждениях, мне кажется, я могу найти помощь очень для меня важную» [Влюбленные в Фета, с. 97]. А. Блок ответил 20 ноября: «Рад буду увидеться с Вами и поговорить о Фете. Да, он очень дорог мне...» [Блок А., с. 453–454]. Встреча

---

<sup>8</sup> *Ольденбург Сергей Федорович* (1863–1934), русский востоковед, академик (1903), непреходящий секретарь Российской академии наук (1904–1929), один из лидеров партии кадетов, член Государственного совета (1912–1917), министр народного просвещения Временного правительства (1917), член Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК; расследование деятельности царских министров и сановников) от кадетской партии. А. А. Блок также участвовал в деятельности ЧСК (с мая 1917 г., главный редактор стенограмм), знакомство продолжилось в издательстве «Всемирная литература». В последние четыре года жизни общался с ученым. В марте 1918 г. Ольденбург восторженно писал Блоку о поэме «Двенадцать»: «Вчера случайно имел возможность прочитать Вашу поразительную поэму (...) Мне было бы очень жаль, если бы мое понимание, вернее чувство и переживание, было бы другое, чем у автора, но это не остановило бы меня. Только ничтожное может быть понято единообразно, а где даже только две грани, уже, по крайней мере, два понимания. А то, что создали Вы, так удивительно, так дивно прекрасно, что мой глаз не может перечислить этих граней, которые блещут, сверкают, так их много» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 353. Л. 1–1 об.; цит. по: [Бонгард-Левин, с. 603]). Ольденбург — автор одной из лучших статей на смерть А. Блока [Ольденбург, с. 9–14]. В библиотеке Блока имелись две брошюры ученого с дарственными надписями: «Жизнь Будды» и «Первая буддийская выставка в Петербурге».

братьев состоялась 3 декабря 1920 г. Смерть поэта потрясла Г. П. Блока: «К жестоким несчастьям, — писал он в некрологической статье, хранящейся в архиве поэта, — прибавилось еще одно — умер Александр Блок. (...) Неужели, испив чашу стыда, полную до краев, не найдем мы в себе душевной зрелости, чтобы понять, что потеряли мы поэта русского, великого (...) Хотелось бы, чтобы запомнили его облик покрепче с рыцарскими строгими прекрасными чертами, с серыми глазами, не знавшими сна, с неожиданно светлой мальчишески чистой улыбкой...» (цит. по: [Шоломова, с. 181–182]). Исследовательские обращения к жизни и творчеству знаменитого брата были у Георгия Петровича не столь основательными, как у академических блоковедов, но в публикуемом письме ученый с полным основанием отстаивает свое право занять должность хранителя Блоковского музея.

Вернувшись из ссылки, вероятно, в марте 1940 г., Г. П. Блок принял активное участие в заседаниях Блоковской комиссии, проходивших в Пушкинском Доме [Лощинская, с. 35]. «В ту же пору (начало 1940-ых гг.), — вспоминал он в 1958 г., — я занимался описанием рукописного наследия А. А. Блока в Пушкинском Доме и написал обзор этого фонда для „Литературного наследства“, а также вводную статью для откомментированного мною дневника тетки и биографа Блока М. А. Бекетовой»<sup>9</sup>. В ссылке, сообщает Г. П. Блок в письме, продолжая обосновывать правомерность своего предложения, ему «пришлось» в «это время позаниматься и Блоком: я обрабатывал две книги его стихов, некоторые пьесы и публицистику для словаря русского языка». Ответное письмо Эйхенбаума неизвестно. Не исключено, что он предпринял какие-то попытки помочь коллеге и другу, однако никакими документами о возможном рассмотрении кандидатуры Г. П. Блока на должность хранителя будущего музея мы не располагаем. Осуществиться проекту открытия музея Блока в 1941 г. помешала война. Безусловно, одной из причин этого несостоявшегося назначения весной 1940 г. была и биография опального исследователя.

После войны, в 1946 г., Г. П. Блок в качестве редактора был привлечен к работе над сборником воспоминаний о поэте, подготовка которого была предпринята издательством «Художественная литература» (вероятно, к 25-летию со дня смерти А. Блока), однако книге не суждено было появиться на свет [Блок Г. П. 1946, с. 216–227]. Музей-квартира Александра Блока был открыт почти через шестьдесят лет после смерти поэта, в юбилейном

<sup>9</sup> В конце 1930-х гг. Г. П. Блок подготовил фрагменты из дневника М. А. Бекетовой, опубликованные позже в «Литературном наследстве» [Из дневника М. А. Бекетовой, с. 598–634]; см. также его работу о подмосковном Шахматове: [Блок Г. П. 1950, с. 111–141].

1980 г., по адресу последнего его проживания: Петербург, ул. Декабристов (Офицерская), 57, как филиал Государственного музея истории Ленинграда [Конечный, с. 326—357].

Письмо публикуется по автографу: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 335. Л. 1—2. Фрагмент опубли.: [Влюбленные в Фета, с. 87—88].

*Г. П. Блок — Б. М. Эйхенбауму  
3 февраля 1940 г., Саратов*

Многоуважаемый Борис Михайлович,

Решаюсь напомнить Вам о своем существовании вот по какому поводу. — Я слышал по радио, что Институт литературы Академии наук собирается устроить музей имени А. Блока в бывшей его квартире. Это известие возбудило во мне сильное желание выставить свою кандидатуру на должность хранителя этого музея. Мне кажется, что у меня есть некоторые основания занять эту должность. Из всех родственников покойного поэта только я один, — его двоюродный брат, — состою еще в живых. Со мной, — и, стало быть, в недалеком уже будущем, — эта фамилия умрет. Как ни скромна моя роль в литературоведческой науке и в литературе, все же я причастен и к этой, и к другой, и связь моя с ними за эти последние годы не только не ослабла, но укрепилась: в здешнем уединении я весь ушел в научные занятия и готовлюсь выступить в ближайшем времени с несколькими небольшими исследованиями по Пушкину<sup>10</sup>. Пришлось мне за это время позаниматься и Блоком: я обрабатывал две книги его стихов, некоторые пьесы и публицистику для словаря русского языка. Напомню Вам, что нужным для должности хранителя музея научно-административным опытом я тоже располагаю: в самом начале 1920-х гг. я был хранителем рукописей Пушкинского Дома, а затем управляющим делами Конференции Академии наук (1922—1923). В протоколах Академии Вы найдете благодарность, выраженную мне Общим его собранием, когда я оставлял эту должность. Помимо всего этого, наконец, у меня есть вполне реальная возможность обогатить будущий музей довольно ценным собранием семейных портретов. В моем усердии и исполнительности Вы, я думаю, не сомневаетесь.

---

<sup>10</sup> Вероятно, речь идет о работе: [Блок Г. П. 1940]; очевидно, имелась в виду также серия небольших очерков о Пугачеве и пугачевцах, которые, по воспоминаниям Г. П. Блока, «были заказаны для „Справочника по Пушкину“ и утверждены к печати, но „Справочник“ Гослитиздатом выпущен не был, и рукописи моих статей безвозвратно затерялись в издательском архиве» [Блок Г. П. 1958].

Ровно через месяц кончается срок моего пребывания здесь. До истечения этого срока я не считаю возможным возбуждать какие-либо официальные ходатайства, но очень прошу Вас, многоуважаемый Борис Михайлович, подумать о моих проектах в порядке предварительном и сообщить мне Ваше вполне откровенное мнение. Для меня это вопрос более чем существенный. В Ленинграде у меня три дочери и внук. Разлука с ними мне и моей больной жене очень тяжела<sup>11</sup>.

С большим удовольствием мечтаю о работе над указателем к XI тому Пушкина под Вашим редакторским руководством<sup>12</sup>. Протокольное постановление по этому предмету давно уж состоялось, договор мной подписан, но окончательное его оформление почему-то все затягивается.

С большим нетерпением и надеждой жду Вашего ответа.  
Искренне Вас уважающий

Г. П. Блок.

Саратов, Веселая, 26, кв. 5.  
Г. П. Блоку.

*На конверте:*

Ленинград.

Канал Грибоедова, 9, кв. 48.

Борису Михайловичу Эйхенбауму.

Саратов, Веселая, 26, кв. 5.

Г. П. Блок.

*Почтовые штемпели:* Саратов; 3.2.(19)40.

*На об.:* Ленинград; 7.2.(19)40; Ленинград, Дзержинский; 8.2.(19)40.

---

<sup>11</sup> Блок Елена Эрастовна (урожд. Штерцер; 1896–1990) — вторая жена Г. П. Блока. В 1964 г. передала в Пушкинский Дом архив мужа, который в настоящее время находится в научно-технической обработке (Ф. 645).

<sup>12</sup> О своей научной работе в ссылке Г. П. Блок писал в автобиографии: «В 1938 г. я был привлечен к участию в работе над изданием выпускавшегося Академией наук полного собрания сочинений Пушкина. Около двух лет заняло у меня составление заменяющего реальный комментарий указателя к IX тому этого издания. Указатель, занимающий 13 1/2 печ(атных) листов, вышел в свет в 1940 г. и был оценен специалистами (С. М. Бонди, Н. В. Измайлов) как „капитальное исследование“. Работа над IX томом Пушкина („История Пугачева“) вовлекла меня в изучение литературы и языка XVIII века (...). Эта же работа дала мне исходный материал для моей кандидатской диссертации. Я начал ее писать в год объявления войны, а кончить ее удалось только после возвращения из эвакуации» (см.: Автобиография. 24.06.1958 [Блок Г. П. 1958]). Редактором 9-го тома (Л., 1938. Кн. 1; Л., 1940. Кн. 2) Полного собрания сочинений Пушкина в 16 т. (Л., 1937–1959) был В. Л. Комарович. 11-й том (Л., 1949), работа над которым была прервана войной, готовился к печати под общей редакцией В. В. Гиппиуса, Б. В. Томашевского и Б. М. Эйхенбаума.

## Литература

- Азадовский — *Азадовский К. М.* «Таинственно — похож»: «дети» Александра Блока // Звезда. 2012. № 5. С. 204–217.
- Аксененко — *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // А. А. Фет. Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. Вып. 1. С. 472–515.
- Ашимбаева, Галанина — *Ашимбаева Н. Т., Галанина Ю. Е.* Музей-квартира А. А. Блока (филиал Государственного музея истории Ленинграда) // Александр Блок: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1987. Вып. 1. С. 278–284.
- Беленкова — *Беленкова А. И.* Чтобы свеча не погасла (о трагических судьбах бывших воспитанников, проходивших по «делу лицеистов» // Пушкинский музей: Альманах. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2014. Вып. 6 / Под ред. С. М. Некрасова, Р. В. Иезуитовой. С. 174–190.
- Блок А. — *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1963. Т. 8: Письма, 1898–1921. 776 с.
- Блок в воспоминаниях — Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Вл. Орлова. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. 549 с.; Т. 2. 527 с. (Сер. лит. мемуаров).
- Блок Г. П. 1924 — *Блок Г. П.* Герои «Возмездия» // Русский современник. 1924. № 3. С. 172–186.
- Блок Г. П. 1940 — *Блок Г. П.* Путь в Берду: (Пушкин и Шванвичи) // Звезда. 1940. № 10. С. 208–217; № 11. С. 139–149.
- Блок Г. П. 1946 — «Не старайся изображать Сашу иконописно»: Письмо Г. П. Блока к С. Н. Тутолминой (1946) / Публ. С. А. Ипатовой // Русская литература. 2022. № 2. С. 216–227.
- Блок Г. П. 1950 — *Блок Г.* Шахматово // Литературное Подмосковье: Сб. ст. М.: Госкультпросветиздат, 1950. С. 111–141.
- Блок Г. П. 1958 — *Блок Г. П.* Автобиография. 24.06.1958. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/persons/blok-georgiy-petrovich> (дата обращения 12.09.2023).
- Блок Г. П. 1980 — *Блок Г.* 1) Из очерка «Герои возмездия»; 2) Из очерка «Из семейных воспоминаний» // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Вл. Орлова. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 96–109, 501–503.
- Бонгард-Левин — *Бонгард-Левин Г. М.* Блок и индийская культура // Литературное наследство. Л.: Наука, 1993. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 5. С. 589–632.
- Вечера, посвященные А. Блоку — Вечера, посвященные А. Блоку // Литературная газета. 1940. № 56, 12 ноября. С. 1 [Б. п.].
- Влюбленные в Фета — Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921–1922) / Вступ. ст., коммент. и публ. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2007. № 83–84. С. 84–111.
- Громов — *Громов П.* Александр Блок: (К 60-летию со дня рождения) // Смена. 1940. № 276, 28 ноября. С. 4.
- Жизнь искусства — [Объявление] // Жизнь искусства. 1921. № 804, 16–21 августа. С. 6; То же: № 810, 27 сентября. С. 3.
- Зильберштейн — *Зильберштейн И. З.* О встречах с Любовью Дмитриевной Блок и о судьбе хранившегося у нее архива поэта // Литературное наследство. М.: Наука, 1978. Т. 89: Александр Блок: Письма к жене. С. 381–390.

- Иванова — *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 446 с.
- Из дневника М. А. Бекетовой — Из дневника М. А. Бекетовой / Предисл. Г. П. Блока; публ. Г. П. Блока и Н. Г. Розенблюма // Литературное наследство. Л.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. С. 598–634.
- Исаков — *Исаков Ю.* Последняя квартира А. Блока: Письмо из Ленинграда // Литературная газета. 1940. № 43, 11 августа. С. 6.
- Книга и революция — [Объявление] // Книга и революция. 1921. № 1 (13), 1 декабря. С. 26.
- Книга памяти — Книга памяти (документы, хранящиеся в ГАРФ). URL: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Bo.html#bo.5> (дата обращения: 12.09.2023).
- Конечный — *Конечный А.* Как все начиналось // Литературный факт. 2017. № 4. С. 326–357.
- Лощинская — *Лощинская Н. В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука, 1982. С. 13–36.
- Максимов — *Максимов Д.* Александр Блок: (К 60-летию со дня рождения) // Ленинградская правда. 1940. № 277, 29 ноября. С. 4.
- Ольденбург — *Ольденбург С.* «Не может сердце жить покоем» // Начала. 1921. № 1. С. 9–14.
- Павлович — «Скромная ученица» и «великий посвященный»: Письма Н. А. Павлович к Андрею Белому / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. И. Гончаровой // Русская литература. 2018. № 4. С. 132–150.
- Перед блоковскими днями — Перед блоковскими днями // Литературная газета. 1940. № 58, 24 ноября. С. 4 [Б. п.].
- Увековечение памяти — Увековечение памяти А. А. Блока // Вестник литературы. 1921. № 9 (33). С. 13 [Б. п.].
- Шоломова — *Шоломова С. Б.* За строчками писем — судьба: (Из переписки А. А. Блока с Г. П. Блоком) // Звезда. 1980. № 10. С. 178–183.

## References

- Aksenenko, E. M. (2010). 'Materialy A. A. Feta v Pushkinskom Dome', in: *A. A. Fet. Materialy i issledovaniya*, eds. N. P. Generalova, V. A. Lukina. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, Vol. 1, 472–515.
- Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov* (1980). 2 vols., ed. V. Orlov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1, 549 p.; Vol. 2, 527 p.
- Ashimbaeva, N. T., Galanina, Yu. E. (1987). 'Muzei-kvartira A. A. Bloka (filial gosudarstvennogo muzeya istorii Leningrada)', in: *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy*. Leningrad: Nauka. Vol. 1, 278–284.
- Azadovskii, K. M. (2012). '«Tainstvenno — pokhozh»: «deti» Aleksandra Bloka', *Zvezda*, 5, 204–217.
- Belenkova, A. I. (2014). 'Chtoby svecha ne pogasla (o tragicheskikh sud'bach byvshikh vospitannikov, prokhodivshikh po «delu litseistov»', in: *Pushkinskii muzeum. Al'manakh*. Saint Petersburg: Vserossiiskii muzei A. S. Pushkina. Vol. 6, ed. S. M. Nekrasov, R. V. Iezuitova, 174–190.
- Blok, A. (1963). *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 8. Pis'ma, 1898–1921, 776 p.

- Blok, G. P. (1924). 'Geroi «Vozmezdiya»', *Russkii sovremennik*, 3, 172–186.
- Blok, G. P. (1940). 'Put' v Berdu (Pushkin i Shvanvichi)', *Zvezda*, 10, 208–217; 11, 139–149.
- Blok, G. P. (1950). 'Shakhmatov', in: *Literaturnoe Podmoskov'e. Sbornik statei*. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, 111–141.
- Blok, G. P. (1958). *Avtobiografiya. 24.06.1958*, accessed Sept. 12, 2023, <https://nenadict.iling.spb.ru/persons/blok-georgiy-petrovich>
- Blok, G. P. (1980). 1) 'Iz ocherka «Geroi vozmezdiya»'; 2) 'Iz ocherka «Iz semeinykh vospominanii»', in: *Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov. 2 vols.*, ed. V. Orlov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1, 96–109, 501–503.
- Blok, G. P., Rozenblyum, N. G., eds. (1982). 'Iz dnevnika M. A. Beketovoi', in: *Literaturnoe nasledstvo*. Leningrad: Nauka. Vol. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya. Kniga 3, 598–634.
- Bongard-Levin, G. M. (1993). 'Blok i indiiskaya kul'tura', in: *Literaturnoe nasledstvo*. Leningrad: Nauka. Vol. 92. Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya. Kniga 5, 589–632.
- Goncharova, E. I., ed. (2018). '«Skromnaya uchenitsa» i «velikii posvyashchennyi». Pis'ma N. A. Pavlovich k Andreyu Belomu', *Russkaya literatura*, 4, 132–150.
- Gromov, P. (1940). 'Aleksandr Blok (K 60-letiyu so dnya rozhdeniya)', *Smena*, 276 (Nov. 28), 4.
- Ipatova, S. A., ed. (2022). '«Ne staraisya izobrazhat' Sashu ikonopisno». Pis'mo G. P. Bloka k S. N. Tutolmino (1946)', *Russkaya literatura*, 2, 216–227.
- Isakov, Yu. (1940). 'Poslednyaya kvartira A. Bloka. Pis'mo iz Leningrada', *Literaturnaya gazeta*, 43 (Aug. 11), 6.
- Ivanova, T. G. (2006). *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma. Istoricheskii ocherk*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 446 p.
- Kniga pamyati (dokumenty, khraryashchiesya v GARF)*, accessed Sept. 12, 2023, <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Bo.html#bo.5>
- Konechnyi, A. (2017). 'Kak vse nachinalos', *Literaturnyi fakt*, 4, 326–357.
- Loshchinskaya, N. V. (1982). 'Aleksandr Blok i Pushkinskii Dom', in: *Pushkinskii Dom. Stat'i. Dokumenty. Bibliografiya*. Leningrad: Nauka, 13–36.
- Maksimov, D. (1940). 'Aleksandr Blok (K 60-letiyu so dnya rozhdeniya)', *Leningradskaya Pravda*, 277 (Nov. 29), 4.
- '[Ob"yavlenie]' (1921), *Kniga i revolyutsiya*, 1 (13) (Dec. 1), 26.
- '[Ob"yavlenie]' (1921), *Zhizn' iskusstva*, 804 (Aug. 16–21), 6.
- '[Ob"yavlenie]' (1921), *Zhizn' iskusstva*, 810 (Sept. 27), 3.
- Ol'denburg, S. (1921). '«Ne mozhet serdtse zhit' pokoem»', *Nachala*, 1, 9–14.
- 'Pered blokovskimi dnyami' (1940), *Literaturnaya gazeta*, 58 (Nov. 24), 4.
- Sholomova, S. B. (1980). 'Za strochkami pisem — sud'ba. (Iz perepiski A. A. Bloka s G. P. Blokom)', *Zvezda*, 10, 178–183.
- 'Uvekovechenie pamyati A. A. Bloka' (1921), *Vestnik literatury*, 9 (33), 13.
- 'Vechera, posvyashchennye A. Bloku' (1940), *Literaturnaya gazeta*, 56 (Nov. 12), 1.
- Vlyublennye v Feta (2007): 'Pis'ma G. P. Bloka k B. A. Sadovskomu (1921–1922)', ed. S. V. Shumikhin, *Nashe nasledie*, 83–84, 84–111.
- Zil'bershtein, I. Z. (1978). 'O vstrechakh s Lyubov'yu Dmitrievnoi Blok i o sud'be khranivshegosya u nee arkhiva poeta', in: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Nauka. Vol. 89. Aleksandr Blok: Pis'ma k zhene, 381–390.

А. С. Александров

## ОТКЛИКИ КРИТИКОВ-ФЕЛЬЕТОНИСТОВ И «МЕДИЦИНСКИЙ ТЕКСТ»<sup>1</sup>

### Резюме

Предметом исследования являются статьи А. А. Измайлова, К. И. Чуковского, А. В. Амфитеатрова — ведущих критиков начала XX в., сотрудничавших с массовой периодической печатью. В статье рассматриваются примеры привлечения медицинского текста в фельетонной критике. Прослеживаются причины, по которым терминология из врачебной практики становится частью критики. Рассматриваются два типа откликов на художественные тексты, в которых появляется медицинская терминология. В работе выявляется эволюция взглядов критиков-фельетонистов на медицинский дискурс, в результате которой оказался возможен серьезный диалог медицины и литературы.

*Ключевые слова:* медицинский текст, фельетонная критика, рецензии, А. А. Измайлов, К. И. Чуковский, А. В. Амфитеатров

Alexander S. Alexandrov

## FEUILLETONISTS' CRITIQUE AND "MEDICAL TEXT"

### Abstract

This is a study of the use of medical text by Alexander A. Izmailov, Korney I. Chukovsky, and Alexander V. Amfiteatrov, leading Russian critics of the early 20th century, in feuilletons published in mass periodicals. The article considers two situations when critics used medical terminology in their critical responses to literary texts. One type of such a critique addressed literary texts that were related to medical issues and themselves contained medical terminology. In other cases, the use of medical terminology in critical responses was not called forth by the contents of the criticized texts. This study examines the reasons

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, в ИРЛИ РАН.



why the terminology associated with the practice of medicine became part of the critique. Moreover, this study reveals an evolution of the views of critics-feuilletonists on medical discourse and points out that this phenomenon gave rise to a serious dialogue between medicine and literature.

*Keywords:* medical text, feuilleton criticism, reviews, Alexander A. Izmailov, Korney I. Chukovsky, Alexander V. Amfiteatrov

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-120-126

**Н**а рубеже XIX—XX вв. заметную роль в литературном процессе играли критики, работавшие в массовой периодической печати в жанре фельетона. Среди ярких представителей этого направления — А. А. Измайлов, В. Ф. Боцяновский, А. В. Амфитеатров, К. И. Чуковский — сотрудники либеральных изданий начала XX в. (см.: [Александров]). Ориентируясь в своей деятельности на массовые слои городского населения, критики-фельетонисты стремились в своих статьях «„потрафить“ публике и ни на минуту не утомить ее внимания» [Измайлов 1901]. В погоне за занимательностью они прибегали к разным средствам выразительности и теоретическим поискам.

Фельетонисты постоянно заявляли, что языковой инструментарий в сфере литературной критики не готов к тем бурным переменам в художественной литературе, которые происходили на рубеже XIX—XX вв., требует определенной донастройки и корректив. А. А. Измайлов отмечал: «...мы еще только ищем терминов, еще нащупываем определения»; «...мы еще пользуемся услугами неуклюжих, лишенных гибкости, косолапых слов, и еще не уверены и дрожат наши ищущие руки» [Измайлов 1910, с. 217].

На рубеже веков возрос интерес литературы к медицинским темам — физиологии, различным болезненным проявлениям, патологиям. К тому же в это время особую популярность приобретают исследования врачей-практиков. Это работы И. Мюллера (1801—1858) — немецкого физиолога, проповедника здорового образа жизни, итальянского психиатра Ч. Ломброзо (1836—1909), а также врача-психиатра М. Нордау, и главным образом его книга «Вырождение» и др. исследования<sup>2</sup>. Среди работ отечественных врачей-практиков наибольшее влияние имели книги Н. Н. Баженова (1857—1923) «Психиатрические беседы на литературные и общественные темы» (1903) и «Символисты и декаденты: Психиатр. Этюд» (1899), В. Ф. Чижа (1855—1922), издавшего патографию «Болезнь Н. В. Гоголя» (1904)<sup>3</sup>. Труд

<sup>2</sup> Подробнее о влиянии идей Нордау см. в целом ряде работ, например: [Николози; Сироткина; Кубасов].

<sup>3</sup> О нем подробнее см.: [Сироткина, с. 30–42].

С. С. Корсакова (1854—1900) «Курс психиатрии» (1893), имевшийся в библиотеке А. П. Чехова, позволил М. С. Свифту проследить в образе главной героини рассказа «Душечка» симптомы психопатии [Свифт, с. 85—100]. Отметим также работы В. М. Бехтерева и его многочисленные публикации в газете «Биржевые ведомости». Общей психиатрии и медицине в целом, а также связи литературы и медицины посвящались многочисленные публичные лекции, отдельные печатные выступления как практикующих врачей, так и дилетантов.

В откликах литературных критиков, сотрудничавших с массовой периодической печатью, четко прослеживаются два типа включения медицинского текста в ткань рецензий.

С первым типом таких инкорпорирований мы сталкиваемся, когда литературное произведение непосредственно посвящено медицинской теме: конкретным патологическим проявлениям, социальным проблемам, связанным с врачебной практикой, и пр. В откликах на такие произведения медицинская терминология появляется прежде всего из-за тематики рецензируемого художественного произведения. Многочисленными диагнозами, подчас с натуралистичными описаниями хода болезни, пестрело отечественное литературно-художественное пространство: психические, невротические заболевания — психозы, неврозы, эпилепсия, лунатизм, шизофрения, паранойя («Мелкий бес», «Жалю смерти», «Тени» и др. произведения Ф. Сологуба, «Черные маски», «Проклятие зверя» Л. Андреева и многие др.); болезни, вызванные социальными проблемами, — туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм («Лесная топь» С. Н. Сергеева-Ценского, «Счастье» М. П. Арцыбашева и др.); инфекционные заболевания, сопровождающиеся нарушениями сознания на фоне сильной лихорадки и интоксикации, — тиф или «гнилая горячка» и «нервная горячка» и прочие всевозможные лихорадки («Лихорадка» А. Н. Толстого) и пр. Художественные произведения наполнились реальными и потенциальными пациентами, «мраморными столами клиник», описанием кабинетов дерматологов, подробными описаниями хода болезней. Критик А. А. Измайлов для определения художественных произведений, тематизировавших разные патологии, вводит понятие «патологическая беллетристика». В своей книге «Помрачение божков и новые кумиры», посвященной современным тенденциям в литературе, он помещает отдельную главу «У стола клиники. (Патологическая беллетристика)», где делает ряд важных замечаний и полемизирует с Нордау, предлагая взглянуть на тенденции в литературе с точки зрения не «вырождения», но неврастности: «На нашей памяти умный и злой парадоксалист подвел всю мировую жизнь под термин „вырождения“. Несравнимо более оказался бы прав тот,

кто взглянул бы на новое искусство и новую жизнь с точки зрения простой неврастении» [Измайлов 1910, с. 125–126]. И далее: «Страшные призраки гнусных болезней, высунувшись из углов калинкинских больниц и кабинетов дерматологов, силились обнять отвратительными объятиями гнойных рук русского литератора и с омерзительным кокетством кривили рот в улыбку, показывая зубы, едва держащиеся в источенных гниением деснах. Одевайте перчатки, когда вы собираетесь читать произведения, какие написал талант в союзе с медиками и сифилидологами!» [Измайлов 1910, с. 102].

Во втором случае медицинский текст в литературной критике становится частью разговора о литературе вне связи с тематикой произведения. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в откликах на ранние произведения модернистов, когда критики в своих обзорах пытались поставить диагноз новому течению в литературе. Отношение к новому искусству — поэтике «смутного, неопределенного» — как к продукту «больной психики» было характерным для писателей позитивистской направленности. Например, как отмечает Н. Ю. Грякалова, в публицистике А. В. Амфитеатрова «медицинскую оценку получили почти все писатели-модернисты, ставшие свидетелями мутации позитивистской эпистемы и отразившие этот процесс как на уровне разрабатываемых ими литературных стратегий, так и избираемых моделей жизненного поведения» [Грякалова, с. 55]. Измайлов неоднократно заявлял в своих статьях, что современная литература есть «клиническая литература». В статье с показательным заглавием «Неврастенический век и неврастеническая литература» автор пишет: «В своей парадоксальной книге Нордау назвал современный век веком вырождения. Медицинский термин — вот разгадка современных настроений, современного искусства и литературы» [Измайлов 1907, с. 3]. В откликах на драматические произведения Блока критик неоднократно вменял поэту расстройство ума, о чем впоследствии вспоминал без сожаления: «Иногда, как в „Балаганчике“ и „Незнакомке“, он так жестоко порывал со здравым смыслом, что становился вне критики, и я не сожалею о тех злых словах, какие не раз мне приходилось говорить о Блоке по поводу этих вещей» [Измайлов 1910, с. 221].

Медицинский текст в рецензиях критиков не отменял серьезного разговора о литературе. Такие примеры в литературной критике встречаются не только в рецензиях на произведения, в которых речь идет о всевозможных болезнях, а действующими лицами являются врачи и пациенты. Например, с помощью специальной терминологии литературные критики метафорически пытались актуализировать произведения современников.

Показательна в этом отношении статья К. И. Чуковского «Утешеньшико людишкам», посвященная «проклятым» вопросам русского общества:

бедности, несправедливости жизни — «вечной теме» произведений Горького. В фокусе критика «Детство», «На дне», рассказы 1912–1915 гг., вошедшие в сборник «По Руси», которые он сравнивает с «лечебником», усиливая анализ названных произведений проекцией на медицинскую ситуацию, при этом сам критический текст густо насыщается медицинской терминологией:

«С детства его так ошарашили человеческие раны и боли, что он чувствует их, как свои. Хоть как-нибудь облегчить, залечить! — только об этом и думает. Это стало его помешательством. Род человеческий болен, весь в язвах и омерзительных струпьях, а Горький, — лекарь, лечитель, целитель, — придумывает рецепт за рецептом и торопит, посылает в аптеку: скорее! иначе — беда!

Его книги — лечебники, собрание рецептов; недаром в его публицистике столько лекарских докторских слов:

- Общественная гигиена...
- Духовное оздоровление общества...
- Нездоровые нервы общества...
- Зараза...
- Болезни национальной психики.
- Болезни, воспитанные в русском человеке...

Таковы его ежеминутные термины.

Нужно вылечить, оздоровить людей: ведь они красавцы, таланты, святые! Уничтожьте нарывы, прыщи, покрывающие атлетическое тело народа, и вы увидите, как оно дивно-прекрасно. Оно и сейчас восхитительное, но запаршивлено от маятной жизни: ему нужны фельдшера, санитары. Горький один из таких: все свои идеи, доктрины всегда превращал в лекарства. Прописывал их пациенту, как порошки или мази. То пропишет анархизм, то — марксизм; то — нищезанятие, а то — коммунизм, но всегда убежден фанатически, что его последний рецепт — самый лучший: что он-то и спасет пациента.

И все его герои — вместе с ним — охвачены единственной мечтой: как бы излечить, исцелить. Они такие же врачи, как и он. Прочтите его книжку „По Руси“, вышедшую одновременно с „Детством“, там у каждого свой собственный рецепт и свой собственный метод лечения. (...) И каждый в одиночку из жалости выдумывает какую-нибудь свою панацею — свои припарки, примочки, чтобы залечить эти кровоточащие язвы или хоть на минуту анестезировать боль. Такие самозванные лекари маятно-живущих людей Горькому родственно-милы. Пусть их лекарства смешны и беспомощны...» (Чуковский, т. 7, с. 634–636). В этом отрывке Чуковский демонстрирует

блистательное владение медицинской терминологией, а представленный отзыв является ярким примером разъяснения идеи художественного произведения языком врачебного искусства.

Измайлову, например, «медицинский текст» помогает акцентировать внимание читателя на «шаблонности» «прикладных рассказов на темы революции», наводнившие редакции газет и журналов после событий 1905 года. Указывая на эту тенденцию в литературном процессе, критик отмечал: «В этих повестях и драмах „на заказ“ и „на вырез“ все совсем по-аптечному: прописан рецепт, указаны порции, *mixtur, detur, signatur!* За доктора — литературный фельдшер такой-то...» [Измайлов 1910, с. 59].

Таким образом, критики-фельетонисты, следя за новинками литературы, оказались вынуждены погрузиться в нюансы физиологии и клинической психологии, психиатрии. Осваивая новые области знания, журналисты невольно вынуждены были включать в свои отклики медицинские термины, следуя в этом за словесностью, активно осваивающей новые темы, актуализированные на рубеже XIX—XX вв. Критики поначалу, относясь в большинстве своем с недоверием к откровенным проявлениям натурализма, выразившимся в подробном описании всевозможных болезней, и реагируя на такие произведения порой резко саркастически, впоследствии включились в серьезный диалог медицины и литературы. А сам критический текст обогатился специальной лексикой, дефицит которой особо был ощутим в эпоху смены литературных направлений.

## Литература

- Александров — Александров А. С. «Фельетонная критика» в литературном процессе 1880-х — 1900-х гг. // Писатель — критика — читатель: Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX в.): Коллективная монография / Отв. ред. А. С. Александров. СПб.: Росток, 2021. С. 408–438.
- Грякалова — Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 382 с.
- Измайлов 1901 — Измайлов А. А. Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. № 309, 12 ноября. С. 1–3.
- Измайлов 1907 — Измайлов А. А. Литературные заметки: неврастенический век и неврастеническая литература: стихи И. Рукавишника // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. № 9798, 16 марта. С. 3.
- Измайлов 1910 — Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1910. 251 с.
- Кубасов — Кубасов А. В. Идея «вырождения» в поэтике и криптопоэтике А. П. Чехова // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 19 (3). С. 206–221.
- Николози — Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.

- Свифт — *Свифт М. С.* «Душечка»: Рассказ о любви неустойчивой личности // Диалог с Чеховым: Сб. науч. трудов в честь 70-летия В. Б. Катаева / Отв. ред. П. Н. Долженков. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 85–100.
- Сироткина — *Сироткина И.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века / Пер. с англ. автора. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 272 с.
- Чуковский — *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.

## References

- Aleksandrov, A. S. (2021). '«Fel'etonnaya kritika» v literaturnom protsesse 1880-kh — 1900-kh godov', in: A. S. Aleksandrov, ed. *Pisatel' — kritika — chitatel': Mekhanizmy formirovaniya literaturnoi reputatsii v Rossii vo vtoroi polovine XIX — pervoi treti XX veka*. Kollektivnaya monografiya. Saint Petersburg: Rostok, 408–438.
- Chukovskii, K. I. (2012–2013). *Sobranie sochinenii*. 15 vols. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd.
- Gryakalova, N. Yu. (2008). *Chelovek moderna: biografiya — refleksiya — pis'mo*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 382 p.
- Izmailov, A. A. (1901) 'Literaturnye zametki', *Birzhevye vedomosti*, 309 (Nov. 12), 1–3.
- Izmailov, A. A. (1907). 'Literaturnye zametki: nevrastenicheskii vek i nevrastenicheskaya literatura: stikhi I. Rukavishnikova', *Birzhevye vedomosti. Utrennii vypusk*, 9798 (March 16), 3.
- Izmailov, A. A. (1910). *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry: Kniga o novykh veyaniyakh v literature*. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina, 251 p.
- Kubasov, A. V. (2021). 'Ideya «vyrozhdeniya» v poetike i kriptopoetike A. P. Chekhova', *Problemy istoricheskoi poetiki*, 19 (3), 206–221.
- Nikolozzi, R. (2019). *Vyrozhdenie: literatura i psikhatriya v russkoi kul'ture kontsa XIX veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 512 p.
- Sirotkina, I. (2008). *Klassiki i psikhiatry: Psikhatriya v rossiiskoi kul'ture kontsa XIX — nachala XX veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 272 p.
- Svift, M. S. (2009). '«Dushechka»: Rasskaz o lyubvi neustoichivoi lichnosti', in: P. N. Dolzhenkov, ed. *Dialog s Chekhovym: Sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya V. B. Kataeva*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 85–100.

С. В. Березкина, Н. Л. Дмитриева

О ЗНАКОМСТВЕ Д. Н. БЛУДОВА С Н. М. КАРАМЗИНЫМ  
(ПО ПИСЬМАМ К В. А. ЖУКОВСКОМУ 1804 Г.)

*Вступительная статья и комментарии С. В. Березкиной.  
Подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой.*

Резюме

В статье рассматривается история знакомства с Н. М. Карамзиным Д. Н. Блудова в 1804 г. с внесением в его биографию важной хронологической поправки. Основой для пересмотра этого эпизода являются неопубликованные письма Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому 1804 г. Личное знакомство с Карамзиным изменило отношение к нему молодого Блудова, которое можно охарактеризовать как антикарамзинизм. Неприятие сентиментализма затрагивало Карамзина как главу литературного направления и обнаруживало созвучность настроений Блудова декларациям членов московского Дружеского литературного общества. Жуковский остановил первоначальные планы Блудова включиться в антисентименталистскую литературную полемику и сыграл ключевую роль в истории его знакомства с Карамзиным.

*Ключевые слова:* биография Д. Н. Блудова и В. А. Жуковского, переписка, русский сентиментализм, литературная полемика с сентименталистами

## Svetlana V. Berezkina, Nina L. Dmitrieva

### DMITRY N. BLUDOV'S ACQUAINTANCE WITH NIKOLAY M. KARAMZIN (BASED ON BLUDOV'S LETTERS TO VASILY A. ZHUKOVSKY FROM THE YEAR 1804)

*Introductory article and comments by Svetlana V. Berezkina.  
Text preparation by Svetlana V. Berezkina and Nina L. Dmitrieva.*

#### Abstract

This article introduces the reader to the letters Dmitry N. Bludov wrote to Vasily A. Zhukovsky in 1804 and includes the publication of these letters with an accompanying commentary. The article reconsiders the history of Bludov's acquaintance with Nikolay M. Karamzin and presents an important chronological revision regarding Bludov's biography. His personal acquaintance with the man changed the attitude of the young Bludov towards Karamzin. Bludov's letters reveal that his literary taste was in tune with the declarations of the members of the Friends Literary Society in Moscow, and initially his rejection of sentimentalism entailed a hostile attitude towards Karamzin as the head of this literary movement. Zhukovsky, however, dissuaded Bludov from engaging in literary polemics against sentimentalism and helped Bludov in making Karamzin's acquaintance.

*Keywords:* biography of Dmitry N. Bludov, biography of Vasily A. Zhukovsky, correspondence, Russian sentimentalism, literary controversy about sentimentalism

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-127-140

Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) стал значимым персонажем многих научных работ последнего тридцатилетия, в том числе диссертационных, связанных с его разнообразной служебной деятельностью и широчайшим спектром тех исторических процессов и событий, к которым он был причастен, см.: [Долгих; Ружицкая 2009, с. 108–156; Ружицкая 2015, по указ.; Ружицкая 2018, по указ.]. Для историков литературы Блудов интересен в первую очередь как член общества «Арзамас» (1815–1818), нареченный в нем Кассандрой, см.: [«Арзамас»; Майофис 2008, с. 348–365, 479–486, 737–741 и др.]. В «послеарзамасские» годы творческие занятия Блудова ограничивались историческими работами, связанными как с изданием в 1828 г. посмертного тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, так и статьями по материалам Государственного архива, опубликованными после его смерти, см.: [Песков]. Большой интерес для историков литературы имеют его работы, написанные по заданию правительства и вызванные такими важными историческими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.



Знакомство с Карамзиным было одним из самых ярких эпизодов в жизни молодого Блудова, оставившим в нем неизгладимое впечатление. Е. П. Ковалевский относил его к 1805 г.: «Дмитрий Николаевич любил вспоминать об этом первом знакомстве, прибавляя, что ни прежде, ни после того ни одна личность не произвела на него такого глубокого впечатления (...) Он воротился домой очарованный беседою ученого историографа, столько же как и его простым открытым обхождением, и некоторое время находился в каком-то лихорадочном состоянии. С тех пор Дмитрий Николаевич искал уже встречи с Карамзиным; он бывал у него всякий раз, как приезжал в Москву...» [Ковалевский, с. 40].

В современной работе сделана к сообщению Ковалевского поправка с опорой на вновь обнаруженные воспоминания К. С. Сербиновича (1796—1874), в которых утверждалось, что знакомство Блудова с Карамзиным произошло в 1804 г. [Беспалова, с. 43—45]. Сопоставление с разного рода эпистолярно-биографическими материалами, проведенное нами, позволяет заключить, что это могло произойти только осенью 1804 г., во время приезда в Москву Жуковского, который и ввел Блудова в дом Карамзина. В следующем, 1805 г. пути Жуковского и Блудова в Москве не пересекались.

Свидетельства об этом знакомстве мы находим в неопубликованных письмах Блудова к Жуковскому за 1804 г. Неожиданным открытием при знакомстве с ними становится... антикарамзинизм их девятнадцатилетнего автора. Он не может быть понят без учета отношения к Карамзину членов Дружеского литературного общества, собиравшегося в Москве в 1801 г. Это был узкий кружок выпускников Университетского благородного пансиона, в который Блудов не входил, но, как это видно из его писем к Жуковскому 1802 г., был близок приятельски со всеми его членами. Нараставшая оппозиция тому направлению в русской литературе, которое А. С. Кайсаров, самый яркий его критик, называл «пустым карамзинизмом» [Архив бр. Тургеневых, с. 15; см. также с. 72, 76—79, 81 и др.], поддерживалась выступлениями других членов общества, таких как Андрей Тургенев, А. Ф. Мерзляков, А. Ф. Воейков (об этой стороне деятельности Дружеского литературного общества см.: [Резанов, с. 147—148; Лотман, с. 18—76; Вацуро, Виролайнен, с. 354—357]). Впервые, что важно, в круг критиков Карамзина попадает молодой Блудов, которого Н. И. Греч впоследствии характеризовал в своих воспоминаниях как «самого иступленного карамзиниста» [Греч, с. 494—495]. «И в литературной, и в более общей духовной области, — пишет В. Э. Вацуро, — участники Дружеского литературного общества ощущали себя как единство, противопоставленное не только „карамзинистам“, но во многом и самому Карамзину. П. И. Шаликов, В. В. Измайлов для них —

образцы „ложной чувствительности“» [Вацуро, с. 23]; см. также: [Вацуро, с. 20–36] с литературой по этой теме.

Неприятие сентиментализма во всех его формах было в высшей степени характерно для молодого Блудова, разделявшего самые острые выступления против карамзинского литературного направления, которые звучали в Дружеском литературном обществе. Блудов пытался найти поддержку у Жуковского, обратившись в конце 1802 г. к сочинению комедии «Чувствительный», которая, как убеждал автор, была направлена не против Карамзина. Об этой комедии Блудов неоднократно писал Жуковскому в начале 1803 г. [см.: Березкина, с. 42–47], ему же послал и подробный план двух действий комедии (опубликован, с ошибочным отнесением комедии к 1805–1808 гг., в изд.: [Майофис 2002, с. 289–294]; см. также: [Майофис 2008, с. 356–359]). Замысел комедии имел ряд достоинств, который мог обеспечить ей успех у зрителей. Более того, работа над ней свидетельствовала о хорошем чутье молодого автора, подводившего его к свежей и актуальной для русской сцены проблематике. Замысел Блудова, что удивительно, значительно опережал антисентименталистскую комедию «Новый Стерн» (1805) кн. А. А. Шаховского, весьма восприимчивого ко всему, что сулило театральный успех. Можно не сомневаться, что работу Блудова над комедией «Чувствительный» остановил в 1803 г. именно Жуковский. Он не мог отнестись благосклонно к замыслу, задевавшему литературное направление, которому дал свое имя Карамзин. Думается, после знакомства с Карамзиным Блудов оценил позицию Жуковского в решении участи начатой им комедии.

В начале 1804 г. в упоминаниях Блудова о Карамзине в письмах к Жуковскому продолжала сквозить насмешка, как, например, в публикуемом ниже полностью письме от 1 февраля: «Что подельвает г. Карамзин? Правда ли, что он пишет историю России? Правда ли, что он снова женился?» Карамзин был пожалован в историографы императорским указом 31 октября 1803 г., и это событие могло напомнить Блудову о герое некогда начатой им комедии «Чувствительный», который с гордостью говорил родителям своей избранницы о своих «глубоких замечаниях для России» и скором знакомстве с ними государя. Тон же вопрошения Блудова о свадьбе намекал, как нам представляется, на пародийное «Описание бракосочетания господина К(арамзина)» А. С. Кайсарова, созданное в пору Дружеского литературного общества: это была «вольная юмористическая персифляция церковного обряда бракосочетания, написанная литературным тоном нежно-чувствительного настроения, в котором, однако, чувствуется ирония, дерзновенное осмеяние сентиментального карамзинского стиля» [Резанов, с. 150].

Письмо от 1 февраля 1804 г. было важной вехой в истории взаимоотношений Блудова с Жуковским, поскольку оно свидетельствовало об окончании их размолвки, продолжавшейся полгода. Она была вызвана тем, что Блудов не отправил ему из Петербурга письмо с сообщением о смерти Андрея Тургенева, скончавшегося 8 июля 1803 г. на квартире, где они в это время проживали совместно. В письме от 21 января 1804 г. Жуковский призвал Блудова чаще посещать могилу Тургенева: «Нужно ненавидеть сентиментальность, но нужно питать свою чувствительность, потому что без нее мир, даже жизнь, есть лишь небытие» [Жуковский, т. 15, с. 21]. Это высказывание можно считать отголоском того, что было высказано Жуковским в связи с задуманной Блудовым комедией «Чувствительный».

Первый визит Блудова к Карамзину состоялся поздней осенью 1804 г., когда он приехал в Москву в связи с болезнью матери. Визит вызвал у него большое волнение, о чем свидетельствует письмо к Жуковскому, которое мы относим к началу 20-х чисел октября 1804 г.: «Нет, любезный друг, — писал Блудов, — боюсь быть нескромным и лучше хочу лишиться приятного знакомства, нежели кому-нибудь доставить знакомство скучное» (ниже письмо публикуется в полном виде). Несомненно, именно с этим намечавшимся визитом связана известная в печати записка к Жуковскому Карамзина, который отклонил знакомство с каким-то из его приятелей: «Я всякую минуту ожидаю, что моя жена родит. Приезжайте к нам завтра обедать, если Вам можно; и тогда мы уговоримся, когда Ваш приятель сможет сделать мне честь своим посещением» [Из бумаг Жуковского, стб. 1682]. Ожидавшееся событие (рождение дочери Натальи) совершилось 31 октября 1804 г., и ко времени после этой даты относятся две другие записки Блудова, свидетельствовавшие о его посещениях дома Карамзина. Известно, что уже в начале 1805 г. Блудов писал Карамзину, но переписка у них какое-то время не складывалась. 9 апреля 1805 г. Карамзин просил Жуковского передать Блудову извинение за свое «долговременное молчание» [Из бумаг Жуковского, стб. 1683]. Все это можно рассматривать как прелюдию, вводившую рассказ о жизни Блудова в русло того пиетета к Карамзину, который сопровождал его в дальнейшем на протяжении всей жизни.

Письма Блудова к Жуковскому печатаются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (№ 21823. Л. 21—21 об., 44, 45, 43, 34—35 об.). Последнее письмо, не содержащее упоминания Карамзина, включено в публикацию, поскольку оно подтверждает правильность датировки московских записок Блудова. Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствии с современными нормами, но с сохранением некоторых особенностей оригинала.

1

1 февраля 1804. Петербург

1 Février

Bien des grâces pour votre lettre: je l'ai trouvée bien courte; surtout vu le temps qu'elle s'est fait attendre. En revanche je l'ai relue bien des fois; pour moi-même et pour tous ceux qui vous connaissent, et je prenois toutes sortes de pretextes pour la relire. Moquez-vous de cela, si vous voulez, mais c'est la vérité pure. C'est ainsi que je suis fait, je n'aime rien qu'avec transport; mes amis sont pour moi, ce qu'à peine seroit une maîtresse pour les autres. Mais que dis-je mes amis! Je serois bien embarrassé d'expliquer ce pluriel. Enfin tranchons d'inutiles discours; j'ai bien mal à la tête, et je sens que ma lettre s'en sentira. Vous avez déjà lu des sottises, apprenez-vous à en lire bien d'autres. Je reviens d'un opéra françois, j'y ai vu débiter une nouvelle actrice et jamais encore je ne me suis ennuyé si fort; pas même aux lectures de *Tchebyshoff*. Votre lettre m'a appris quelque chose sur vous: mais vous avez oublié une chose essentielle c'est de me donner votre adresse ; Où êtes-vous, à Moscou ou à Belieff. Que fait Mr. de Karamsine? Est-il vrai qu'il est historiographe de Russie? Est-il vrai qu'il est remarié? J'attends avec impatience le dernier numéro de son journal, surtout depuis votre lettre. Je m'attends à quelque chose de bon, et je suis sûr que la *nouvelle de Vadim* fera oublier la tragédie. Mais pourquoi avez-vous abandonné votre poème: *Марьина роща*. Le nom devoit vous intéresser davantage: j'en promettois beaucoup de plaisir; j'en promettois à tout le monde et vous trompez ainsi les gens. Mais pardon, mon cher ami, mon mal de tête devient affreux; je ne puis plus vous rien dire, si ce n'est de vous prier de m'écrire au plus vite. Ecrivons-nous sans règle et plus souvent qu'une fois de mois. C'est trop rare. N'abusez pas surtout (vous qui avez pris le trente) de privilège que vous donne ce mois composé de 29 jours. Adieu, mon cher, jeudi je vous écris une lettre plus longue si je puis. Répondez-moi. Adieu.

Je m'adresse encore à Бошняк pour vous remettre ma lettre. Excusez-moi devant lui et faites lui mes compliments.

*Перевод:*

1 февраля<sup>1</sup>

Очень признателен за твое письмо: я его нашел слишком коротким; особенно принимая во внимание, сколько времени его пришлось ждать<sup>2</sup>. Воздаяние того я его перечел много раз; как для себя, так и для всех тех, кто тебя знает, и придумывал разные предлоги, чтобы его снова перечитывать. Можешь смеяться, если хочешь, но это чистая правда. Таков уж я, я ко всему

отношусь с чувством; едва ли кто так ценит свою возлюбленную, как я — моих друзей. Но что это я говорю «моих друзей»! Мне было бы затруднительно объяснить это множественное число. Словом, прекратим бесполезные разговоры; у меня очень болит голова, и чувствую, это заметно по моему письму. Ты уже начитался глупостей, приготовься прочитать еще много других. Только что вернулся из французской оперы, видел дебют новой актрисы и никогда так сильно не скучал, даже на лекциях *Чебышёва*<sup>3</sup>. Из твоего письма я кое-что о тебе узнал, но ты забыл главное — дать мне свой адрес. Ты где, в Москве или в Белеве?<sup>4</sup> Что подделывает г. Карамзин? Правда ли, что он пишет историю России?<sup>5</sup> Правда ли, что он снова женился?<sup>6</sup> С нетерпением жду последний номер его журнала, особенно после твоего письма. Ожидаю чего-нибудь хорошего, я уверен, что *повесть о Вадиме* заставит забыть трагедию<sup>7</sup>. Но почему ты забросил свою поэму *Марьина роща*?<sup>8</sup> Название должно бы особенно тебя завлекать: я ждал тут много удовольствия и другим обещал, а ты обманываешь людей. Однако извини, дорогой друг, моя головная боль делается ужасной; не могу ничего больше тебе написать, только лишь просить тебя отвечать мне скорее. Давай писать друг другу, не следуя правилам, и чаще, чем раз в месяц. Это слишком редко. А главное, не злоупотребляй (тебе достался месяц из тридцати дней) преимуществом, которое тебе представляет месяц, состоящий из 29 дней<sup>9</sup>. Прощай, мой дорогой, в четверг напишу письмо подлиннее, если смогу. Отвечай мне. Прощай.

Я снова адресуюсь к Бошняку, чтобы передать мое письмо. Извинись за меня перед ним и кланяйся ему.

<sup>1</sup> Год написания письма определяется по сообщениям, во-первых, о женитьбе Карамзина, а во-вторых, о том, что он был високосный.

<sup>2</sup> Имеется в виду письмо Жуковского к Блудову от 21 января 1804 г. [Жуковский, т. 15, с. 20–22].

<sup>3</sup> Лицо неустановленное. Какого-то Чебышева Жуковский упомянул в плане автобиографических записок о московском периоде своей жизни (начало 1800-х гг.) (см. [Жуковский, т. 13, с. 33]).

<sup>4</sup> Ср. в письме Жуковского: «...я строюсь и даже начал строить дом в Белеве...» [Жуковский, т. 15, с. 21] (ориг. по-фр.).

<sup>5</sup> См. во вступ. ст., с. 130.

<sup>6</sup> 8 января 1804 г. Карамзин женился на Екатерине Андреевне Колывановой, побочной дочери князя А. И. Вяземского (первая его жена умерла в 1802 г.). О скрытой иронии в вопросе Блудова о женитьбе Карамзина см. во вступ. ст., с. 130.

<sup>7</sup> Речь идет о письме Жуковского от 21 января 1804 г., в котором он сообщал Блудову о публикации в «Вестнике Европы» (1803. Ч. 12. № 23–24) своей повести «Вадим Новгородский». Отвечая ему, Блудов напомнил об одноименной трагедии Я. Б. Княжнина (1789; опубл. 1793). В августе 1804 г. Жуковский писал Блудову: «А „Вадима“ я бросил; мне все говорят, что он есть подражание „Марфы Посадницы“. Не хочу выходить на сцену подражателем, даже толковым» [Жуковский, т. 15, с. 24].

<sup>8</sup> Повесть «Марына роцца» была напечатана Жуковским в 1809 г. Первое упоминание о ней с цитацией двух стихов, не оставивших, однако, следа в окончательном тексте, обнаруживается в письме Жуковского к И. П. Тургеневу от 11 августа 1803 г. [Жуковский, т. 15, с. 17]. Письмо Блудова дает ценные дополнительные сведения об истории повести: во-первых, к 1804 г. она была не просто написана в какой-то своей части, но уже и оставлена автором, который ее «забросил», а во-вторых, «Марына роцца» на этом этапе была, по-видимому, стихотворной, о чем можно заключить по именованию ее в письме поэмой (ср.: [Жуковский, т. 10 (2), с. 597–598]).

<sup>9</sup> Ср. в письме Жуковского от 21 января 1804 г.: «...будем писать друг другу раз в месяц (...) На себя я беру 30 число каждого месяца, а ты бери 15...» [Жуковский, т. 15, с. 22] (ориг. по-фр.).

## 2

### *(Начало 20-х чисел октября 1804 г. Москва)*

Нет, любезный друг, боюсь быть нескромным и лучше хочу лишиться себя приятного знакомства, нежели кому-нибудь доставить знакомство скучное<sup>1</sup>. Если б Карамзин жил один так, как Дмитриев, тогда бы в самом деле моя привязанность к его сочинениям дала мне право к нему приехать, но *Ка(терина) Ан(дреевна)* и *князь* не должны страдать за чужую славу<sup>2</sup>. Если, однако ж, ты сегодня без всякой аффектации найдешь случай выпросить у нее позволения для меня, то чувствительно одолжишь своего друга. Поедем завтра к Дмитриеву. А сегодня ввечеру я постараюсь быть у тебя.

<sup>1</sup> Речь идет о представлении Блудова Карамзину через посредничество Жуковского — см. во вступ. ст., с. 131.

<sup>2</sup> В письме Блудова упоминаются следующие лица: не обремененный семьей поэт Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), жена Николая Михайловича Екатерина Андреевна Карамзина (1780–1851) и ее отец (она была его побочной дочерью) князь Андрей Иванович Вяземский (1754–1807), который в это время был уже вдовцом (в противном случае церемонный Блудов упомянул бы еще и княгиню).

## 3

### *Конец ноября 1804 г. Москва*

Вот тебе моя брючина: скажи, на что она тебе; скажи, в котором часу мы должны ехать к Карамзину. Я остаюсь в Москве, до 5 или 6-го числа, постараюсь окончить дифирамб к этому времени<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Записка продолжает тему знакомства Блудова с Карамзиным — см. примеч. к письму от начала 20-х чисел октября 1804 г. Она датируется по сообщениям, которые подтверждаются в следующем письме Блудова к Жуковскому, написанном из Петербурга: во-первых, это указание в записке на свой отъезд из Москвы «5 или 6-го числа» декабря (ср. в его письме от 12 января 1805 г.: «...после моего отъезда; знаешь ли ты, что прошло больше месяца...»), во-вторых, прозвучавшая в записке просьба окончить стихотворение, которое Блудов называет «дифирамбом»

и которое, как следует из его письма от 12 января 1805 г., поэт так и не завершил к его отъезду (см. примеч. 6 к этому письму).

4

*12 января 1805. Петербург*

Le 12 Janvier

Oh! Mon cher, mon bon ami: j'avois tant de choses à vous dire, mais j'ai déjà écrit tant de lettres, et il m'en reste encore tant d'autres, que vraiment je ne vous dirai rien, ou à peu près.

Je te dirai donc d'abord, que tu es un homme dénaturé! Comment ne pas m'écrire depuis mon départ; sais tu bien qu'il y a plus d'un mois. Je ne t'ai pas écrit non plus: mais quelle différence! La fatigue du voyage, le service, la société, les théâtres, l'amour et surtout les lettres, dont j'ai toujours une quantité incroyable à expédier: tout cela peut bien empêcher d'écrire, surtout à quelqu'un qui de son côté garde le silence. Mais toi! qui grâce au ciel, n'es pas au service et grâce au ciel n'es pas amoureux, tu n'as pas de raisons à me donner de ce silence détestable. Vraiment je ne connois que ta mort qui puisse t'excuser. Il faut bien en ce cas que je te désire sans excuses. Oui, mon ami, sois impardonnable tant que tu voudras, je te le pardonnerai toujours, pourvu que tu ne cesse pas de m'aimer, et j'ose l'espérer. A ça! Je babille déjà trop. Je ne veux pas parler aujourd'hui pour moi, mais seulement pour mon cousin Ozeroff. Il a voulu vous écrire, mais il ne l'a pu étant parti subitement pour la campagne. Vous avez reçu le manuscrit corrigé de sa tragédie, qui fait ici beaucoup de bruit, et qui selon moi le mérite à beaucoup d'égards. Portez-le, ce manuscrit à Volconsqui: dites que l'auteur consent à prendre la seconde présentation pour bénéfice, qu'il s'en remet entièrement au Prince lui-même pour la recette et qu'il le prie de donner la somme qu'elle fera à ma mère. Tu vois, mon ami, que tu auras bien moins d'embarras que tu n'as cru. Fais moi savoir tout ce que le Prince te dira; quand la pièce pourra être jouée, quels acteurs la joueront; tous ces détails feront grand plaisir à l'auteur et à moi aussi par conséquent. Adieu! Mon ami, écris-moi, parle-moi de ton dithyrambe, sais tu bien qu'en le relisant ici je l'ai trouvé encore plus charmant; que même le commencement de la tirade que j'ai critiquée est fort bien, jusqu'à ces vers:

Во мраке сих лесов убежище Сильвана.

Adieu, encore une fois, mon cher frère, et mon cher confrère, travaille bien, attrape la gloire, mais ne quitte pas ton ami, aime le, comme il t'aime. Tu m'aimeras beaucoup.

Prend garde à mon cachet, il t'apprendra que mes sentiments ne changent pas.

*Перевод:*

12 января<sup>1</sup>

О мой дорогой, добрый друг! Мне столько всего надо было тебе сказать, но я написал уже столько писем и еще столько должен написать, что, по правде говоря, ничего тебе и не скажу, или почти ничего.

Во-первых, скажу тебе, что ты жестокосердый человек! Как не написать мне после моего отъезда; знаешь ли ты, что прошло больше месяца<sup>2</sup>. Я тебе тоже не написал: но это совсем другое дело! Усталость после путешествия, служба, общество, театры, любовь и, главное, письма, которые мне постоянно нужно отправлять в немыслимых количествах. Все это мешает мне писать, особенно тому, кто со своей стороны хранит молчание. Но ты! Ты, который, благодарение небу, не служишь и, благодарение небу, не влюблен, ты не можешь назвать мне причины твоего гнусного молчания. Право, только если б ты умер, это было бы извинением. В таком случае я жду твоего ответа без извинений. Да, мой друг, оставайся непрощенным сколько захочешь, но я тебя всегда извиню, лишь бы ты не перестал меня любить, на что я осмеливаюсь надеяться. Так, я слишком разболтался! Не хочу сегодня говорить о себе, а только о моем кузене Озерове. Он хотел тебе написать, но не смог, потому что внезапно уехал в деревню. Ты получил исправленную рукопись его трагедии, о которой здесь много говорят и которая, на мой взгляд, этого заслуживает во многих отношениях. Отнеси эту рукопись Волконскому<sup>3</sup>: скажи, что автор согласен взять второе представление для бенефиса, что он полностью полагается на самого князя в том, что касается сборов, и просит его отдать сумму, которая получится, моей матери<sup>4</sup>. Видишь, мой друг, у тебя будет не так много забот, как ты думал. Сообщи мне, что тебе скажет князь; когда пьеса может быть сыграна<sup>5</sup>, какие актеры будут в ней играть; все эти подробности доставят большое удовольствие автору и, следовательно, мне. Прощай! Друг мой, пиши мне, расскажи мне о твоём Дифирамбе, знаешь, перечитывая его здесь, я нашел его еще более прелестным, и даже начало тирады, которое я критиковал, очень хорошо, до этих стихов:

Во мраке сих лесов убежище Сильвана<sup>6</sup>.

Прощай еще раз, мой дорогой брат и мой дорогой собрат, трудись, завоюй славу, но не бросай своего друга, люби его, как он тебя любит. Ты станешь много меня любить.



Обрати внимание на мою печатку, она подтвердит, что мои чувства неизменны.

<sup>1</sup> Год определяется по ответному письму Жуковского к Блудову, в котором он дал отчет о данном ему поручении в связи с рукописью В. А. Озерова (см. ниже). Письмо с отчетом Жуковского отнесено к маю — июню 1805 г. в изд.: [Жуковский, т. 15, с. 25–26, 608–609]; судя по письму Блудова от 12 января 1805 г., датировку письма Жуковского можно ограничить маем 1805 г.

<sup>2</sup> Имеется в виду отъезд Блудова из Москвы 5–6 декабря 1804 г. (см. примеч. к письму от конца ноября 1804 г.).

<sup>3</sup> Речь идет о трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», вышедшей отдельным изданием в Петербурге в 1805 г. Однако к Жуковскому для передачи директору театра при Воспитательном доме кн. М. П. Волконскому была отправлена не книга (так в примеч. к письму: [Жуковский, т. 15, с. 608]), а исправленная рукопись трагедии для ее постановки в Москве. Жуковский не смог выполнить поручение Блудова, о чем написал ему в мае 1805 г.: «Теперь скажу тебе несколько слов об „Эдипе“ Озерова (...) Ты прислал его ко мне в Москву, когда я был в деревне. Тургенев, не Александр, но Николай, тотчас отправил его ко мне в Белев, но его не приняли на почте (...) Николай Тургенев оставил его на почте у одного своего знакомого, который дал ему слово прислать его ко мне. Между тем я приезжаю (в Москву); спрашиваю об „Эдипе“, сказывают, что он на почте (...) Этого человека, у которого он остался, нет; я через два дня после моего приезда в Москву уезжаю в Петербург, давши комиссию Николаю Тургеневу взять „Эдипа“ у своего знакомого и отдать его Волконскому (...) в уверении, что пиеса, конечно, отдана Волконскому, я сказал Владиславу А(лександровичу), что ее отдал; но приезжаю в Москву и узнаю, что пиеса не взята, что этот человек, которому ее отдали, в Рязани, что он приедет скоро (...) Между тем Тургеневы уехали в Липецк; следовательно, „Эдип“ не прежде возвратится, как по их возвращении. Скажи это всё Вл(адиславу) Алекс(андровичу) и скажи ему, ради Бога, что я ни в чем не виноват (...) Представление, однако ж, отложено до зимы» [Жуковский, т. 15, с. 25–26].

<sup>4</sup> Антонина Воиновна Блудова (1754–1807), урожд. Тишина (см.: [Шилов, с. 89]). Е. П. Ковалевский называл мать Блудова Екатериной Ермолаевной [Ковалевский, с. 9].

<sup>5</sup> Московская премьера состоялась в Петровском театре 27 сентября 1805 г. (см.: [Жуковский, т. 15, с. 608]).

<sup>6</sup> Приведенный Блудовым стих: «Во мраке сих лесов убежище Сильвана» — отсутствует в известных ныне текстах Жуковского, в том числе среди вариантов и редакций. Блудов относит его к «Дифирамбу», что можно было бы связать с «Отрывком из Делилева Дифирамба на бессмертие души» Жуковского, опубликованным в 1807 г., однако в самом стихотворении Ж. Делиля, т. е. в оригинале, откуда Жуковский взял отрывок для перевода, опорного стиха о Сильване и «мраке сих лесов» не имеется. Можно предположить, что «Дифирамбом» Блудов называет программное стихотворение Жуковского «К поэзии», начинавшееся с обращения: «Чудесный дар богов!». Работа над ним была завершена в декабре 1804 г., и Блудов, действительно, уехал из Москвы, не дождавшись его окончания. Ср.: [Жуковский, т. 1, с. 444], где стихотворению дана узкая датировка «декабрь 1804 г.» по первой публикации и помете в одной из копий. Письмо Блудова от 12 января 1805 г. позволяет заключить, что стихотворение было начато в ноябре 1804 г. (о том же свидетельствует и записка Блудова от конца ноября 1804 г.). Критическое замечание Блудова было учтено Жуковским, и в стихах дифирамба «К поэзии» с упоминанием леса и «мирного луга», о которых поет «лапландец, дикий сын снегов», фигурировал уже не Сильван с его «убежищем», а «возы, скрипящи под снопами» [Жуковский, т. 1, с. 62].

## Источники

РО ИРЛИ. № 21823. Письма (29) Д. Н. Блудова В. А. Жуковскому, 1801–1817.

## Литература

- «Арзамас» — «Арзамас»: Сборник в 2 кн. / [Сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацууро и др.]. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 1. 606 с.; Кн. 2. 639 с.
- Архив бр. Тургеневых — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804) и письма его к А. С. Кайсарову и друзьям в Геттинген 1805–1811 гг. / Введ. и примеч. В. М. Истрина. 527 с.
- Березкина — *Березкина С. В.* Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В. А. Жуковскому 1802–1804 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 41–49.
- Беспалова — *Беспалова Е. К.* «Прямой наследник Н. М. Карамзина» Дмитрий Николаевич Блудов // Карамзинский сборник: «История государства Российского» Н. М. Карамзина в контексте русской и мировой культуры: К 200-летию выхода в свет первых восьми томов «Истории государства Российского»: Сб материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск: Арт-Бюро, 2019. С. 39–63.
- Вацууро — *Вацууро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с.
- Вацууро, Виротайнен — *Вацууро В. Э., Виротайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987. С. 350–431.
- Греч — *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. 896 с.
- Долгих — *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. 340 с.
- Жуковский — *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999–2023. Т. 1–17 (1). [Изд. продолжается].
- Из бумаг Жуковского — *Е. К.* Из бумаг В. А. Жуковского: Письма Карамзина // Русский архив. 1870. № 8/9. Стб. 1682–1689.
- Ковалевский — *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб.: Тип. Второго отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1866. 259 с.
- Лотман — *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. 190 с. (Tartu riikliku ülikooli toimetised = Ученые записки Тартуского государственного университета; Вып. 63).
- Майофис 2002 — *Майофис М. Л.* Консервативное крыло общества «Арзамас»: Литературная и общественно-политическая позиция С. С. Уварова, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 328 с.
- Майофис 2008 — *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 799 с.
- Песков — *Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 283–284.
- Резанов — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб.: Сенат. тип., 1906. Вып. 1. 362 с.

- Ружицкая 2009 — *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия: (1800–1860-е гг.) / ИРИ РАН. М.: Ин-т рос. истории, 2009. 340 с.
- Ружицкая 2015 — *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. М.; СПб.: Центр гуманит. инициативы, 2015. 357 с.
- Ружицкая 2018 — *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования / ИРИ РАН. М.; СПб.: Центр гуманит. инициативы, 2018. 310 с.
- Шилов — *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиогр. справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 830 с.

## References

- Arkhiv brat'ev Turgenevykh (1911). Vol. 2. Pis'ma i dnevnik Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804) i pis'ma ego k A. S. Kaisarovu i druz'yam v Gettingen 1805–1811 godov, ed. V. M. Istrin. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 527 p.
- Berezkina, S. V. (2022). 'Teatral'nye zamysly molodogo Dmitriya Bludova (po neopublikovannym pis'mam k V. A. Zhukovskomu 1802–1804)', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 479, 41–49.
- Bespalova, E. K. (2019). 'Pryamoii naslednik N. M. Karamzina Dmitrii Nikolaevich Bludov', in: *Karamzinskii sbornik. «Istoriya gosudarstva Rossiiskogo» N. M. Karamzina v kontekste russkoi i mirovoi kul'tury. K 200-letiyu vykhoda v svet pervykh vos'mi tomov «Istorii gosudarstva Rossiiskogo»: Sbornik materialov.* Ul'yanovsk: Art-Byuro, 39–63.
- Dolgikh, E. V. (2006). *K probleme mentaliteta rossiiskoi administrativnoi elity pervoi poloviny XIX veka: M. A. Korf, D. N. Bludov.* Moscow: Indrik, 340 p.
- E. K. (1870). 'Iz bumag V. A. Zhukovskogo. Pis'ma Karamzina', *Russkii arkhiv*, 8/9, col. 1682–1689.
- Grech, N. I. (1930). *Zapiski o moei zhizni.* Moscow; Leningrad: Academia, 896 p.
- Kovalevskii, E. P. (1866). *Graf Bludov i ego vremena: (Tzarstvovanie imperatora Aleksandra I).* Saint Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 259 p.
- Lotman, Yu. M. (1958). *Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni.* Tartu, 1958, 190 p. (Tartu riikliku ülikooli toimetised [Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta]; Vol. 63).
- Maiofis, M. L. (2002). *Konservativnoe krylo obshchestva «Arzamas»: Literaturnaya i obshchestvenno-politicheskaya pozitsiya S. S. Uvarova, D. N. Bludova, D. V. Dashkova: Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Moscow, 328 p.
- Maiofis, M. L. (2008). *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 799 p.
- Peskov, A. M. (1989). 'Bludov Dmitrii Nikolaevich', in: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'.* Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 1, 283–284.
- Rezanov, V. I. (1906). *Iz razyskaniy o sochineniyakh V. A. Zhukovskogo.* Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya. Vol. 1, 362 p.

- Ruzhitskaya, I. V. (2009). *Prosveshchennaya byurokratiya (1800–1860-e)*. Moscow: Institut Rossiiskoi istorii, 340 p.
- Ruzhitskaya, I. V. (2015). *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnoi initsiativy, 357 p.
- Ruzhiczka, I. V. (2018). *Gosudarstvennyi sovet pri Nikolae I: osobennosti funktsionirovaniya*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnoi initsiativy, 310 p.
- Shilov, D. N. (2002). Gosudarstvennye deyateli Rossiiskoi imperii: glavy vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdenii. 1802–1917: Bibliograficheskii spravochnik. 2<sup>nd</sup> ed. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 830 p.
- Vatsuro, V. E. (1994). *Lirika pushkinskoi pory: «Elegicheskaya shkola»*. Saint Petersburg: Nauka, 240 p.
- Vatsuro, V. E., Virolainen, M. N. (1987). 'Pis'ma Andrey Turgeneva k Zhukovskomu', in: *Zhukovskii i russkaya kul'tura*. Leningrad: Nauka, 350–431.
- Vatsuro, V. E. et al., eds. (1994). «Arzamas». *Sbornik*. 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1, 606 p.; Vol. 2, 639 p.
- Zhukovskii, V. A. (1999–2023). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1–17 (1). [Publ. continues].

О. Л. Фетисенко

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА  
КОХАНОВСКОЙ (Н. С. СОХАНСКОЙ)  
(К 200-летию со дня рождения)

Резюме

В статье представлены новые материалы о жизни и творчестве Кохановской (Н. С. Соханской; 1823–1884), писательницы близкой к славянофилам. Предметом исследования стала петербургская часть предпринятого в 1862 г. малороссиянкой большого путешествия в две столицы и то, как впечатления, полученные в Петербурге, отразились в ее творчестве. В Приложении впервые публикуются письма Соханской к А. Ф. Тютчевой, относящиеся к тому же году.

*Ключевые слова:* Кохановская (Н. С. Соханская), И. С. Аксаков, А. Ф. Тютчева (Аксакова), Д. Ф. Тютчева, биография, переписка, петербургские впечатления

Olga L. Fetisenko

ST. PETERSBURG EPISODES IN THE LIFE AND WRITINGS  
OF KOKHANOVSKAIA (NADEZHDA S. SOKHANSKAIA)  
(In Commemoration of Her 200th Anniversary)

Abstract

The article presents new materials about the life and work of Kokhanovskaia (Nadezhda S. Sokhanskaia, 1823–1884), a writer who was close to the Slavophiles. The study focuses on her visit to St. Petersburg during her long trip to the two Russian capitals in 1862 and on the reflection of her impressions of St. Petersburg in her stories. 13 letters, which Sokhanskaia wrote to Anna F. Tyutcheva during that year, are published here for the first time.

*Keywords:* Kokhanovskaia (Nadezhda S. Sokhanskaia), Ivan S. Aksakov, Anna F. Tyutcheva (Aksakova), Daria F. Tyutcheva, biography, correspondence, St. Petersburg impressions

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-141-169

**В** знаменитом «летописании» Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», которое далеко не ограничивается биографией «московского Нестора», но дает цельный очерк эпохи, один из томов, вышедший в революционном 1905 г., посвящен 1862 г. [Барсуков]. Студенческие волнения и петербургские пожары, назревание польского восстания, историческая полемика М. Н. Каткова с А. И. Герценом и запрещение И. С. Аксакову редактировать газету «День», торжества в честь 1000-летия русской государственности и впервые широко празднуемый день Славянских просветителей. Таким был этот год, и для читателя многотомного труда, возможно, несколько неожиданным выглядит посвящение автором нескольких главок [Барсуков, с. 392–416], казалось бы, незначительному на фоне всего перечисленного событию — первому приезду в Москву и Петербург Надежды Степановны Соханской (1823–1884), известной под литературным псевдонимом Кохановская, которая до этого почти не покидала материнский хуторок Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии. Между тем для многих современников Погодина (в том числе и для составителя его жизнеописания) появление «вживе» писательницы, заставившей перед этим, в 1858–1859 гг., говорить о себе всех любящих русскую словесность, а славянофилами воспринятой как «заря обновления» отечественной литературы<sup>1</sup>, стало как раз и значительным, и заметным, и долгожданным. Когда две лучшие ее повести («После обеда в гостях» и «Из провинциальной галереи портретов») были напечатаны в «Русском вестнике», велись споры о том, кто скрывается за необычным псевдонимом без инициалов. Возникали даже сомнения, женщина ли это, — см., например: [Алмазов, с. 78].

«Таинственная незнакомка», однако, и в 1858 г. уже не была дебютанткой. Ее первые произведения изредка появлялись в периодике еще в 1840-е гг. (одна из повестей — рядом с «Белыми ночами» Ф. М. Достоевского). Заочным литературным наставником Н. С. Соханской был П. А. Плетнев. С 1846 г. они переписывались, по просьбе Плетнева Надежда Степановна написала свою подробную (в объеме большой повести или даже романа) автобиографию — о детстве, о годах учения в Харьковском

<sup>1</sup> О Кохановской см.: [Платонова; Викторovich; Кунильский; Вихрова; Бирюкова, Стрижев; Фетисенко 2021a; 2021b; 2022; 2023a; 2023b]. В год 200-летия со дня рождения писательницы в Пушкинском Доме начато академическое издание ее сочинений и писем: [Кохановская 2023]. Этому предшествовало научное издание переписки с семьей Аксаковых [Кохановская 2018].

институте благородных девиц, где она кончила курс с золотым шифром, о своем взрослении, самовоспитании, первых литературных опытах [Кохановская 2023, т. 1, с. 41–244]. С рукописью Плетнев познакомил некоторых своих друзей (среди них — В. А. Жуковский, П. А. Вяземский). В 1861 г. он чуть было не стал издателем четырехтомного собрания сочинений своей ученицы (см.: [Фетисенко 2021а, с. 285–288]), но в это время она уже тесно общалась с И. С. Аксаковым и другими славянофилами, и было решено, что ее повести издаст именно Аксаков: в январе 1863 г. вышел изящно изданный двухтомник, собравший шесть произведений Кохановской [Кохановская 1863].

Несмотря на длительность эпистолярного знакомства с Плетневым и его второй женой Александрой Васильевной (впоследствии она станет близкой подругой Кохановской) и оживленность переписки с Аксаковым и О. Ф. Кошелёвой, Надежда Степановна не стремилась увидеться с ними (с Кошелёвой, впрочем, она успела познакомиться еще в 1859 г., во время проезда той через Изюм). Любая поездка была бы чрезвычайно затруднительна из-за бедности, в которой жила маленькая семья (сама писательница, ее мать и тетушка). Литературные хлопоты не могли стать поводом к большому путешествию «в Россию» (так называли даже выезды в соседнюю Курскую губернию<sup>2</sup>), но одно неожиданное обстоятельство все же сделало поездку неотложной.

В 1861 г. Аксаков начал издавать газету «День» и сразу пригласил Кохановскую к сотрудничеству. Та отказалась стать корреспондентом, но обещала присылать отдельные очерки, статьи и повести. Повесть «Кирила Петров и Настасья Дмитрива» обратила на себя особое внимание читателей газеты. Многие признавались, что и на следующий год подписались только ради повестей «макаровской отшельницы» (см.: [Кохановская 2023, т. 3, с. 572]). Связанные дружбой с Аксаковым фрейлины Высочайшего двора прочли «Кирилу Петрова...» императрице Марии Александровне. Та была растрогана и пожелала чем-нибудь наградить автора<sup>3</sup>. С этого эпизода и начал свой рассказ о приезде Кохановской Барсуков [Барсуков, с. 398]. Он цитировал письмо Плетнева к кн. Вяземскому от 30 ноября 1861 г. с пожеланием отсоветовать «особе», «которой малейший знак внимания драгоцен» (т. е. императрице), посылать писательнице деньги, потому что «это оскорбит ее и унизит в мнении тамошнего круга», а лучше предложить ей

<sup>2</sup> Кстати, и родилась писательница в тогдашней Курской губернии, на хуторе Веселый (сейчас это Корочанский район Белгородской области).

<sup>3</sup> Тогда же Плетневым была составлена особая записка о Кохановской, которую императрице передал кн. Вяземский. См.: [Пономарев 1896, с. 475].

памятный подарок<sup>4</sup>. В том же духе через гр. А. Д. Блудову и А. Ф. Тютчеву подавал совет и Аксаков [Кохановская 2018, с. 140], и тогда через Плетнева императрица послала в Макаровку драгоценную брошь<sup>5</sup>, доставка которой затянулась, что осложнило жизнь писательницы: она была поставлена в неприятное положение — необходимость благодарить и затруднение в подборе правильной и приемлемой для ее «хохлацкой хуторской натуры» (ее выражение из письма к Аксакову [Кохановская 2018, с. 150]) формы выражения этой благодарности: «Вы говорите, что нужно писать письмо — а за эту цену я готова отказаться от всякого подарка. Я ни за что не хотела бы своей холодностью и неумением по *должному* выражаться оскорбить особу, которая с такого далека и высока высказала мне Ее сочувствие; а пыла затверженных речей и верноподданнических экстазов у меня нет и быть не может. Я даже не знаю условной формы начала и конца письма — и пусть лучше виновят меня в хуторском невежестве, а едва ли я буду отвечать и благодарить» [Кохановская 2018, с. 150].

Тем не менее она нашла очень удачную «неуставную» форму для своего письма к царице, объяснив, что является не с личной благодарностью, а с признательностью за то, что высокая особа почтила в лице героев ее повести «дорогим даром русский народ и русского человека» [Фетисенко 2021b, с. 146]<sup>6</sup>. Свое письмо она переслала тоже через Плетнева и пояснила, обращаясь к нему: «Благодарить Ее Величество, как Императрицу, оказавшую мне высокое благоволение, я не смею и не умею иначе, как на основании тех чувств и идей, которые составляют всё для меня и которые единственно и снискали мне Ее неожиданное благоволение» (цит. по: [Кохановская 2018, с. 438]).

И все же нужно было не только благодарить письмом, но и представиться царской семье лично (возможно, на этом настаивали петербургские корреспонденты Кохановской). Ради этого пришлось собираться в дальний

---

<sup>4</sup> Далее в своем повествовании Барсуков опирается исключительно на опубликованную к тому времени (с неточностями и большими купюрами) в «Русском обозрении» переписку Кохановской и Аксакова. В предлагаемой вниманию читателей статье мы тоже будем пользоваться этим важным источником (по имеющемуся теперь научному изданию [Кохановская 2018]), но дополним рассказ и вновь выявленными материалами.

<sup>5</sup> Это была «большая брошь — сапфир, осыпанный крупными бриллиантами и изумрудами» [Кохановская 1900, с. 120]. Подобная вещь была не для Макаровки. Кохановская с легким сердцем сдала ее в устроенный специально для подобных случаев Кабинет подарков. На полученные деньги она «сделала себе у придворного поставщика великолепную шубу» и до конца жизни донашивала воротник ее [Кохановская 2018, с. 438].

<sup>6</sup> В указанной работе опубликованы все выявленные на сегодняшний день письма Кохановской к императрице Марии Александровне.



путь и к необходимой «ритуально-этикетной» цели поездки присоединить и приятно-полезную цель — личные встречи со своими «друзьями по переписке», главным образом с Плетневыми и Аксаковыми. У писательницы не было даже подобающей одежды (уже добравшись до Москвы, в одном из писем к А. В. Плетневой она обстоятельно перечислит вещи, которыми просит снабдить ее<sup>7</sup>), но она решается выйти из многолетнего затвора.

Сделать это, однако, оказалось не так просто. Первая попытка была предпринята еще в январе (когда Кохановская еще не успела получить подарок, а только знала о нем и, возможно, еще хотела обойтись без благодарственного письма), но помешали снежные заносы. Протащившись 100 верст до Харькова, Надежда Степановна услышала, что мальпосты до Москвы отменены. Пришлось возвращаться домой и отложить поездку до лета. Приблизительная хронологическая канва путешествия по сохранившимся письмам выстраивается так: приезд в Москву около 8 июня 1862 г.<sup>8</sup>, не позднее 12 июня отъезд в Петербург<sup>9</sup>, жизнь на даче у Плетневых (в Лесном) и в Ректорском флигеле на Неве (Плетнев, напомним, лишь за полгода до этого оставил ректорскую должность в университете); знакомство и начало дружбы с А. Ф. Тютчевой, представление императрице в Царском Селе и в Петергофе<sup>10</sup>; предложение стать наставницей младших великих князей, беседа с императрицей о современной литературе и о Святогорском монастыре; осмотр Эрмитажа и Зимнего дворца, а также других петербургских достопримечательностей, участие в хлопотах об Аксакове, встречи с Ф. И. Тютчевым и графом Б. А. Перовским, посещение Троице-Сергиевой

<sup>7</sup> РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 68–69 об. (письмо от 5 июня 1862 г.).

<sup>8</sup> В этот день она писала Аксакову: «Я в Москве. Занимаю квартиру на Театральной площади, в гостинице Чельшева № 73 — угодно Вам навесить меня?» [Кохановская 2018, с. 169].

<sup>9</sup> Устанавливается по адресованному Кохановской уже в Петербург письму Аксакова от 13 июня [Кохановская 2018, с. 170].

<sup>10</sup> Подробно об этом см.: [Кохановская 2018, с. 174, 178–181; Фетисенко 2021b, с. 147–149]. Особыми почитателями Кохановской оказались цесаревич Николай Александрович и великий князь Владимир Александрович [см.: Кохановская 2018, с. 179]. Записка наследника к А. Ф. Тютчевой на сложенном пополам листке хранится в Пушкинском Доме: «Почтенная и многоуважаемая Анна Федоровна. / Я видел у Императрицы Кохановскую, но не мог там оставаться. Если она зайдет к Вам, то можно ли через полчаса прийти (так!) к Вам и познакомиться хотя сколько-нибудь с ней. Мне бы не хотелось пропускать удобного случая видеть эту замечательную писательницу. / Ваш Николай» (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 6. Ед. хр. 126. Л. 1; сообщено А. П. Дмитриевым). Успевший привязаться к Кохановской маленький Сергей Александрович при прощании в Петергофе на пристани «плача, бросился» ей «на шею» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1312. Л. 68; Кохановская вспоминала об этом в письме к А. Ф. Тютчевой от 26 июля 1865 г.). Услышанный от Плетнева рассказ о том, как императрица благословила Кохановскую, в виде забавного курьеза записал в своем дневнике А. В. Никитенко [Никитенко, с. 264].

пустыни вместе с А. Ф. Тютчевой; возвращение в Москву, продолжение осмотра достопамятностей<sup>11</sup>; две поездки в Троице-Сергиеву лавру; сближение с семьей Аксаковых; отъезд мальпостом до Харькова 6 или 7 октября<sup>12</sup>.

Кохановская держалась не робкой или восторженной провинциалкой, а свободно и с достоинством. Д. Ф. Тютчева шутила по этому поводу: она удивительна тем, что ее ничто не удивляет (ни в царских резиденциях, ни в ученых собраниях): «Вы будто всегда жили со всем этим и вам ничто не ново. Это показывает высокий ум» [Кохановская 2018, с. 187]. Писательница тем временем старалась напитаться дарами и впечатлениями. В Москве она осмотрела собрание древних икон и Синодальную типографию, в Петербурге же для нее особенно важно было видеть памятники прошлого столетия<sup>13</sup>, потому что в это время у нее уже сложился замысел нового большого произведения, действие которого должно было происходить в елизаветинское царствование (повесть «Рой-Феодосий Саввич на спокое»), а главный герой возвращался на родину после офицерской службы, прошедшей именно в Петербурге и в командировках по именным поручениям из столицы в дальние края.

Впрочем, в этой повести Петербург и Елизавета Петровна лишь вскользь упоминаются в рассказе о молодости Феодосия Саввича, в более же поздних произведениях Северная Пальмира становится уже и местом действия. В столицу приезжает искать справедливости разоренный богатым соседом секунд-майор по прозвищу Прус (повесть «Словесная кроха хлеба», 1874; действие происходит в начале царствования Екатерины Великой). Петербургская глава появляется в «Летописном сказании» к незавершенному роману «Степная барышня сороковых годов»<sup>14</sup>. В последнем перед нами Петербург аристократический, парадный. Нотку ошутимой тревоги вносит в него описание Медного всадника, плавный ритм которого, прямое обращение к читателю и одна деталь («позеленелая чудная полоса») могли

<sup>11</sup> В письме к Ю. Е. Данилевской, жене писателя Г. П. Данилевского: «Москва глотает время ее громадными расстояниями. Я и утра не дома, и вечер не у себя. И Москву смотреть и людей видеть, много дела за один раз» [Фетисенко 2021а, с. 330].

<sup>12</sup> Эти дни указаны в письме Аксакова от 1 октября [Кохановская 2018, с. 194], но, возможно, отъезд состоялся чуть раньше, потому что 8 октября Соханская уже прибыла в Харьков, о чем на другой день и сообщила Аксакову [Там же, с. 195].

<sup>13</sup> См., например, в одном из публикуемых далее писем к А. Ф. Тютчевой о желании познакомиться с галереей Ф. И. Прянишникова. Ей, конечно, хотелось видеть портреты людей XVIII в., которые были обильно представлены в этой коллекции.

<sup>14</sup> Замысел сложился уже к 1862 г., настоящая же работа началась только в 1868 г. «Летописное сказание» написано не позднее 1880 г. Все три перечисленные повести и подробные преамбулы, воссоздающие их творческие истории, см.: [Кохановская 2023, т. 3].

отозваться в романе Андрея Белого «Петербург» (прежде всего в главке «Бегство» в третьей главе).

«Я гляжу и вижу не во сне и не наяву, а в том вещем пробуждении мысли, когда теряются время и пространство, — вижу: мало-помалу затуманилась между гранитными берегами величаяя полноводная река. По сторонам ее теснятся громады зданий; египетские сфинксы стоят над нею задумчивым иероглифом; а там, плотник и работник на троне, по ту сторону, на гранитной скале, закаленный царь взнесся высоко на своем медном, вставшем на дыбы коне. С плечей могучего царя и вниз по хребту изваянной меди коня стекают дождливые бури и снежная непогода Севера, — стекают они годы и годы, и заструилась от коня и всадника позеленелая чудная полоса. Видели вы ее? Она течет в море; но не в то море, куда плещется своими волнами и вливается многоводным устьем Нева» [Кохановская 2023, т. 3, с. 389–390].

Городом соседствующих роскоши и нищеты столица предстает в повести «Словесная кроха хлеба», основанной, как это часто бывало у Кохановской, на преданиях рода ее матери. Совершенно разорившись в хлопотах о судебной тяжбе, Сударь-Прус с верным денщиком Птахой поселяется в запечье у просвирни Сампсониевского собора (исторический храм, памятник Полтавской битве, сейчас возрожден, и автору статьи как бывшему регенту этой церкви особенно дорого, что собор был известен Кохановской; возможно, она приезжала сюда с Плетневыми из Лесного, тогда — дачного предместья). Два храма, пристанища петербургской бедноты, скрепляют сюжетную канву повести. Кроме Сампсониевского собора, это церковь во имя иконы Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости на Шпалерной улице. Переворот в судьбе главного героя начинает совершаться, когда он узнает о возможности ходить на открытые для всех обеды одного из екатерининских вельмож. Действие второй половины повести разворачивается в Эрмитаже, на маскарадном вечере у императрицы. Кохановской легко было восстановить в памяти свои впечатления 1862 г. Кстати, работа над повестью шла тоже в Петербурге. Второй приезд в столицу (1873–1874) был связан с хлопотами о постановке в Императорских театрах двух пьес Кохановской (удалось осуществить только одну)<sup>15</sup>.

В это время писательнице было уже незачем спешить в Макаровку: ни матери, ни тетушки, ни братьев не было в живых. Она могла спокойно гостить у А. В. Плетневой, писать повесть для благотворительного сборника «Складчина», потом наблюдать, как ставится ее «Кража невесты» в московском Малом театре. В Москве между этими двумя посещениями она

<sup>15</sup> См.: [Кохановская 2023, т. 3, с. 684–685, 689–694].

успела побывать еще и в 1866 г., готовясь к большой поездке на Волынь по делам православного братства, которое опекала. Возможно, Москва (хотя бы благодаря близости Троице-Сергиевой лавры, где Кохановская нашла духовного отца) была воспринята ею глубже, сердечнее, но и Петербург, как видно по ее письмам к той же Плетневой, не вызывал у нее характерного для славянофилов отторжения. Живя в молитвенной гармонии, она всюду чувствовала себя как дома. О переезде же в столицу никогда не помышляла, хотя Плетнева, кажется, не раз предлагала ей это. Она оставалась верна признанию, сделанному еще в одном из первых писем к своему наставнику: «Я бы только хотела посмотреть у вас то, другое — ваши искусства, пожить немного, но *умереть здесь, здесь и нигде более!*..» [Кохановская 1897, янв., с. 387]. «Здесь» — означало «в Макаровке».

Так и свершилось 3 декабря 1884 г. Некогда обладавшая всероссийской известностью, а к тому времени полузабытая писательница скончалась на своем хуторе от тяжелого онкологического заболевания, перенесенного ею с необыкновенной кростостью и принятием воли Божией. Перед этим она приезжала попрощаться с московскими друзьями, чуть не умерла от тифа, но потом, укрепленная последним посещением Троице-Сергиевой лавры, смогла вернуться домой.

Первое большое самостоятельное путешествие осталось для Кохановской воспоминанием о ее литературном триумфе. В собственно «человеческом» же плане оно принесло новую дорогу для нее встречу — сближение с А. Ф. Тютчевой. «...Если бы моя поездка в Петербург ничего более не дала мне, как только одно знакомство с Вами — я бы считала ее большим выигрышем в моей небогатой жизни», — признается писательница в одном из первых писем к фрейлине (см. ниже). «Мы полюбили друг друга каким-то родным сестринским чувством...» — делилась Соханская с Аксаковым [Кохановская 2018, с. 181], и тот, тогда еще и не думая о том, что Анна Федоровна — его будущая жена<sup>16</sup>, и, напротив, слыша от своей матери, что она хотела бы видеть невесткой именно Соханскую, был поражен, как скоро они подружились и как тепло отзываются друг о друге: «Вы в Вашем письме говорите о ней, она — об Вас, и Ваши письма, лежащие на моем столе рядом, не только взаимно пополняют и объясняют друг друга, но составляют вместе какой-то стройный аккорд душевных звуков» [Кохановская 2018, с. 184]. Общение продолжилось в Москве, куда Тютчева ненадолго приехала в августе, а Соханская — перед отъездом домой, в сентябре. Соханская писала своему земляку Г. П. Данилевскому: «У меня будет несколько посвободнее

<sup>16</sup> Впрочем, впервые он посватается к ней осенью 1862 г.

время, когда уедет отсюда А. Ф. Тютчева. Сегодня мы с нею обедали у ее дяди Сушковых *〈так!〉*, завтра я всё время пробуду с нею, а между прочим я должна быть у К*〈нязя〉* Оболенского и пр. и пр. В воскр(есенье) мы провожаем ее в Петер(бург)...» [Фетисенко 2021а, с. 327]. В одном из писем Анна Федоровна предложила перейти на «ты», Надежда Степановна, не меняя сердечного расположения, тем не менее предпочла сохранить уважительную дистанцию. Их переписка продолжалась до самой кончины Кохановской, при этом часть писем была адресована обоим супругам Аксаковым. Подобные послания включены в издание 2018 г. Неизданным остается большой комплекс из 58 писем к А. Ф. Тютчевой (Аксаковой), сохранившийся в машинописных копиях С. Н. Дурылина, жившего в 1920-х гг. в тютчевском Муранове (известно, что по крайней мере еще одно письмо, автограф, хранится в коллекции наследников К. В. Пигарева, в настоящее время недоступной исследователям). Интерес к личности А. Ф. Тютчевой в последние годы ожил; надеемся, что знакомство с адресованными ей письмами будет полезно исследователям. Эта переписка важна для обеих собеседниц, ставших своего рода духовными сестрами. Для иллюстрации к рассказу о петербургских страницах жизни Кохановской естественно было выбрать письма именно 1862 г. Они печатаются по копиям Дурылина (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1312. Л. 1–22), сохранившим орфографические и пунктуационные особенности текстов. Особенная удача — то, что хотя бы в виде копий сохранились письма, посланные, еще когда писательница гостила в Петербурге.

В Приложении 2 по автографу, хранящемуся в музее-усадьбе Мураново (Ед. хр. 598), публикуется письмо к Соханской Дарьи Федоровны Тютчевой (1834–1903). Судя по тому, что оно уцелело в архиве Тютчевых, можно предположить, что оно не было отправлено адресату. Датировано письмо 1 января. В правом верхнем углу л. 1 имеется помета простым карандашом: «1874?», в левом углу — голубым карандашом: «от Дарьи Тютчевой». Предположение о датировке совершенно верно. Документ относится ко второму приезду Соханской в Петербург. В составленной С. И. Пономаревым описи ее домашнего архива письма Д. Ф. и Е. Ф. Тютчевых не упомянуты. Между тем известно, что с Екатериной Федоровной она по крайней мере единожды обменивалась посланиями. Публикуемый же текст свидетельствует, что корреспонденция велась и с Дарьей Федоровной. Только происходило это, возможно, исключительно во время пребывания писательницы в Петербурге, и ответы фрейлины она не привезла в Макаровку.

Все письма печатаются с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей источника. Курсивы передают подчеркивания в тексте, в том числе в авторских обозначениях даты и места написания писем.

Письма Н. С. Соханской к А. Ф. Тютчевой (1862)

1

*Не ранее 17 июня 1862 г., Лесное*

*Воскресенье.*

*Дача князя Вяземского<sup>1</sup>.*

Я получила Ваше приглашение, Анна Федоровна<sup>2</sup>, и на его милую французскую требовательность позвольте отвечать Вам по-русски: что мне самой свидание с Вами является большим вознаграждением в потере надежды видеть Вашего Батюшку<sup>3</sup>. Благодарю Вас за привет и именно завтра в означенное Вами время я постараюсь не лишиться себя удовольствия видеть Вас.

Надежда Соханская-Кохановская.

<sup>1</sup> Плетневы пригласили Соханскую остановиться у них, а жили они тогда на даче кн. П. А. Вяземского в Лесном, находившейся на углу Малой Объездной улицы и Старо-Парголового проспекта (адрес указан в письме Плетнева к П. И. Бартеневу от 10 мая 1862 г.; РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 38 об.). Здание не сохранилось, современный адрес: угол Институтского проспекта и проспекта М. Тореза.

<sup>2</sup> Вероятно, ответ на первое письмо от А. Ф. Тютчевой, о котором Соханская сообщала Аксакову 15 июня 1862 г.: «Я (...) наскоро сообщила Вам слухи о Вас и о „Дне“. Увидевшись с Тютчевой, от которой я сегодня получила приглашение, я узнаю, вероятно, более» [Кохановская 2018, с. 171]. Воскресенье пришлось на 17 июня.

<sup>3</sup> Тютчев в это время находился в отпуске за границей [Тютчев, с. 45]. Соханская встретится с ним 15 августа в Петергофе за обедом у А. Ф. Тютчевой (см.: [Тютчев, с. 47]). 19 августа Соханская сообщит об этом Аксакову [Кохановская 2018, с. 193].

2

*1 июля 1862 г., Петербург*

1 июля.

*Воскресенье.*

Я хочу попросить Вас о небольшом одолжении, Анна Федоровна.

Мне естественно желается то и другое видеть и не удастся. Эрмитаж закрыт. По обыкновенному разовому билету не допускают, надобно иметь особенное какое-то дозволение от Шувалова<sup>1</sup> — не можете ли Вы получить его для меня?

Я совсем больная, простудившаяся мараю Вам эти строки из города и сей час еду<sup>2</sup>. Будьте здоровы и верьте: что если бы моя поездка в Петербург ничего более не дала мне, как только одно знакомство с Вами — я бы считала ее большим выигрышем в моей небогатой жизни.

Ваша Н. Соханская

<sup>1</sup> Обычный билет на осмотр Эрмитажа выдавался в Придворной конторе Министерства Императорского двора (до 1863 г. допускалось около 500–600 посетителей за год). За особым разрешением нужно было обратиться лично к обер-гофмаршалу и президенту Придворной конторы графу Андрею Петровичу Шувалову (1802–1873). 5 июля Соханская напишет Аксакову: «Я поджидаю товарищ, чтобы идти осматривать Эрмитаж, чего нельзя было без особенного разрешения Шувалова...» [Кохановская 2018, с. 174]. «Дозволение посетить Эрмитаж и Зимний Дворец» она сохранила в своем архиве (см.: [Пономарев 1898, с. 301]).

<sup>2</sup> Подразумевается отъезд «из города» на дачу кн. Вяземского в Лесном.

### 3

*2 июля 1862 г., Лесное*

*2 июля 1862 года.*

*Понедельник.*

Я вчера была в городе, простудилась, хожу с подвязанной щекою и едва ли иначе могу явиться к Ее Величеству<sup>1</sup>, и вчера же из города я писала маленькое письмецо Вам в Царское<sup>2</sup>, которое, вероятно, Вы еще не получили. Благодарю Вас за всю Вашу милую ласку. Я думаю ехать по железной дороге, потому что моя простуда не вынесет сырости парохода. Поеду в 10 часов и очень буду рада в свою очередь обнять Вас и сжать Вашу маленькую руку.

Ваша Надежда Соханская.

<sup>1</sup> Соханская отвечает на письмо Тютчевой с сообщением, что 3 июля в первом часу дня ее будет ожидать императрица [Кохановская 2018, с. 180]. В этот же день (2 июля) писательница делилась с Аксаковым: «Сейчас я получила письмецо от Тютчевой, что Императрица желает меня завтра видеть, и я сегодня должна ехать в город, чтобы завтра отправиться в Петергоф» [Там же, с. 174]. До этого, около 22–23 июня, Соханская уже была представлена императрице, но более подробный разговор был отложен из-за известия о варшавском покушении на государя [Там же, с. 179]. Более обстоятельный рассказ о втором представлении содержится в письме к Аксакову от 14 июля [Там же, с. 180–181].

<sup>2</sup> См. п. 2.

### 4

*16 июля 1862 г., Лесное*

*Вторник 16 июля 1862.*

Я только что приехала вчера из города, когда получила Ваше письмо, милая моя Анна Федоровна, и не отвечала Вам потому, что хотелось иметь более свободную минутку написать Вам<sup>1</sup>. Она вот у меня ранняя, утренняя. Будьте здоровы. Я радуюсь за Вас, что день светлый. И я сама очень рада грациозному вниманию Императрицы<sup>2</sup>. Это истинно лестный и благородный подарок, царственно-мило пожалованный. Его не стыдно. И что в нем утешает наиболее, это что Ее Величество в Риге, посреди торжеств и ловкой умелой лести немецкого населения, вспомнила про вовсе неловкую русскую

писательницу, у которой если есть достоинство, то оно всё в глубокой любви к нецененным, неизведанным началам духовной жизни Русского народа<sup>3</sup>. Если моя маленькая благодарность может дойти до Императрицы, поблагодарите Ее, милая Анна Федоровна, как Вы можете и умеете словом чистым и чувством благородным.

Но Вас, милая сестра (позвольте так иногда называть Вас в смысле святого духовного братства) я сама благодарю за то, что Вы дали мне *внешнюю* свободу полюбить вас открыто и нежно. Ваше положение никогда не позволило бы мне отнестись к Вам с прямою сердечною любовью. Одинокая, ничего не желающая искать и тем более заискивать, гордая по тому положению, которое определяет держаться в стороне, чтобы не явиться заподозренной в искательстве и лести — я бы никогда первая не сжала крепко руки Вам и, насколько бы могла, сдержала в себе живое задушевное слово. Но вы растопили во мне эту внешнюю кору, Вы меня растрогали, дорогая сестра. Из святейшей Книги Любви вы выбрали самый святой и высокий стих ее, призывающий и вас, и меня, и всё единство всего, что зовется *человек*, соединиться в любви Богочеловека — на такой призыв вам открыто и умиленно отдалась моя душа. Как мне было радостно, когда я воротилась от Вас! Я как ребенок засыпала, улыбаясь... и когда мы с вами прощались в монастыре, я даже не видала, как на это смотрели монахи; а у меня обыкновенно многое остается в глазах. Повидаться с Вами перед отъездом<sup>4</sup>, это и мое желание. Мы даже составляли маленький план с Евгенией Сергеевной<sup>5</sup> посетить Вас. Она была в пятницу у меня<sup>6</sup> и я у нее. Но здесь<sup>7</sup> я нашла ход дела — плохо. Петру Александровичу опять худо и бедная моя Сашенька<sup>8</sup> — у меня сердце щемит глядя на нее. Эту неделю я не могу оставить ее, если не лучше будет больному; но видеть Вас мне очень хочется. Понимать Вас плачущую от той досады, с которой говорите Вы — о, как я Вас понимаю! Вот вам новость Дня<sup>9</sup>: Самарин, кажется, откажет, а Аксаков хочет писать письмо Государю<sup>10</sup> — Вы понимаете, как хотелось бы, чтобы это письмо успело. Пошлю Вам свою карточку<sup>11</sup>, какая у меня покуда есть. Этот экземпляр я даю только своим самым близким. Будьте здоровы и воды Ваши да помогают Вам! Марии Александровне мой полный привет и Сергию Александровичу полная благодарность за его детскую милую ласку<sup>12</sup>. Плетневы Вам кланяются, благодарят за память. Я получила письмо от своих<sup>13</sup> — плохо. Страна вся страдает от засухи, дети бедные мрут десятками; а к осени эмансипация<sup>14</sup> сгонит с двора дворовых людей и новые нищие появятся в России. Целую Вас крепким поцелуем сестринской любви.

Ваша Н. Соханская.



Р. С. Мне обещано дозволение осмотреть дворец Марии Ник(олаевны)<sup>15</sup>, а его у меня нет.

<sup>1</sup> Перед этим Соханская несколько дней провела в гостях у Тютчевой в Петергофе. (Ср. в письме к Аксакову от 9 июля: «Завтра я еду к Тютчевой в Петергоф погостить дня на три...» [Кохановская 2018, с. 178].) Весь двор тогда уехал с «Августейшими путешественниками» в прибалтийские губернии, а фрейлина осталась со своими воспитанниками. Тютчева и ее гостя даже успели побывать «на богомолье» [Кохановская 2018, с. 187] — вероятнее всего, в ближайшей к Петергофу Троице-Сергиевой пустыни под Стрельной (далее в письме говорится о прощании «в монастыре»).

<sup>2</sup> Из Риги императрица прислала Соханской через Тютчеву свою фотографию «с подписью *Мария* с полуфранцузской надписью: *Pour m-elle Кохановский* (для мадмуазель Кохановской, фр.)» [Кохановская 2018, с. 188].

<sup>3</sup> Ср. в письме Соханской к императрице от 16 февраля 1862 г.: «...в „Кириле Петрове“ Вы почтили дорогим даром русский народ и русского человека, Вы им оказали высокое сочувствие и внимание — и только при этой мысли я осмеливаюсь принести Вашему Императорскому Величеству мою горячую восторженную благодарность и поклониться Вам едва не до земли полным и глубоким чувством радости и высокой преданности» [Фетисенко 2021b, с. 146].

<sup>4</sup> Имеется в виду отъезд Кохановской в Москву перед возвращением домой.

<sup>5</sup> Речь идет о Е. С. Шеншиной (урожд. Арсеньевой; 1833–1873), вдове флигель-адъютанта Н. В. Шеншина (1827–1858). См. о ней и ее взаимоотношениях со славянофилами: [Дмитриев]. 15 июля Соханская писала Аксакову: «Я познакомилась с Вашей знакомой Евгенией Сергеевной — какие кроткие, благодатью какою-то грустной и нежной глядящие глаза!» [Кохановская 2018, с. 183]. Кохановская хранила три письма Шеншиной 1862 г. [Пономарев 1898, с. 300], но по возвращении в Макаровку, вероятно, не продолжала переписку с ней.

<sup>6</sup> О встрече с Шеншиной говорится в письме к Аксакову от 21 июля [Кохановская 2018, с. 188]. Пятница пришлась на 12 июля.

<sup>7</sup> У Плетневых.

<sup>8</sup> Александра Васильевна Плетнева (урожд. кж. Щетинина-Ростовская; 1826 или 1827 — 1901) — вторая жена П. А. Плетнева (с 1849), ставшая близкой подругой Соханской.

<sup>9</sup> Игра слов: «новость дня» и «новость „Дня“», т. е. газеты Аксакова, вышедшей с 15 октября 1861 г. В 1862 г. было запрещено несколько передовых статей Аксакова, а затем приостановлена и сама газета. Поводом к этому послужила статья «Очерк местного городского православного духовенства из одного провинциального города Западной России» (День. 1862. № 31, 12 мая; подпись: К–н), автором которой, по-видимому, был К. Ф. Еленевский. Аксакову было запрещено издавать газету, и номинальным редактором стал Ю. Ф. Самарин.

<sup>10</sup> Соханская сообщает Тютчевой сведения из письма Аксакова от 14 июля. См.: [Кохановская 2018, с. 178].

<sup>11</sup> Фотографические портреты Соханской были сделаны в ателье И. К. Лауферта на Большой Морской улице, д. 27.

<sup>12</sup> Упомянуты великие князя Мария Александровна (1853–1920; впоследствии герцогиня Эдинбургская) и Сергей Александрович (1857–1905). По-видимому, великий князь через свою наставницу передал привет Соханской, за что та и благодарит. Так продолжалось и в дальнейшем. Ср. в письме к А. В. Плетневой от 25 октября 1863 г.: «Сергей Алек(сандрович) посылает мне жаркие уверения Его детской дружбы...» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 102 об.). Когда в ноябре 1863 г. царские дети оказались в Харькове, Сергей Александрович воскликнул: «Тут мы

увидим Кохановскую» (Там же. Л. 103 об.; письмо к Плетневой от 13 ноября). Надежда Степановна узнала об этом от А. Ф. Тютчевой. Во время второго приезда Соханской в Петербург (1873) великий князь, услышав, что писательница обедает у графини А. Д. Блудовой, пришел повидаться с ней: «...и так мы дружески, живо и искренно, и крепко пожали друг другу руки, что, встретясь где-нибудь не при Дворе, я бы могла взять в руки его молодую голову и, повторяя ему давнее мое желание: чтобы у него было столько светлых мыслей, сколько светлых волос на голове, могла бы поцеловать его в лоб» [Кохановская 2018, с. 304].

<sup>13</sup> Имеются в виду мать, Варвара Григорьевна Соханская (урожд. Лохвицкая; ок. 1790 — 1873), и тетушка Капитолина Григорьевна Лохвицкая (1780-е — 1866).

<sup>14</sup> Освобождение крепостных крестьян.

<sup>15</sup> Дворец великой княгини Марии Николаевны на Исаакиевской площади, построенный в 1839–1844 гг. по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера. В настоящее время здесь располагается Законодательное собрание Санкт-Петербурга.

## 5

*23 июля 1862 г., Лесное*

23 июля, 1862.

*Понедельник.*

Очень вероятно, любезнейшая Анна Федоровна, что Вы забыли о той монахиня, о которой я немножко говорила Вам, и вот я решаюсь напомнить о ней Вашему доброму вниманию. Она Ларисса Розина из Белевского Крестовоздвиженского монастыря<sup>1</sup>. Монастырь бедный, как большая часть наших женских монастырей. Он находился под особенным благословением отца Макария Оптиной Пустыни<sup>2</sup>, и в память его в монастыре строится церковь во имя Макария Египетского<sup>3</sup>, и вот эта сестра Ларисса несет послушание собирать с миру по нитке. Не уделит ли ей что-нибудь и Ваш придворный мир? Не знаю, когда эти строки дойдут до Вас? В городе не знают наверное, когда возвращается Двор<sup>4</sup>; а Вы именно мне заметили, чтобы монахиня пришла в то время, когда Императрица будет находиться в Петергофе. Дожди эти истомили душу<sup>5</sup>. Как Ваше здоровье? что Ваши воды?

Может быть, мы увидимся прежде, чем эти строки попадут к вам. Будьте здоровы! Я со скуки рассказываю детям сказки<sup>6</sup>, и они очень довольны. Вашим высоким Воспитанникам засвидетельствуйте мою память и благодарность за их привет. Спешу набросать эти строки под общий говор и льющийся дождь.

Ваша Надежда Соханская.

<sup>1</sup> Белёвский девичий Крестовоздвиженский монастырь в Тульской епархии был основан в первой четверти XVII в., закрыт при секуляризационной реформе, проведенной Екатериной II в 1764 г., но уже вскоре, в 1768 г., восстановлен. В 2007 г. после долгих лет разорения стал возрождаться. «Историческое описание» монастыря составлено оптинским воспитанником архимандритом Леонидом (Кавелиным) [Леонид (Кавелин)].

<sup>2</sup> Преподобный Макарий Оптинский (1788–1860), старец Оптиной пустыни, был духовным наставником настоятельницы Белёвского девичьего монастыря игумении Павлины (Овсянниковой; 1813–1877); см.: [Очерк жизни].

<sup>3</sup> Старец Макарий Оптинский носил имя преподобного Макария Великого, или Египетского, одного из великих отцов-пустынников IV в. Не сохранившаяся до наших дней домовая церковь во имя св. Макария Египетского в Белёвском монастыре была построена в 1864 г. на втором этаже каменного дома, который был завещан монастырю Марией Васильевной Киреевской (1811–1859), сестрой славянофилов П. В. и И. В. Киреевских. В память их отца, Василия Ивановича Киреевского (1773–1812), в храме был устроен придел во имя св. Василия Великого. Ранее дом принадлежал купцам Сабининым.

<sup>4</sup> Имеется в виду возвращение царствующих особ из путешествия по Остзейскому краю.

<sup>5</sup> Накануне Соханская писала Аксакову: «Время идет очень скоро, дожди мешают, и я еще много не видела, что должно видеть» [Кохановская 2018, с. 189].

<sup>6</sup> Дети — сыновья П. А. и А. В. Плетневых Александр (1852–1911) и Алексей (1854–1934). До семилетнего возраста (т. е. до 1859 г.) вместе с ними воспитывался Петр (Петр Александрович Лакиер; 1852–1892), внук Плетнева, сын его дочери от первого брака Ольги Петровны Лакиер (1830–1852), скончавшейся через пять дней после родов. А. В. Плетнева стала крестной матерью Пети Лакиера. Талантливой сказочницей была тетушка Соханской, и как раз в начале 1860-х гг. писательница подумывала о том, чтобы заняться литературной обработкой нескольких особо полюбившихся ей сказок. Одна из них — «Яблоневого острова» (см. примеч. 6 к п. 6).

## 6

24 июля 1862 г., Лесное

24 июля 1862

Вечер.

Я поздно приехала из города и застала Ваше письмо, дорогая сестра моя... Извините за *Ваше*... Моя степная природа туго поддается. Моя любовь к Вам имеет в основе *уважение*. Ты слишком бесцеремонно, фамильярно<sup>1</sup>; короткость не есть то высокое духовное родство, а часто дело привычки, обыденности; а мои чувства к Вам вовсе не обыденные. Они мне дают светлую радость. Я Вам говорю с прямою простой души: я будто почувствовала, что нашла себе *ровню*, и полюбила Вас, как могу любить свою духовную сестру<sup>2</sup>. Надеюсь, что Вы примете эти объяснения, как они есть, и не найдете их ни в чем оскорбляющими Ваше милое *тебя*. Оно прекрасно — но не всякое прекрасное платье годится для всех. Будем маленьким исключением и постараемся ничем насильственным, никакими привесками скоропелой дружбы не обременять духовности наших отношений...

Здравствуйте, моя милая сестра! Я вполне рада Вашему приглашению и отдаюсь ему с полною охотою. Если Бог велит, я буду к Вам в субботу. Это праздник Одигитрии Божией Матери — Путеводительницы<sup>3</sup>. Я так люблю этот день и этот образ, и этот Канон Одигитрии<sup>4</sup>, и мне будет очень *празднично* увидеться этот день с Вами. Прощайте. Петру Александровичу лучше.

С Гиляровым я постараюсь увидеться<sup>5</sup>. Он мне очень понравился в Москве тихими глазами и тихими речами. Целую вас и пожимаю с любовью Вашу *духовную* руку. Будьте здоровы. Скажите Сергию Александровичу: пусть он скажет мне, чтобы я ему что-нибудь рассказала — и я ему расскажу сказку про «Яблоновские Острова»<sup>6</sup>, Марье Александровне глубокий поклон.

Ваша Надежда Соханская.

P. S. Ваши два слова могут доставить мне целый источник высокого наслаждения. У Прянишникова лучшая галерея живописи преимущественно Русских Художников<sup>7</sup> — напишите ему о позволении видеть мне.

<sup>1</sup> Даже в общении с любимой «Сашенькой» (А. В. Плетневой) Соханская долго (до конца ноября 1863 г.) сохраняла обращение на «Вы».

<sup>2</sup> 14 июля 1862 г. Соханская рассказывала в письме к Аксакову о своем сближении с Тютчевой: «...между нами нашлась такая твердая основа, на которой стоя, мы уже не могли не протянуть руки друг другу. Я была растрогана ее нежностью, душевной внимательностью, и у нас нашлась и слеза, и поцелуй и дорогое чувство, которое не изменится» [Кохановская 2018, с. 182].

<sup>3</sup> 28 июля старого стиля — праздник в честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы, относящейся к иконографическому типу Одигитрии (Путеводительницы).

<sup>4</sup> Канон Одигитрии, о котором говорит Соханская («творение монаха (или «священномонаха», т. е. иеромонаха) Игнатия», как он надписан в богослужебных книгах), не только читается за богослужением в честь Смоленской иконы, но включен и в так называемый «Канонник», сборник канонов для чтения по недельному кругу и подготовки к Св. Причащению. Канон Одигитрии полагается читать в среду, день, посвященный Богородице, или перед отправлением в путешествие.

<sup>5</sup> Н. П. Гиляров-Платонов (1824–1887) был автором статьи о Кохановской (*Г–в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.> О повести г-жи Кохановской: «Из провинциальной галереи портретов»* («Рус. вест.», 1859 г. Март, книга 1) // *Русская беседа*. 1859. Кн. 3. Отд. V. С. 65–68) и одним из инициаторов избрания ее членом Общества любителей российской словесности (1860). См.: [Кохановская 2018, с. 420].

<sup>6</sup> Об этой сказке Соханская подробно рассказывала в письме к Аксакову от 19 апреля 1860 г. [Кохановская 2018, с. 84–85]. Тот убеждал приняться за обработку сказки [Там же, с. 96].

<sup>7</sup> Имеется в виду собрание почт-директора Федора Ивановича Прянишникова (1793–1867), впоследствии приобретенное императором Александром II для Румянцевского музея, где и находилось до 1924 г. Об истории галереи Прянишникова и ее составе см.: [Ивановский]. Размещалась коллекция картин в доме Прянишникова на Троицкой ул. (современный адрес: ул. Рубинштейна, д. 6).

## 7

### *Не позднее 30 июля 1862 г., Лесное*

Я получила от Ев(гении) Сер(геевны)<sup>1</sup> письмо, по которому вижу, что сегодняшний приезд мой будет ни к месту, милая моя Анна Федоровна. Неужели Вы не получили моего письма из Лесного по почте? Это мне досадно в высшей степени. Будьте здоровы! Стало мы увидимся с Вами в четверг. В среду день рождения старшего сына Плетневых<sup>2</sup> и я у них на этой семей-

ной радости. До свидания. Я, разумеется, не уеду в Москву, не сжавши крепко Вашу ручку.

Ваша Н. Соханская

<sup>1</sup> Речь идет о Е. С. Шеншиной (см. примеч. 5 к п. 4).

<sup>2</sup> 1 августа 10 лет исполнялось Александру Плетневу.

## 8

*31 июля 1862 г., Петербург*

31 июля 1862.  
*Университет.*

Я очень рада, что получила Ваше письмецо, любезная Анна Федоровна, как весть чего-то родного сердцу. В воскресенье у нас в Лесном была Евгения Сергеевна и звала меня в субботу к себе обедать для знакомства с мадам Галаган<sup>1</sup>. Я обещала, если не встречу какого-либо особенного помешательства. Вот мои обстоятельства. Завтра семейный праздник Плетневых<sup>2</sup>. Мне желалось бы, чтобы Вы лучше узнали светлую любящую душу и ум милой моей дорогой Сашеньки. Она с виду немножко холодна, но какое сердце любящее и твердое. Мне грустно что-то приливом, но радости у Бога и да будет, что будет! Вы справедливо сказали, что Ваше знакомство радость мне по сердцу — можно бы прибавить: «в замену многого в жизни»; но в этой прибавке как бы слышался ропот; а это одно мое духовно-радостное: что я никогда не роптала. В четверг<sup>3</sup> я буду к Вам проститься, моя сестра, к пяти часам и заночую у Вас. Как мне что-то уныло грустно! Вчера я видела Ангела Неффа<sup>4</sup> в оригинале<sup>5</sup>, и этот идеальный образ, он мой теперь навсегда. Вы мне ничего не говорите о Вашем здоровье. Что Ваши воды<sup>6</sup>, помогли ли Вам несколько? На днях я видела во сне, что мы с вами взбирались на крутые горы — так, что наконец и ходу не стало, и дух захватывало в груди... Прощайте до свидания. Целую Вас моим крепким любимым поцелуем в лоб<sup>7</sup>. Жму Вашу руку со всею сердечной теплотой и полнотою.

Ваша Над. Соханская

<sup>1</sup> Встреча с Е. С. Шеншиной — 28 июля; ближайшая суббота — 4 августа. Упомянута жена Григория Павловича Галагана (1819–1888), государственного деятеля, приятеля И. С. Аксакова, Екатерина Васильевна (урожд. Кочубей; 1826–1896).

<sup>2</sup> См. п. 7 и примеч. 2 к нему.

<sup>3</sup> Четверг — 2 августа.

<sup>4</sup> В копии ошибочно: Нефера. Имеется в виду образ «Ангел молитвы» — мозаика в нижнем ярусе иконостаса Исаакиевского собора, один из образов, выполненных здесь по масляной живописи Тимофея Андреевича (Тимолеона-Карла) фон Неффа (1805 — 1875/1876). 14 июля Соханская писала Аксакову о своих впечатлениях от «Ангела» Неффа [Кохановская 2018, с. 182].

Поскольку рассказ об этом следует сразу за теплыми словами о Тютчевой, можно предположить, что облик ангела напомнил ей лицо ее новой подруги, и действительно, в чертах ангела есть определенное сходство с лучшими портретами Анны Федоровны в молодости.

<sup>5</sup> Т. е. не мозаику, ранее увиденную в Исаакиевском соборе, а живописный оригинал. В настоящее время картина находится в Русском музее.

<sup>6</sup> Тютчева в это время начала лечение минеральными водами.

<sup>7</sup> По письмам Соханской известно, какое высокое значение придавала она поцелую в лоб. См.: [Фетисенко 2021а, с. 340–341].

## 9

*10 августа 1862 г., Лесной*

10 августа 1862.

*Лесной.*

Так вот Ваша поездка и расстроилась!<sup>1</sup> Как это жаль, как грустно! А я думала, что вот это Вы уже будете в Москве и немножко станете поджидать меня: потому что мои маленькие обстоятельства слагаются так, что я только завтра или после завтра могу решить, когда мне выехать: на днях ли, или прожить еще неделю лишнюю<sup>2</sup>. Как я рада, что Вам полегче и дни посветлели и Вы повеселели. Мне было очень приятно бродить по солнцу между цветами и самой принять Ваше письмецо от почталиона. Скажите Сергею Александровичу, что я его очень, очень благодарю за память и крепко целую его детскую добрую головку. Если бы хотя состоялась Ваша будущая поездка и житье в Кремле!<sup>3</sup> Но Вы дадите мне какую-нибудь строчку к Вашей сестре<sup>4</sup> — к ее тихим глазам и тихим речам: иначе каким образом я увижу и услышу их? Прощайте, милая Анна Федоровна! У меня перед глазами всё проходит Ваше страждущее лицо... Будьте здоровы. Я спешу в город, подумаваю увидеться с мадам Шиншиной<sup>5</sup> и не знаю, удастся ли сегодня? У нас в доме стало светло и отрадно: Петр Александрович поздравливает. Посылаю Вам искренний душевный привет. Примите его, как знак истинного уважения и любви.

Ваша Н. Соханская

<sup>1</sup> Имеется в виду задуманная Тютчевой поездка в Москву для свидания с родными и для лечения минеральными водами. Ср. в письме Соханской к Аксакову от 5 августа 1862 г.: «Анна Федоровна, вследствие ее страшных нервных болей, получает отпуск на месяц и едет допивать свои воды в Москву. Около 10 она будет у вас...» [Кохановская 2018, с. 192]. Поездка Тютчевой все же состоится. Она отправится в Москву 20 августа (см.: [Там же, с. 193]); в «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева» названа другая дата — 19 августа [см.: Тютчев, с. 48].

<sup>2</sup> Соханская ненадолго задержится в Петербурге. Последнее письмо ее отсюда к Аксакову датировано 19 августа [Кохановская 2018, с. 193]. В п. 10 сообщается, что едва ли она успеет выехать ранее 20-го.

<sup>3</sup> В письме к Аксакову от 5 августа Соханская сообщала, что Тютчева «кажется, расположится в Александрии» [Кохановская 2018, с. 192], т. е. в Александринском дворце в московском Нескучном саду. Так и произошло. См.: [Там же, с. 468].

<sup>4</sup> Речь идет о жившей в Москве у своей тетки Д. И. Сушковой Екатерине Федоровне Тютчевой (1835–1882). См. более позднее письмо к ней Соханской (от 8 января 1865 г.): [Кохановская 2018, с. 241–242].

<sup>5</sup> Е. С. Шеншина.

## 10

*14 августа 1862 г., Лесное*

14 августа 1862.

*Лесной.*

Милая моя, затаенная поэтическая душа в смуте Двора, как я назвала Вас в одном своем письме!<sup>1</sup> не зовите меня «сильною». Я сильна только в моих скромных, тоже затаенных привязанностях. Вы думаете, что мне самой не являлись эти дни солнца и лета петербургского под лучом свидания с Вами? Очень являлись, и я положила себе непременно еще разок побывать у Вас перед отъездом, но я хотела это сделать маленьким сюрпризом для себя и для Вас — может быть, это немножко самонадеянно с моей стороны? Но Вы мне дали столько милых залогов Вашего сестринского участия к моей «блуждающей судьбе»<sup>2</sup>, что сомневаться — было бы не уважать и не ценить Вашей ласки. Вы не любите и боитесь кроткой и милой улыбки, которую может даровать Вам жизнь — на время. Вы боитесь Вашего страстного увлечения ею, но ведь это наш единственный миг, когда в душе расцветает

И сердце помнит всё, и сердце всё прощает —  
и благословляет — добавлю я к Вашим поэтическим словам<sup>3</sup>.

Сказать Вам именно когда я еду, я не могу: потому что это зависит от независящих от меня обстоятельств; но едва ли мне придется выехать ранее 20. В Москве я постараюсь занять мою бывшую квартиру, что недалеко от Кремля<sup>4</sup> и будет недалеко от Вашего пребывания. У Вас в Петергофе я думаю быть в четверг или в пятницу по 3-часовой машине<sup>5</sup>. Вашего прекрасного «Ангела» я получила<sup>6</sup> и уже написала о нем к матушке. И с Евгенией Сергеевной хотелось бы проститься — увидимся ли еще когда-нибудь?<sup>7</sup> И мою дорогую Сашеньку<sup>8</sup> оставлять последнее время особенно жаль — «хватает за сердце», как говорит Сергей Александрович о бедных маленьких мальчиках, о которых рассказывают ему. Передайте его доброму детскому сердцу мой усердный привет от сердца и Марии Александровне всё то, что можно сказать Ее Высочеству почтительного и должного. Вас я обнимаю и говорю Вам Вашим словом: Христос с вами! Да мир Божий, превосходящий всякий ум в его разумении да вселяется в сердце Ваше<sup>9</sup> благодатью и силой!

Завтра Успение — я думала быть во всенощной в Успенском соборе<sup>10</sup>, я думала, что и Вы будете — но человек предполагает, а Бог располагает. Прощайте. До свидания. А здоровье Ваше?

Будьте здоровы.

Ваша Надежда Соханская.

<sup>1</sup> Адресат установить невозможно. Это могли быть и родные Соханской, и кто-нибудь из ее подруг, например Н. Д. Шамонина.

<sup>2</sup> Цитата из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Как часто в горестной разлуке, / В моей блуждающей судьбе, / Москва, я думал о тебе!» (гл. VII, строфа XXXVI).

<sup>3</sup> По-видимому, процитированная строка принадлежит А. Ф. Тютчевой.

<sup>4</sup> Вероятно, речь идет о гостинице Павла Ивановича Челышева на Театральной площади (см. примеч. 8 во вступ. ст.). Об общении с А. Ф. и Е. Ф. Тютчевыми в Москве в августе 1862 г. см. в письме Соханской к А. В. Плетневой от 31 августа [Кохановская 2018, с. 468].

<sup>5</sup> Т. е. 16 или 17 августа; машина — поезд.

<sup>6</sup> Зная о впечатлении, произведенном на Соханскую «Ангелом молитвы» Неффа (см. п. 8 и примеч. 4 к нему), Тютчева подарила ей фотографию или гравюру с изображением этой картины. См. также п. 12.

<sup>7</sup> Действительно, они после 1862 г. не могли увидеться. Е. С. Шеншина скончалась в феврале 1873 г., а Соханская приехала в Петербург в конце года.

<sup>8</sup> А. В. Плетнева.

<sup>9</sup> Парафраз апостольских слов: «...и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Иисусѣ» (Флп. 4: 7).

<sup>10</sup> Имеется в виду Успенский собор Московского Кремля, освященный во имя Успения Пресвятой Богородицы (престольный праздник 15 августа старого стиля).

## 11

*27 сентября 1862 г., Москва*

27 сентября  
1862.

*Москва.*

Пишу к Вам, дорогая Анна Федоровна, из нашей дорогой Москвы. Совершенно неожиданно я остаюсь до 4 окт⟨ября⟩ в Москве: нет места в мальпостях<sup>1</sup>. Я не подумала записаться заранее. Немножко досадно на себя, но зато сколько дела хорошего попадает на умственные руки, только принимай — бери! И за всем этим делом, мне все-таки хочется перемолвиться с Вами. Как Ваше здоровье? Ваш возврат к занятиям? В следующем Дне вы найдете мою маленькую заметку о впечатлении, которое произвел Ольридж<sup>2</sup>. Я слышала вчера у Аксаковых<sup>3</sup>, что получено письмо от Вас. Голова у меня такая тяжелая — больная, я живу такую туристкою, обязанною то видеть и другое посмотреть<sup>4</sup>, что устаю до невероятности — и вот отдыхаю на этих бессвязных строках, что пишу к Вам. Какие самостоятельные образцы древней иконописи я вижу и мне показывают! Наша старая Русь всё больше



и больше выясняет себя — на душе становится веселее и мысль не никнет, а поднимается. Будьте здоровы! И если у Вас есть минутка лишняя, напишите мне. Вельтманы<sup>5</sup>, узнавши, что я остаюсь, перетащили меня к себе и мой адрес теперь: *в Москве, в доме дворцовой Конторы, в Денежном переулке у г. Вельтмана против Покрова в Левшине*<sup>6</sup>.

За тем, чего мне пожелать Вам от всей теплоты искреннего чувства? Есть одно чудное желание: «И мир Божий, превосходяй всяк ум, да вселяется в сердца ваши»<sup>7</sup> — этого-то *мира* всё превосходящего желает Вам моя душа. Крепко целую Вас, крепко жму Вашу руку и — прощайте.

Ваша Н. Соханская

<sup>1</sup> Мальпост — почтовая карета. Около того же времени Кохановская писала Ю. Е. Данилевской: «Сегодня переезжаю к Вельтманам; я остаюсь до 1 ок(тября). Нет места в Мальпосте» [Фетисенко 2021а, с. 329]. О том, что места раскуплены до 4 октября, она сообщала и А. В. Плетневой [Там же].

<sup>2</sup> Речь идет о статье «Ольридж — Отелло» (День. 1862. № 39, 29 сент. С. 17–18) — отклике на спектакль в Малом театре с участием негритянского трагика Айры Олдриджа (1807–1867). См. подробный комментарий: [Кохановская 2018, с. 473–474].

<sup>3</sup> Соханская, бывая в Москве, постоянно посещала дом Аксаковых, сблизилась с матерью и сестрами Ивана Сергеевича. Часты упоминания о ней в переписке В. С. Аксаковой с ее петербургской кузиной М. Г. Карташевской (хранится в РО ИРЛИ).

<sup>4</sup> В тот же день Соханская писала в Петербург А. В. Плетневой: «Вчера была в Опере Сомнамбула с Аксаковыми, видела Ольриджа с Погодиными, сегодня от усталости отказалась видеть патриаршую ризницу с Филимоновым, в субботу буду смотреть у Солдатенкова эскизы Иванова с Чижовым; осматривала Синодальную типографию прекрасно с Бессоновым» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 80).

<sup>5</sup> В Москве Соханская сдружилась с писателем Александром Фомичом Вельтманом (1800–1870) и его второй женой, тоже писательницей, Еленой Ивановной (урожд. Кубе; 1816–1868). Об их взаимоотношениях см.: [Фетисенко 2021а, с. 368–369]. К Вельтманам Соханская переселилась из гостиницы 25 сентября (дата названа в письме к А. В. Плетневой от 27 сентября; РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 80 об.).

<sup>6</sup> Дом Дворцовой конторы (Вельтман жил в нем, поскольку был с 1852 г. директором Оружейной палаты) на углу Денежного и Большого Лёвшинского переулков сохранился с XVIII в. до наших дней, в отличие от церкви Покрова Пресвятой Богородицы, построенной в Большом Лёвшинском переулке в 1712 г. на месте деревянного храма XVII в. и снесенной в начале 1930-х гг. Дом Дворцовой конторы (она размещалась здесь с 1835 г.) известен также тем, что здесь в разное время жили историки И. Е. Забелин и С. М. Соловьев.

<sup>7</sup> См. примеч. 9 к п. 10.

## 12

*27 октября 1862 г., Макаровка*

*Суббота 27 окт(ября) 1862.*

Я сейчас окончила переписывать Вам обещанные молитвы<sup>1</sup>, дорогая Анна Федоровна, и вот посылаю их Вам. Желая, чтоб они пришлись Вам

по душе, — чтобы Вы от них получили на душу того же и столько же, сколько я приняла и более от щедроты Господней! — Вот я и дома, — и словно нигде не бывала, и все эти недавно милые лица точно грезятся в каком-то вызываемом сне. Ваше письмо я получила перед днем моего отъезда<sup>2</sup> — полубольная. Я простудилась и последние дней пять отсиживалась безвыездно у своих милых добрейших Вельтман<sup>3</sup>. Право, сомневаешься: можно ли еще где-нибудь, кроме Москвы, встретить таких сердечно-добрых, милых, ласкающих людей и при том умных и занятых умственно, мужа и жену? Это люди, с которыми *легко* — не по пустоши их, а по их сердечной доброте, ароматной — если можно выразиться так. Спрашивая Вас о Вас: что Вы поделяете, кроме известного дела<sup>4</sup>, что читаете? Как себя чувствуете? Я принимаюсь рассказывать Вам о себе. В последние минуты моего пребывания в Москве — уже в почтамте<sup>5</sup>, куда приехал Аксаков проводить меня, мы обменялись несколькими поспешными словами, и издание «Повести Кохановской» решено и к Новому Году должно выйти два тома...<sup>6</sup> А какое глубокое стихотворение этот *Лже-дух*<sup>7</sup> —

Ища для чувственной души  
Духовно-плотских наслаждений...

.....  
И раздражают на любовь,  
На добрый подвиг *соблазняют*...

Да! этот *соблазн* на добро и это *раздражение* любви, как они далеки от тех истинных, святых, совершаемых в тиши и почти бессознательных подвигов любящего добра и любви благотворящей! Не высказываемый пыл и жар, не эта соблазнительная картинность порывающегося чувства составляют силу духа. Кажется так: что, чем дух сильнее, тем чувство сокровеннее, потому что глубже и целомудреннее. Но что говорить об этом? Лучшее объяснение — на деле, а не на словах... Я радуюсь за Вас, радуюсь искренней улыбкой, слыша, что Двор будет в Москве и Вы опять увидите Белокаменную...<sup>8</sup> Но как же мы определим наши письменные отношения? Постановим их совершенно свободно<sup>9</sup>, Анна Федоровна: чтобы ни Вам, ни мне, так или иначе, ни малейше *не соблазнять* друг друга... «Совершенно свободно», повторяю. Есть предметы для письма, хочет сказаться простое и живое человеческое чувство, — Вы тогда пишете; а на нет и суда нет. Мы не будем считать себя обязанными писать в известные времена. И зато, как приятно будет для меня Ваша страничка, когда ей веришь, что она написана не из изящной обязательной вежливости, а из простой теплоты сердца. «Возлюбим друг друга да единомыслием исповема... Да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во мне и Аз в Тебе да и тии в Нас едино будут»<sup>10</sup>. Вашу в высшей

степени приятную для меня просьбу: поставить свечу у мощей св. Петра<sup>11</sup> как мне не полно, через чужие руки довелось исполнить! Как я уже говорила Вам, последние дни я была простудившись и не могла никуда выезжать; а к моему несчастью кучер Вельтмана оказался тугим на ухо. Садясь, чтобы окончательно ехать в почтамт, я сказала остановиться у Иверской<sup>12</sup>, полагая оттуда проехать и в Кремль, в Успенский собор и приложиться к мощам. Кучер понесся по гремящей мостовой, и вдруг я вижу, что он минует часовню Иверской. Я спешу остановить его, стучу в переднее стекло кареты, силюсь опустить боковые; но все усилия мои тщетны. Стекла не подались и не опустились, и кучер в сумятице дождя, снега и пристигшего вечера, толкучей Никольской<sup>13</sup> и гремящей мостовой не услышал меня! И только уже в Туле на обеде мне довелось встретить особу на пути в Москву, которая мне внушила доверие, и вот ее я уже попросила поставить свечу и за Вас, и за себя.

Прощайте. В доме уже всё спит. Слава Богу, что Ваше здоровье восстановилось, как Вы писали в последнем письме... А как здоровье Императрицы?.. Обнимаю Вас с нежностью и теплотою такого объятия, какое можно дать за 1500 верст.

Ваша Н. Соханская

А Ваш «Ангел»<sup>14</sup> на стене в нашей маленькой зале и как Он часто оставливает и безмолвно поучает и восхищает меня.

<...>

На всяком месте владычества Его, благослови, душе моя, Господа!<sup>15</sup>

27 окт(ября) 1862.

*Макаровка.*

<sup>1</sup> Большую часть письма, пропускаемую в данной публикации, занимает списанное для А. Ф. Тютчевой «Поклонение Царю нашему Господу Иисусу Христу» (л. 14–20), представляющее собой более пространную редакцию известного «Поклонения Господу Иисусу Христу» св. Димитрия Ростовского, неизвестно кем составленную.

<sup>2</sup> Т. е. в начале октября. См.: [Кохановская 2018, с. 195].

<sup>3</sup> См. примеч. 5 к п. 11.

<sup>4</sup> Подразумевается воспитание великих князей.

<sup>5</sup> Почтамт размещался на Мясницкой улице.

<sup>6</sup> Впервые Аксаков предложил стать издателем Кохановской еще в 1859 г. (см.: [Кохановская 2018, с. 36, 47]). Работа над двухтомником повестей началась в октябре 1862 г. (см.: [Там же, с. 196]).

<sup>7</sup> Имеется в виду программное стихотворение К. С. Аксакова «Лжедух» («О человек! Дарам святым...»; 1855), с которым Соханская только что познакомилась в газете «День» (1862. № 41, 13 окт. С. 3–4). Цитирует она по памяти. У автора: «И развращает их любовь, / На добрый подвиг соблазняет».

<sup>8</sup> Посещение Москвы царской семьей начнется 10 ноября и продлится до 20 декабря 1862 г.

<sup>9</sup> Ср. в письме от 11 января 1863 г.: «Закон наших взаимных отношений должен быть вполне духовный, т. е. совершенно свободный. Когда придется к делу и к сердцу, тогда и напишется слово» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1312. Л. 23).

<sup>10</sup> Контаминация литургического возгласа (перед пением Символа веры) и цитаты из Евангелия от Иоанна (Ин. 17: 21).

<sup>11</sup> Мощи св. Петра, митрополита Киевского (фактически — Московского) почивают в Успенском соборе. Соханской особенно дорог был этот святой как вольнянин по происхождению (Волынь — историческая родина семьи Лохвицких, предков ее по материнской линии).

<sup>12</sup> Имеется в виду построенная в XVII в. для хранения одной из главных святынь Москвы (Иверской иконы Пресвятой Богородицы) Иверская часовня у ведущих на Красную площадь Воскресенских ворот (разрушена в 1929 г., восстановлена в 1994 г.).

<sup>13</sup> Никольская улица в Москве идет от Красной до Лубянской площади.

<sup>14</sup> См. п. 8 и 10.

<sup>15</sup> Пс. 102: 22.

## 13

24 ноября 1862 г., Макаровка

24 ноября 1862.  
Макаровка.

Я получила Ваше письмо, как, вероятно, и Вы мое с молитвами<sup>1</sup>, которые мне хотелось очень передать Вам, дорогая Анна Федоровна! Будем здоровы не этим только здоровьем, которое дает бодрость внешним силам; а тою другою бодростью, в которой расцветает сила и жизнь души! И эту-то силу и бодрость я желаю и пересылаю Вам со всею искренностью чувства, полюбившего Вас, как Вас и за тем — глядящего на Вас «с отрадой многим незнакомой»<sup>2</sup>, как на живое и жизненное явление и проводницу в Вашей среде того, что дорого душе как ее святыня и бессмертие. Здравствуйтесь же, милая Анна Федоровна и дорогая! Здравствуйтесь в Москве и в Кремле!<sup>3</sup> Я тепло и искренно рада знать, что Вы там, где Вам чувствуется приятнее и вольнее. Вы с Вашими сестрами<sup>4</sup>, с друзьями, Кремлевские колокола Вас к молитве зовут, всерусская Московская святыня близится Вам к самому сердцу — Вы *дело делаете*, Вы стоите на Вашем «свещнике»<sup>5</sup> — и стоите. Полно Вам тосковать и вздыхать о вещественном солнце<sup>6</sup>. Этой тоскою Вы не подольете, моя дорогая, еляя к Вашей горячей светильне<sup>7</sup>. Небо и земля прейдут; ветхою изношенной одеждою совется и сложится в сторону это голубое небо<sup>8</sup>, которое так страстно манит и обессиливает Вам душу; а Ваше внутреннее должно устоять. Не от южного солнца, как ни сияет оно, Вы зажгли свет вашего духа, а духовный человек есть именно тот, по слову Апостольскому, которым ничто не обладает, а напротив он владеет всем властью духа над веществом<sup>9</sup>. Есть чудные священно-поэтические слова у Исаии: «И не будет тебе солнце в свете твоего дня и не восход луны просветит твою

ночь; но будет тебе Господь свет вечный и Бог слава твоя. И это великое Солнце не зайдет тебе никогда и луна эта не ущербится....»<sup>10</sup>

Что Вам сказать о себе? Есть жажда работы<sup>11</sup>, которая, может быть, потому именно довольно сильна, что я беспрестанно должна отрываться. Но только это не «Наталья Федосеевна»<sup>12</sup> (а Вы не забыли о ней), а Рой-Феодосий Саввич<sup>13</sup> — трудная историческая (повесть), которую как-то еще Господь пошлет написать: и кисть должна быть довольно широка, и краски простые, но свежие и верные да и русского духа зачерпнуть надобно...<sup>14</sup> Об издании моих сочинений поговорите с Аксаковым, если захотите что-нибудь узнать<sup>15</sup>. Благодарю Вас за поклон моим старым старушкам. Тетушка очень слаба<sup>16</sup>. Будете ли Вы у Троицы Сергия?<sup>17</sup> Вот где я бы попросила Вас вспомнить на малую минутку меня — у гроба преподобного Сергия. А я очень и очень благодарна Вам, т. е. Вашему чувству, что Вы, не имея еще моего адреса, вздумали написать ко мне. Я хозяйничала, была в риге<sup>18</sup>, где у нас веяли овес, когда мне привезли Ваше письмо, и я невольно улыбнулась этой *поэзии противоположностей*. Письмо, писанное во дворце, получается и читается в риге! Если бы бумага, конверт и мертвые буквы могли выражать их изумление, как бы они громко заговорили. Но мне остается сказать Вам: прощайте, дорогая Анна Федоровна. Вам теперь не скучно, и дай Бог, чтобы еще светлее и поотраднее было Вам.

Ваша Над(ежда) Соханская.

Представляю себе, как шумлив и восторжен Сергей Александрович<sup>19</sup> и тихо довольна Мария Александровна пребыванию в Москве. Какое впечатление выносит Императрица от сближения с московским обществом?<sup>20</sup>

<sup>1</sup> См. примеч. 1 к п. 12.

<sup>2</sup> Цитата из стихотворения Лермонтова «Родина» (1841).

<sup>3</sup> Ср. в письме Аксакова к Соханской от 10 ноября 1862 г.: «Нынче вечером Двор приезжает в Москву, а также Тютчева и Графиня Блудова. Дворец будет набит битком особами, и потому я не очень охотно буду проникать туда на свидания с Анной Федоровной» [Кохановская 2018, с. 199].

<sup>4</sup> С сестрами Екатериной и Дарьей.

<sup>5</sup> Евангельская аллюзия (Мф. 5: 15; Лк. 8: 16).

<sup>6</sup> А. Ф. Тютчева родилась и до 18 лет жила в Мюнхене, и русские зимы ею переживались тяжело.

<sup>7</sup> Аллюзия на притчу о десяти девах (Мф. 25: 1–13).

<sup>8</sup> Контаминация цитат: «...небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф. 24: 35); «...світється небо аки свитокъ...» (Ис. 34: 4); «...и небо отлучися яко свитокъ свиваемо...» (Откр. 6: 14).

<sup>9</sup> Ср.: «...духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2: 15).

<sup>10</sup> Ис. 60: 19–20 (цитата приведена по памяти близко к тексту).

<sup>11</sup> О роении замыслов Кохановской в это время см. в письме В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 26 сентября 1862 г.: «Кохановская просидела у нас до 12 ч., разговорилась особенно

откровенно про свои авторские занятия. Рассказывала, какие у нее уже готовы любимые романы в голове и даже драматические пьесы» [Кохановская 2018, с. 501]. 16 октября 1862 г. Аксаков писал Соханской: «Приветствую Вас на родине, в хуторе Макаровке, и жду, вместе со всеми, от Вас освежительного, возбуждающего слова» [Там же, с. 196].

<sup>12</sup> Речь идет о замысле романа, который впоследствии получит название «Степная барышня сороковых годов» (рукописи утрачены, известно лишь посмертно опубликованное Аксаковым «Летописное сказание» к нему). О работе над романом см.: [Кохановская 2023, т. 3, с. 657–667].

<sup>13</sup> В это время повесть «Рой-Феодосий Саввич на спокойе» еще только обдумывалась. О работе над произведением и восприятии его современниками см.: [Кохановская 2023, т. 3, с. 593–614]. Опубликована повесть будет в газете «День» в 1864 г. (№ 5–13, 15).

<sup>14</sup> В более позднем письме к Тютчевой, от 21 января 1864 г., Соханская характеризовала избранную ей для этой повести стиливую манеру так: «Язык старинной, очень часто рифмующейся прозы — язык нашей песни и сказки вместе, вполне отвечающий тому времени и свойству, и духу языка народной поэтической речи» [Фетисенко 2021а, с. 199].

<sup>15</sup> Подготовка издания шла быстро. 10 ноября Аксаков сообщал уже о наборе второго тома: «Гайка почти отпечатана, теперь набирают Кириллу Петрова» [Кохановская 2018, с. 197].

<sup>16</sup> К. Г. Лохвицкая проживет еще более трех лет. День ее кончины — 11 января 1866 г. [Кохановская 2018, с. 270].

<sup>17</sup> Т. е. в Троице-Сергиевой лавре. За время своего второго пребывания в Москве Соханская дважды побывала там и говела в Свято-Духовской церкви — 26–30 августа и 16–17 сентября (в день своих именин). Подробные рассказы об этом содержатся в ее письмах к А. В. Плетневой от 29–31 августа и от 20–22 сентября 1862 г. (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 75–76, 78 об.–79).

<sup>18</sup> Рига — сарай с печью, используемый для сушки и обмола та снопов.

<sup>19</sup> Сергею Александровичу предстоит в дальнейшем стать московским генерал-губернатором (1891) и принять мученическую кончину от бомбы террориста.

<sup>20</sup> Ср. в письме Аксакова к Соханской от 10 ноября 1862 г.: «Двор (...) хочет сблизиться с обществом (...) Напрасные усилия! Двор, оставаясь Двором, никогда не сделается силою мыслящую» [Кохановская 2018, с. 199].

## Приложение 2

### Письмо Д. Ф. Тютчевой к Н. С. Соханской

*1 января 1874 г., Петербург*

Милая и добрая Надежда Степановна, я думала, что вы уехали в Москву, — как вы мне писали в последнем своем письме, и чувствуя себя нездоровую, просила Киреева<sup>1</sup> заехать к Madame Плетневой и передать ей, что я передала Императрице ваши поздравления к Новому году — и Е(е) Величество поручила мне<sup>2</sup> вас благодарить и сказать вам, что она очень тронута вашим вниманием. — Скоро ли вы поедете в Москву? Я нездорова, и вы меня всегда застанете дома.

Д. Тютчева

1 января

<sup>1</sup> Речь идет об адъютанте великого князя Константина Николаевича, впоследствии (с 1907) генерале от кавалерии, Александре Алексеевиче Кирееве (1833–1910), публицисте и общественном деятеле, петербургском славянофиле. Упоминание о нем служит для нас указанием на то, что Соханская была с ним знакома.

<sup>2</sup> Исправлено из «просила меня». Письмо Д. Ф. Тютчевой имеет большую ценность для биографии Кохановской как свидетельство ее продолжавшихся «контактов» с царской семьей.

## Литература

- Алмазов — Б. А. [Алмазов Б. Н.] Взгляд на русскую литературу в 1858 году // Утро: Литературный сборник. М.: Тип. Барфкнехта и К<sup>о</sup>, 1859. С. 31–80.
- Барсуков — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. Кн. 19. 499 с.
- Бирюкова, Стрижев — Бирюкова М. А., Стрижев А. Н. Надежда Степановна Кохановская (Соханская) (1823–1884): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2018. № 45. С. 200–281.
- Викторович — Викторович В. А. Уроки одной судьбы // Коломенский альманах. 2018. Вып. 22. С. 235–240; впервые: Литературная учеба. 1989. № 3. С. 110–112.
- Вихрова — Вихрова Н. Н. Аксаков и Н. С. Соханская: перипетии художественного взаимодействия // Христианство и русская литература / Отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2017. Сб. 8. С. 467–486.
- Дмитриев — «Высший подвиг в терпении, в любви и мольбе...»: Евгения Шеншина в ее письмах к Аксаковым / Вступ. ст., публ. и коммент. А. [П.] Дмитриева // Текст и традиция: Альманах / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Росток, 2023. [Т.] 11. С. 267–312.
- Ивановский — [Ивановский А. Д.] Федор Иванович Прянишников и его картинная русская галерея. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1870. 193 с.
- Кохановская 1863 — Повести Кохановской: В 2 т. М.: Тип. Бахметева, 1863. Т. 1. 267 с.; Т. 2. 318 с.
- Кохановская 1897 — Письма к П. А. Плетневу Н. С. Соханской (Кохановской) / [Публ. С. И. Пономарева] // Русское обозрение. 1897. Янв. С. 384–396; Февр. С. 1007–1020; Март. С. 428–442.
- Кохановская 1900 — Из писем Н. С. Соханской (Кохановской) к М. В. Вальховской // Русский архив. 1900. № 1. С. 108–140.
- Кохановская 2018 — Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка, 1858–1884 / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 600 с. (Славянофильский архив; Кн. 4).
- Кохановская 2023 — Кохановская (Соханская Н. С.) Полн. собр. соч. и писем: В 7 т. / Под ред. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2023. Т. 1–3. [Изд. продолжается].
- Кунильский — Кунильский Д. А. Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 68–73.
- Леонид (Кавелин) — Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Белевского девичьего Крестовоздвиженского третьеклассного монастыря. СПб.: Тип. Я. Третья, 1863. 186 с.
- Никитенко — Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Л.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. 653 с.

- Очерк жизни — Очерк жизни настоятельницы Белевского Крестовоздвиженского девичьего монастыря игуменьи Павлины. СПб.: [б. и.], 1881. 48 с.
- Платонова — *Платонова Н. Н.* Кохановская (Н. С. Соханская), 1823–1884: Биограф. очерк. СПб.: Сенатская тип., 1909. 234 с.
- Пономарев 1896 — *Пономарев С. И.* П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская): (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // Русское обозрение. 1896. Июнь. С. 469–479.
- Пономарев 1898 — *Пономарев Ст. [И.]* Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 277–312.
- Тютчев — Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: В 3 кн. М.: Индрик, 2012. Кн. 3: 1861–1873. 592 с.
- Фетисенко 2021a — *Фетисенко О. Л.* Кохановская: «степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 424 с.
- Фетисенко 2021b — *Фетисенко О. Л.* Кохановская (Н. С. Соханская) и Царская семья // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 141–153.
- Фетисенко 2022 — *Фетисенко О. Л.* Кохановская (Н. С. Соханская): историко-литературный портрет // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. Т. 10, № 1. С. 143–159.
- Фетисенко 2023a — *Фетисенко О. Л.* Кохановская (Н. С. Соханская) и ее судьба в русской литературе // Соловьевские исследования. 2023. Вып. 1 (77). С. 109–121.
- Фетисенко 2023b — *Фетисенко О. Л.* «Светлым русским взглядом оглянуться вокруг...»: Кохановская (Н. С. Соханская) и ее «галерея портретов» // Текст и традиция: Альманах / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Росток, 2023. [Т.] 11. С. 43–59.

## References

- B. A. [Almazov, B. N.] (1859). 'Vzglyad na russkuyu literaturu v 1858 godu', in: *Utro. Literaturnyi sbornik*. Moscow: Tipografiya Barfknekhta i K°, 31–80.
- Barsukov, N. P. (1905). *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina*. 22 vols. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 19, 499 p.
- Biryukova, M. A., Strizhov, A. N. (2018). 'Nadezhda Stepanovna Kokhanovskaya (Sokhanskaya) (1823–1884): Materialy k biografii', *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 45, 200–281.
- Dmitriev, A. P., ed. (2023). '«Vysshii podvig v terpen'i, v l'ubvi i mol'be...»: Evgeniya Shenshina v ee pis'makh k Aksakovym', in: E. G. Vodolazkin, ed. *Tekst i traditsiya: Almanakh*. Saint Petersburg: Rostok. [Vol.] 11, 267–312.
- Fetisenko, O. L. (2021). *Kokhanovskaya: «Stepnoi tsvetok» russkoi slovesnosti: Teksty i konteksty N. S. Sokhanskoi*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 424 p.
- Fetisenko, O. L. (2021). 'Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) i Tsarskaya sem'ya', in: *Russko-Vizantiiskii vestnik*, 3 (6), 141–153.
- Fetisenko, O. L. (2022). 'Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya): istoriko-literaturnyi portret', in: *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury*. Vol. 10, 1, 143–159.
- Fetisenko, O. L. (2023). 'Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) i ee sud'ba v russkoi literature', in: *Solovievskie issledovaniya*. Vol. 1 (77), 109–121.



- Fetisenko, O. L. (2023). '«Svetlym russkim vzglyadom oglyanut'sya vokrug...»: Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) i ee «galereya portretov»', in: E. G. Vodolazkin, ed. *Tekst i traditsiya: Almanakh*. Saint Petersburg: Rostok. [Vol.] 11, 43–59.
- Fetisenko, O. L., ed. (2018). *Sem'ya Aksakovykh i N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Perepiska, 1858–1884*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 600 p.
- [Ivanovsky, A. D.] (1870). *Fedor Ivanovich Pryanishnikov i ego kartinnaya russkaya galereya*. Saint Petersburg: Tipografiya F. S. Sushchinskogo, 193 p.
- 'Iz pisem N. S. Sokhanskoi (Kokhanovskoi) k M. V. Val'khovskoi' (1900), *Russkii arkhiv*, 1, 108–140.
- Kokhanovskaya (Sokhanskaya, N. S.) (2023). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 7 vols. Ed. O. L. Fetisenko. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 1–3. [Publ. continues].
- Kunil'skii, D. A. (2016). 'Imya Kokhanovskoi v polemike pochvennikov i slavyanofilov', *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (154), 68–73.
- Leonid (Kavelin), arkhimandrit (1863). *Istoricheskoe opisanie Belevskogo devich'ego Krestovozdvizhenskogo tret'eklassnogo monastyrya*. Saint Petersburg: Tipografiya J. Treya, 186 p.
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. I. Tyutcheva* (2012). 3 vols. Moscow: Indrik. Vol. 3. 1861–1873, 592 p.
- Nikitenko, A. V. (1955). *Dnevnik*. 3 vols. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 2, 653 p.
- Ocherk zhizni nastoyatel'nitsy Belevskogo Krestovozdvizhenskogo devich'ego monastyrya igumenii Pavliny* (1881). Saint Petersburg: [s. n.], 48 p.
- Platonova, N. N. (1909). *Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya), 1823–1884: Biograficheskii ocherk*. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya, 234 p.
- Ponomarev, S. I. (1896). 'P. A. Pletnev i N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): (Ee avtobiografiya, posmertnye bumagi i pis'ma', *Russkoe obozrenie*, June, 469–479.
- Ponomarev, St. [I.] (1898). 'Opis' bumag, ostavshikh'sya posle N. S. Sokhanskoi (Kokhanovskoi)', *Russkoe obozrenie*, January, 277–312.
- Ponomarev, S. I., ed. (1897). 'Pis'ma k P. A. Pletnevu N. S. Sokhanskoi (Kokhanovskoi)', *Russkoe obozrenie*, January, 384–396; February, 1007–1020; March, 428–442.
- Povesti Kokhanovskoi* (1863). 2 vols. Moscow: Tipografiya Bakhmet'eva. Vol. 1, 267 p.; Vol. 2, 318 p.
- Vikhrova, N. N. (2017). 'Aksakov i N. S. Sokhanskaya: peripetii khudozhestvennogo vzaimodeistviya', in: V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko, eds. *Khristianstvo i russkaya literatura*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 8, 467–486.
- Viktorovich, V. A. (2018). 'Uroki odnoi sud'by', *Kolomenskii almanakh*, 22, 235–240.

М. Г. Талалай, О. Л. Фетисенко

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА  
К ИЕРОМОНАХУ ДОРОФЕЮ (КУДРЯВЦЕВУ)  
И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РУССКОГО АРХИВА  
АНДРЕЕВСКОГО СКИТА<sup>1</sup>

Резюме

Афонский период жизни и деятельности К. Н. Леонтьева, на первый взгляд, уже хорошо изучен, однако это не совсем так. В фокусе исследовательского внимания всегда находились его связи со Свято-Пантелеимоновским монастырем (Руссиком), между тем немногим меньшую роль сыграло в его жизни знакомство со старшей братией Андреевского скита. В его архиве, ныне находящемся в монастыре Ватопед, которому исторически и был подчинен русский скит, недавно были обнаружены леонтьевские автографы, имеющие огромную ценность для более полного постижения его биографии. Публикация этих материалов служит первым научным дополнением к недавно завершённому академическому изданию сочинений и писем К. Н. Леонтьева.

*Ключевые слова:* К. Н. Леонтьев, Афон, Андреевский скит, иеромонах Дорофей (Кудрявцев), неизвестные письма, биография, «Византизм и Славянство»

---

<sup>1</sup> Авторы статьи выражают искреннюю и глубокую благодарность игумену Ватопедского монастыря Ефрему (Куцý), благословившему Михаила Талалая на публикацию леонтьевских документов из Русского архива Андреевского скита, а также насельнику Ватопеда монаху Диадоху (Кривицкому), несущему послушание по хранению и систематизации этого архива.

## Mikhail G. Talalay, Olga L. Fetisenko

### KONSTANTIN N. LEONTIEV'S UNKNOWN LETTERS TO HIEROMONK DOROTHEI (KUDRIAVTSEV) AND OTHER MATERIALS FROM THE RUSSIAN ARCHIVE OF THE SKETE OF SAINT ANDREW

#### Abstract

Although at first glance the Athos period of Konstantin N. Leontiev's life and work has seemingly been well studied, this is not entirely true. So far, researchers have focused on his connections with the Monastery of St. Panteleimon (Rossikon). Leontiev's acquaintance with the monks of the Skete of St. Andrew also played an important role in his life. Some of Leontiev's autographs have been recently discovered in the Skete archives. The autographs are now located in the Vatopedi Monastery to which the Skete of St. Andrew subordinated. These materials are valuable for the study of Leontiev's biography, and their publication here is the first complement to the recently published scholarly edition of Leontiev's works and correspondence.

*Keywords:* Konstantin N. Leontiev, Athos, Skete of Saint Andrew, hieromonk Dorothei (Kudriavtsev), unknown letters, biography, "Byzantinism and Slavdom"

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-170-191

**В** 2021 г. Пушкинский Дом и издательство «Владимир Даль» завершили издание академического Полного собрания сочинений и писем К. Н. Леонтьева [Леонтьев], через год в серии Приложений к нему вышла двухтомная «Летопись жизни и творчества» [Летопись]<sup>2</sup>. Как это случилось и с другими подобными изданиями, было ясно, что «полнота» в определенной мере условна: дополнения, новые находки неизбежны (почему уже и в заключительной книге собрания, выпускавшегося на протяжении двух десятилетий, появился довольно большой раздел «Дополнений»). В первую очередь ожидать открытий можно было от зарубежных архивов, светских и церковных<sup>3</sup>. После того как в 2015 г. были опубликованы письма Леонтьева к старцам афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря Иерониму (Соломенцеву) и Макарию (Сушкину) [Русский Афон, с. 395–448], что стало для леонтьеведения поистине чудесным событием, можно было

---

<sup>2</sup> Журнал «Словесность и история» дважды предоставлял свои страницы для статей об этом писателе и мыслителе. В № 3 за 2020 г. были помещены неизвестные его портреты, обнаруженные в Государственном историческом музее.

<sup>3</sup> Запросы, предпринятые в свое время издателями собрания сочинений (обращения в украинские и румынские архивы, а также архив Сергиевского института в Париже), не увенчались успехом.

надеяться, что его автографы обнаружатся и в других обителях Святой Горы, и прежде всего — в зависимом от греческого монастыря Ватопед русском Андреевском скиту<sup>4</sup>, где Леонтьев подолгу жывал в бытность свою на Афоне в 1871–1872 гг.<sup>5</sup>

Так и произошло. М. Г. Талалай обнаружил недавно в архиве скита, ныне хранящемся в Ватопедском монастыре<sup>6</sup>, шесть писем будущего монаха Климента к иеромонаху Дорофею (Кудрявцеву)<sup>7</sup> и впервые упомянул о них в специальной работе об этом афоните [Талалай 2023, с. 273–274]<sup>8</sup>. Существование данных писем издатели собрания сочинений предполагали по упоминаниям в других леонтьевских документах (см., например: [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 480; Летопись, ч. 2, с. 608]). В комментариях к одному из томов было опубликовано письмо о. Дорофея, касающееся Леонтьева (этот текст мы процитируем ниже). Новообретенные рукописи позволили узнать много нового о плохо документированных периодах жизни писателя. Предпринимаемая публикация служит, таким образом, первым и весьма существенным дополнением к изданию сочинений и писем автора «Византизма и Славянства». Интересно, что большая часть этих неизвестных писем как раз и связана с предысторией появления главной книги Леонтьева в печати.

\* \* \*

В октябре 1868 г. тульчинский консул Леонтьев впервые после пяти лет службы в Турции приехал в отпуск в Петербург. Это был внешне счастливый период его жизни. Он работал над циклом романов «Река времен», карьера шла хорошо (его донесения высоко ценил сам князь Горчаков), здоровье было еще в относительном порядке, первые тревожные признаки обнаруживало только душевное состояние жены. Новых художественных произве-

---

<sup>4</sup> Об истории русского Андреевского скита см., например: [Троицкий, Талалай 2007; 2009].

<sup>5</sup> Роль Афона в духовной биографии Леонтьева общеизвестна. К этому вопросу обращались все его биографы начиная с А. М. Коноплянцева [Коноплянцев, с. 74–85]. Один из современных авторов, К. М. Долгов, даже озаглавил свою книгу о Леонтьеве «Восхождение на Афон».

<sup>6</sup> После смерти в 1971 г. последнего русского насельника (монаха Сампсона) Андреевский скит двадцать лет пустовал, подвергаясь разного рода хищениям. В 1992 г. здесь, наконец, поселилась группа монахов-греков, однако скитский архив пребывал в плачевном состоянии, пока в 2003 г. его остатки по благословию архимандрита Ефрема, игумена Ватопедского монастыря, не были перенесены в Ватопед. В 2017 г. начался разбор и систематизация архива, которые, как уже было сказано, ведет монах Диадох.

<sup>7</sup> Русский архив Андреевского скита (далее — РААС). Оп. 9. Д. 44. Док. 6665–6670.

<sup>8</sup> Пользуясь случаем, исправляем допущенную здесь погрешность: в статье сообщалось, что знакомству Леонтьева и о. Дорофея поспособствовал о. Климент (Зедергольм) [Талалай 2023, с. 273]. Эта информация ошибочна: о. Климента Леонтьев узнает только в 1874 г. в Оптиной пустыни.

дений и статей Леонтьева ждали «Русский вестник» и затеваемый петербургскими «почвенниками» журнал «Заря», но переговоры еще не успели завершиться чем-то определенным, как вдруг последовало неожиданное назначение в Янину. После оживленной деятельности на Нижнем Дунае это стало для консула чуть ли не ссылкой. В маленьком балканском городке Леонтьев безмерно скучал. Здесь не было политической борьбы или противодействия католическому прозелитизму, как в Адрианополе, где он служил до Тульчи; главным событием была борьба паши с местными и набегавшими из свободной Греции разбойниками. Консул перечитывал Байрона (ведь теперь он находился в тех местах, где побывал поэт), рисовал, продолжал работать над своими романами (потом они сгорят в камине на даче в Каламарии под Салониками). Между тем местный климат оказался для него тяжелым. Под предлогом ухудшения здоровья Леонтьев стал хлопотать о новом назначении, рассчитывая оказаться поближе к границам России, а может быть, к столь любимому им Царьграду. И вот это новое назначение последовало: в македонские Салоники. Его предложили как временное — в чаянии будущего более высокого и интересного поста.

После долгого путешествия на лошадях, подробно описанного самим консулом [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 371—389], в мае 1871 г. он прибыл в этот приморский город. Перемещение в Македонию не стало для него радостным, напротив — нагнетало уныние. Шумный торговый город, чуждое Леонтьеву общество, скучная, чисто канцелярская работа (это видно по характеру сохранившихся в архиве консульства документов). Правда, рядом была Святая Гора, деловая корреспонденция с которой солунским консульством велась очень активно, и сблизиться со старцами Пантелеимоновского монастыря («употребить все усилия Ваши к поддержанию и развитию близких и доверительных сношений») Леонтьеву настоятельно советовал его начальник, посол Н. П. Игнатъев [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 721], но консул не спешил последовать рекомендации. Случилось так, что старцы Руссика первыми приветствовали его: о. Макарий прислал поздравление с именинами (21 мая) [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 302]. Леонтьев и не догадывался, что в этот непривлекательный для него город он приведен высшим Промыслом не случайно: это место «поворотной точки» его биографии. Здесь достигнет кульминации его постепенно зревшее религиозное обращение.

Уже через два месяца по приезде Леонтьев заболел и, будучи по специальности врачом, диагностировал у себя холеру, частую в тех краях. Как известно, он был исцелен после горячей молитвы к Божией Матери и данного обета поехать на Афон и стать монахом. О монашестве он впервые задумался еще в 1870 г., когда серьезно запутались его семейные обстоятельства,

но настоящего призвания еще не испытал. На Святой Горе он был торжественно встречен («звон, хоругви, духовенство в облачениях» [Летопись, ч. 1, с. 406]), сразу открыл старцам, зачем приехал. Постричь его по многим причинам тогда отказались<sup>9</sup>, хотя нельзя исключать, что в дальнейшем тайный постриг в иночество всё же был совершен старцами Пантелеимоновского монастыря. (Впоследствии, в 1891 г., в Оптиной пустыни Леонтьев будет пострижен сразу в мантию с именем Климента, на Афоне же он получил право ношения рясы.) Что касается монашеских обетов, то фактически они были принесены им еще во время молитвы в Каламари<sup>10</sup> и предопределили всю дальнейшую его жизнь.

Вначале Леонтьев пробыл на Афоне недолго, с 25 июля до первой половины августа (надо сразу сказать, что эта и последующие поездки делались в тайне от константинопольского начальства, за что, когда дело обнаружилось, последовало строгое внушение<sup>11</sup>), вернулся в Салоники или Каламарию (на дачу, где жил в июле), причем вернулся уже, как, в принципе, и подобало перемещаться в миру монаху, не один, а с сопровождающим братом (регентом Пантелеимоновского монастыря о. Григорием). Племянница вспоминала, что он долго искал какие-то бумаги и вдруг швырнул в камин рукописи своих заветных романов [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 110]. Жест отречения от мира, повторяющий гоголевское сожжение второго тома «Мертвых душ». Это произошло 3 или 4 сентября [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 306].

Оказавшись вскоре снова на Святой Горе, Леонтьев был втянут в улаживание волнений и нестроений, разгоревшихся в населенном преимущественно малороссами Ильинском скиту (об этом см. подробные донесения его Игнатьеву от 9 и 24 ноября 1871 г. [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 318–325, 327–331] и письмо к старцу Макарию от 3 октября 1871 г. [Леонтьев, т. 11,

<sup>9</sup> В адресованной старцу Амвросию Оптинскому записке «Моя исповедь» Леонтьев объяснял: «Мне отказали не столько потому, что я женат, сколько потому что я на службе» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 228].

<sup>10</sup> Подразумеваем здесь не саму «формулу» обетов, но решимость их *исполнять*, приняв постриг [ср.: Леонтьев, т. 12, кн. 3, с. 177–178]. По крайней мере два обета (целомудрия и послушания) исполнялись им начиная с 1871 г. неукоснительно. С тех пор Леонтьев постоянно пребывал под старческим окормлением. Афонские отцы буквально передали его «из полы в полу» Оптинским, сопроводив рекомендательными письмами.

<sup>11</sup> Живя на Афоне, Леонтьев продолжал посылать донесения в Константинополь и Петербург, помечая их Салониками. Информацию для этих корреспонденций поставлял его воспитанник молдаванин Петро (Петраки) Узун-Тома. Его рукой и переписаны многие из донесений. Часть же «сюжетов» давала происходящее на Афоне (к примеру, дело Ильинского скита, антирусские настроения в болгарском Зографе и т. п.). О «деле скита Св. Пророка Илии» см. также в статье «Панславизм на Афоне»: [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 242–244].

кн. 1, с. 311–312)]<sup>12</sup>. Чтобы быть и близко от «эпицентра» конфликта (речь шла об избрании нового настоятеля), и в то же время вне его, он остановился в Андреевском скиту, куда к нему приходили представители разных «партий» ильинцев. Тогда-то он хорошо познакомился и с дикеем Андреевского скита о. Феодоритом (Крестовниковым)<sup>13</sup>, с которым и позднее поддерживал отношения<sup>14</sup>, и с его помощником иеромонахом Дорофеем<sup>15</sup>.

В донесении Игнатъеву от 3 декабря 1871 г. Леонтьев внушал мысль о необходимости поддержать ходатайство скитян о возведении их обители «в звание самобытного монастыря, 21-го на Афоне» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 338]. Посол отрицательно отнесся к «притязаниям» андреевцев, как он выразился в своем рескрипте [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 578].

Леонтьев полюбил Андреевский скит, пожалуй, не меньше Руссика<sup>16</sup>, хорошо узнал историю его возникновения, что нашло отражение и в его статьях [см.: Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 136–137, 215, 229–230, 251, 253, 261, 263]<sup>17</sup>. Со временем ему даже удалось заинтересовать старшую братию скита необычным предложением: стать издателем «всех его сочинений». Издания должны были печататься в Москве под присмотром знакомых скиту благотворителей. 26 марта 1874 г. в Константинополе будет даже письменно заключено условие об этом (документ публикуется ниже по автографу Леонтьева — экземпляру, сохраненному о. Дорофеем, с подписями их обоих). Задуманное не состоялось, ни одно произведение Леонтьева не было издано

<sup>12</sup> Об истории Ильинского скита см.: [Феннелл, Троицкий, Талалай].

<sup>13</sup> Игумен Феодорит (в миру Федор Крестовников; 1822–1887) был настоятелем Андреевского скита с 1862 г. Происходил он из крестьян Симбирской губернии, на Афоне подвизался с 1843 г. Упомянув о нем значительно позднее, в 1884 г., в одном деловом письме, Леонтьев скажет: «...знакомый мне человек, Афонский архимандрит Феодорит, которого я очень люблю» [Леонтьев, т. 12, кн. 1, с. 76]. См. также примеч. 14 на с. 186 наст. изд.

<sup>14</sup> В письме к о. Макарию (Сушкину) от 1 мая 1889 г. Леонтьев вспоминал: «...я несколько раз виделся в Москве с покойным и добрейшим Архимандритом Феодоритом Андреевским. Он тоже всякий раз посещал меня, и я всегда был ему очень рад. Он хоть и легкомысленный был человек и шутить любил, для Святогорца немножко и через меру, но за его доброту и ум — я его очень любил. У него я также всегда расспрашивал о Руссике...» [Леонтьев, т. 12, кн. 2, с. 267]. См. об отправленных Леонтьевым о. Феодориту посылках: [Леонтьев, т. 12, кн. 1, с. 503].

<sup>15</sup> Иеромонах Дорофей (в миру Иван Ермолаевич Кудрявцев; 1833–1907) происходил из государственных крестьян Вятской губернии; в 1859 г. поступил в Андреевский скит, где впоследствии нес послушание казначея. См. о нем подробнее: [Талалай 2023].

<sup>16</sup> Как нам кажется, его отчасти привлекала вот такая особенность: «Общежитие Андреевское менее строго, не столько по уставу, сколько по обычаю, чем общежитие Пантелеймоновской греко-русской обители; но эта разница служит на пользу людям набожным или желающим постричься на Святой Горе. Те, что сразу не в силах вынести суровый устав Руссика и некоторых греческих киновий, поступают в Андреевский скит» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 229].

<sup>17</sup> Большие фрагменты посвящены скиту в статье «Панславизм на Афоне».

скитом. (Пантелеимоновский же монастырь однажды лишь использовал основные положения леонтьевских статей о панславизме в полемической брошюре иеромонаха Азарии (Попцова), см.: [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 771–772].) Возникает вопрос: зачем Леонтьеву вообще понадобилось заключать подобный «контракт» (так документ именуется в письмах к о. Дорофею)? Ведь находясь в Турции, он еще был уверен, что в «Русском вестнике» поместят любую его работу. Катков и печатал его, и щедро присылал авансы (это уж потом, когда ветер переменится и Катков решит, что Леонтьев «договорился до чертиков» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 96], а значит, печатать его статьи не стоит, автор окажется связан цепью громадного долга). Можно предположить, пожалуй, вот что: в сношениях с редакцией «Русского вестника», ведшихся преимущественно через однофамильца Константина Николаевича, П. М. Леонтьева, мог возникнуть перерыв, заставлявший беспокоиться. Известно, что Леонтьев не хотел покидать Константинополь, где оказался после Афона, но поспешить в мае 1874 г. в Россию его заставила именно неопределенность ситуации с катковским журналом. Он понимал, что «на месте» проще будет выяснить, как обстоят дела, и поторопиться с изданием уже давно присланных произведений. Таким образом, идея издаваться, образно говоря, «под андреевским флагом», была необходима, по большей части, как бы «для подстраховки». Кроме того, в контракте, заключаемом на три года, специально оговаривается, что речь идет только об отдельных изданиях<sup>18</sup>, что не исключает газетных и журнальных публикаций.

Однако мы несколько забежали вперед. В январе 1872 г. Леонтьев по настоянию Игнатьева приезжал в Салоники, чтобы сдать дела заменяющему его битольскому консулу Н. Ф. Якубовскому, и опять вернулся на Афон, где становилось беспокойно: в связи с так называемой «греко-болгарской церковной распрей» в преддверии Поместного собора, осуждающего ересь филетизма (он состоится в Константинополе в сентябре), росло недоверие греков к славянам, и особенно к русским монахам, а загостившийся на Афоне русский консул казался многим каким-то секретным агентом, проповедником панславизма (причем обвинялся и Андреевский скит, где будто бы пропаганде консула «помогают *десять русских монахов-писарей*» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 240], чего, конечно, на деле не было). Имя Леонтьева стало появляться в греческих газетах в отрицательном контексте.

<sup>18</sup> Интересно, что предпринятое Катковым трехтомное издание повестей Леонтьева под названием «Из жизни христиан в Турции» вышло до истечения срока контракта, в 1876 г. Либо Леонтьев позабыл о нем, либо уже ранее получил от о. Дорофея известие, что соглашение — за невозможностью исполнить его — считается «яко не бывшим».



Он тем временем подал прошение о продлении до 1 сентября [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 595] отпуска, который, естественно, собирался провести на Афоне, где и так неофициально находился. Он познакомился со многими обителями. Возвращаясь зимой из Салоник, из-за болезни должен был надолго остаться в Зографе, где, между прочим, и начал работать над «Византизмом и Славянством». Пост и Св. Пасху провел в Руссике, периодически совершая небольшие путешествия-паломничества (в том числе и за пределы Афона). Возможно, не забывал и Андреевский скит. Первые две записки, адресованные о. Дорофею, вероятнее всего, были написаны в летние месяцы, когда Леонтьев путешествовал «в Каваллу и Серрес» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 33], жил в скиту Крумица.

А затем вышло так, что Леонтьев получил разрешение остаться на Святой Горе именно тогда, когда уже вернулся по благословению старцев в мир. Об этом он пишет Игнатьеву 25 сентября 1872 г., поясняя, что «возвратиться на Афон опять по многим причинам было бы теперь неудобно» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 604]. Возможно, одной из причин «неудобства» дальнейшего присутствия на Афоне были осложнения национальных отношений (в предыдущем письме, от 28 августа, Леонтьев упоминал «клеветы» греков, но полагал тогда, что «2–3 недели больше или меньше, конечно, не ухудшат и не улучшат их политические о нас мнения» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 599]). Интересно при этом, что сам Леонтьев мог поддержать беседу на греческом языке и охотно общался на Афоне (как потом будет и на о. Халки) с греческими монахами. Так, например, удалось выяснить уникальную подробность — его знакомство и беседы с великим подвижником Хаджи-Георгием (1806–1896) [Фетисенко 2012а, с. 118–119]. Как стало известно теперь из архивных материалов Андреевского скита, и в тамошней братии не все были довольны присутствием Леонтьева на Афоне, ожидая от этого осложнений. В этом духе сразу после отъезда Леонтьева писал о. Феодориту его ближайший помощник иеромонах Паисий (Левицкий)<sup>19</sup>, которому, кстати, в одном из писем к о. Дорофею Леонтьев, как увидим, дружески кланялся. «Пребывание его и действия, — говорится в письме, — уронили русских в глазах других наций, жалко (если) такие защитники и представители будут, то нам бедным не утешение»<sup>20</sup>.

<sup>19</sup> К сожалению, начало письма не сохранилось, поэтому точно датировать его невозможно. Приблизительная датировка: середина сентября 1872 г.

<sup>20</sup> РААС. Оп. 14. Д. 307. Док. 16623. Л. 1–1 об. Из этого же письма выясняются уникальные, важные для биографии Леонтьева подробности. Ранее была известна сообщенная им самим дата оставления Афона: 15 сентября 1872 г. [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 603]. О. Паисий же приводит точнейший «маршрут» отъезда, перед которым консул последний раз побывал в Андреевском

О. Дорофей неоднократно приезжал в Константинополь по делам скита, встречи с Леонтьевым продолжались, и, как мы уже знаем, 26 марта 1874 г. было заключено «условие» об издании его сочинений, а на другой день Константину Николаевичу даже удалось занять у иеромонаха довольно большую сумму — 50 турецких лир (расписка тоже сохранилась и публикуется ниже). Он вообще умел везде найти кредиторов, занимал и перезанимал, чтобы отдать старый долг, и так всю жизнь и бился в этой добровольной кабале. (Предсмертные письма к друзьям полны рассказами о том счастье, которое он теперь испытывает, выплачивая понемногу по давним обязательствам, о своем горьком раскаянии, что так и не смог заплатить янинскому кавасу — охраннику консульства — Тодори, который умер в бедности. Остается неизвестным, что стало с долгом о. Дорофею.)

4 мая, т. е. почти через полтора месяца после подписания «контракта», перед самым отъездом Леонтьева в Россию, о. Дорофей вручил ему обещанное рекомендательное письмо к московскому купцу первой гильдии, известному храмоздателю Николаю Васильевичу Лепёшкину (1819—1882)<sup>21</sup>, который, по мысли афонита, и должен был организовать издание трудов писателя-христианина (финансировать же его взялся бы сам скит). Это письмо уже было опубликовано, однако не будет лишним привести его и здесь (теперь оно обретает свой настоящий контекст). Сохраняем орфографические особенности подлинника.

---

скиту (важно отметить: думали тогда, что он из Константинополя выедет в Россию, но перед этим еще раз побывает на Афоне): «Г. Леонтьев 11 числа отправился в Руссик, а оттуда на другой день к жене (во время пребывания К. Н. Леонтьева на Святой Горе его жена, Е. П. Леонтьева, жила на границе Афона, то в с. Ерисо (Иерисосе), то «на Пирге» (так, от греческого слова πύργος — 'башня', называли подворье Ватопедского монастыря; ныне Уранополь); см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 33]. — М. Т., О. Ф.) и сухим путем на наш метох (подворье. — М. Т., О. Ф.), потом в Кавалу и Константинополь, но еще через м(еся)ц обещался быть, но с тем чтобы Генеральный фандарик занять» (РААС. Оп. 14. Д. 307. Док. 16623. Л. 1 об.; фандарик — искаж. «архондарик», монастырская гостиница или приемная). Далее рассказывается о том, что Петраки (воспитанник Леонтьева) отправился с ним только до Салоник, о певчем (басе Иване), который просился проводить консула, о том, что Леонтьев «выпросил» в скиту лошадь («а другую в Руссике хотел взять» — л. 1 об.; но взял только мулов, за что потом благодарил в одном из писем о. Макария [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 318]). Примечательное свидетельство прощания Леонтьева с Афоном — запись в книге почетных посетителей Андреевского скита (публикуется далее, после писем к о. Дорофею). Упоминания о салоницком консуле содержатся и в ряде других писем иеромонаха Паисия к о. Феодориту, которые могут стать предметом отдельного исследования.

<sup>21</sup> В архиве скита сохранилось четыре его письма к о. Дорофею; см.: [Талалай 2023, с. 283].

Конст(антинополь) 4 Мая 1874.

Милостивый Государь  
Николай Васильевич!

Рекомендую Вам подателя Сего писма Г-на Константина Николаевича Леонтьева, бывшего Русского Консула в Солониках и хорошего нашего знакомого; мы с Им пришли в соглашение об издании его сочинений. Теперь на первой раз прошу Вас, примите на себя труд заказать в типографии издать 1200 Экземпляров Книгу под заглавием: *Византизм и Славянство*. Бумагу купите сами и какое будите иметь условие с типографией нас уведомте, Естли можете поскорее, что будет стоить Это издание. Я надеюсь, что Вы не отяготитесь сего исполнить. Денги по первому Вашему Извещению мы пошлём к Вам по переводу.

Итак, я надеюсь, что Вы исполните мою просьбу, о чем будет писать к Вам и Старец; я сейчас отправляюсь с Г(осподино)м Муравьевым на Афон. Мой поклон всему Вашему Семейству.

Остаюсь  
Любящий Вас

И(еромонах) Дорофей

[Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 579]<sup>22</sup>.

Из «российских» писем Леонтьева к о. Дорофею выясняется, что рекомендация затерялась, Лепёшкин просил прислать новую. Остается загадкой, каким образом отыскалось майское письмо 1874 г. и почему оно оказалось у Леонтьева (единственное пока возникающее предположение: несостоявшийся меценат «русского византийца» вернул его за ненадобностью). Леонтьев (тогда послушник Николо-Угрешского монастыря) 1 декабря того же года передал его литератору И. Ф. Красковскому, который недолгое время выполнял его поручения в Москве. В архиве Красковского, впоследствии побывавшего на Афоне и написавшего очерк о старце Макарии (Сушкине), документ и сохранился<sup>23</sup>. Передавая его, Леонтьев писал своему тогдашнему помощнику: «Посылаю Вам письмо от *Иеромонаха Дорофея к Лепёшкину*. Я только что получил его. — Вы не забудете и не потеряете его?» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 394].

Обнаруженные в архиве Андреевского скита уникальные материалы восполняют пробелы в биографии мыслителя: наиболее раннее из прежде

<sup>22</sup> В письме упомянут благодетель Андреевского скита духовный писатель, поэт и церковно-общественный деятель Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874).

<sup>23</sup> ОР РГБ. Ф. 141. Ед. хр. 12.

известных писем «послетурецкого» периода датировано только 18 августа 1874 г. [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 381—382]. Теперь же у нас есть возможность узнать о настроении Леонтьева в первый месяц по возвращении в Россию, о его первой беседе с М. П. Погодиным. Октябрьских писем в отечественных архивах тоже имеется всего два [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 382—385]. В новооткрытых, помимо подробностей о переговорах с Лепёшкиным, находим неопенимое указание на то, что Леонтьев обсуждал с андреевцами не только свои издательские планы, но и мечту основать вместе «скиток» на Принцевых островах, которые он так полюбил. О его мечте провести остаток дней на острове Халки было известно и ранее, но только из письма к о. Дорофею становится известно, *как* он видел осуществление этого желания. Находка в монастырском архиве открывает нам, таким образом, новые черты в жизни писателя, пережившего вблизи Святой Горы и на ней внутреннее перерождение.

Письма печатаются с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей источника. Курсивы передают подчеркивания в тексте, в том числе в подписях и авторских обозначениях даты и места написания писем.

## ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

### 1

*⟨1872, не ранее второй половины января, не позднее 10 сентября;  
скит Крумица на Святой Горе Афон⟩*

Отец Дорофей,

Когда же Вы к нам на Круммицу?<sup>1</sup> Давно пора бы Вам в Солунь и так далее<sup>2</sup>. —

Если бы у Вас вместо пре-красного о. Спиридона<sup>3</sup> был бы хороший опытный фершел — Вы бы давно были бы здоровы. —

Жду Вас с нетерпением сюда. —

Ваш К. Леонтьев

<sup>1</sup> Принадлежащий Свято-Пантелеимоновскому монастырю скит Крумица расположен в 25 верстах от него, на границе Святой Горы. Устроен стараниями старца Макария (Сушкина) на месте существовавшей здесь с 1836 г. келлии. Благоустроивал скит болгарин схимонах Иоанникий. Вероятнее всего, первое письмо к о. Дорофею датировано июлем или августом 1872 г., когда Леонтьев мог жить в скиту как на монастырской даче, поскольку Крумица считается одним из лучших мест Афона по климатическим условиям. Перед этим, в июне, он уже намеревался выехать в Константинополь, но по дороге заболел и вернулся на Афон. О дате отъезда со Святой Горы см. во вступ. ст.

<sup>2</sup> Солунь (Салоники) — в то время центр Македонского вилайета, ближайший к Афону крупный административный центр. Под «и так далее» Леонтьев подразумевает

Константинополь (путь туда лежал именно через Салоники). В столицу о. Дорофей, вероятно, должен был отправиться в связи с хлопотами о самостоятельном статусе Андреевского скита.

<sup>3</sup> Речь идет о монахе Спиридоне (в миру Семен Иосифович Малышов (Малышев); 1818–1905), насельнике Андреевского скита с апреля 1853 г., в том же году (в ноябре) постриженном в мантию, а в 1879 г. — в схиму с именем Симон, уроженце Дмитровского уезда Московской губернии. На Афон он прибыл тайно после смерти жены и двоих детей. Происходил он из крестьян, в скиту нес послушание доктора, хотя ясно, что был самоучкой. Приставка «пре» подписана Леонтьевым на полях. «Красным» (в п. 2 — «красненьким») он называет монаха, возможно, за его политические убеждения, расхвалившиеся с леонтьевским ультраконсерватизмом.

## 2

*⟨1872, не ранее второй половины января, не позднее 15 сентября,  
Святая Гора Афон⟩<sup>1</sup>*

Почтеннейший Отец Дорофей, я велел Вам сделать прекрасное лекарство<sup>2</sup>, при котором можно и выходить; но если Ваш *красненький* докторок положит Вам вовсе не то и не так, как я сказал, и отравит Вас — я не виноват. — Я его боюсь решительно.

Будьте здоровы.

*К. Леонтьев*

<sup>1</sup> Записка простым карандашом.

<sup>2</sup> Бывший военный врач Леонтьев, как видим, и на Афоне не забывал о своей специальности. Укажем также на его письмо от 28 ноября 1873 г. из Константинополя к о. Макарию (Сушкину), в котором он дает советы, как предохраниться от холеры [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 369–370].

## 3

*12 июля 1874 г., Кудиново*

*12 июля; 1874. —*

*С. Кудиново. —*

Святителю отче Дорофее!

Благословите! — Наконец, добрейший мой авва, добрался я после разных мытарств до родимого моего гнезда — сельца Кудинова, в Калужской Губ(ернии)<sup>1</sup>, — где нашел свою сироту племянницу Марью Владимировну<sup>2</sup> одинокою по смерти отца<sup>3</sup> и погруженною вполне в хозяйство и молитву. — Успокоившись и посетивши для панихиды могилы родных<sup>4</sup>, я собрался известить Вас о себе и о наших общих делах<sup>5</sup>. —

Проездом через Москву я был в доме Лепёшкина<sup>6</sup> и, узнавши, что он до осени будет за границей, письма отдать его детям<sup>7</sup> не хотел, а отложил всё дело до осени. — Осенью надо будет непременно мне ехать в Москву для

окончания всех этих дел<sup>8</sup>. — Я был еще у известного г. Погодина и познакомился с ним<sup>9</sup>. — Он принял большое участие в судьбе моего «Византизма» и сказал, что если Лепёшкин опоздает или если я встречу с его стороны другие затруднения, то он сам (т. е. Погодин) поможет мне издать эту книгу<sup>10</sup>. — Я ему заметил на это, что у меня есть *условие с одним человеком*<sup>11</sup>, с которым я должен делить барыши пополам, — и потому надо, чтобы издавал Лепёшкин. — А Погодин ответил: «Если Лепёшкин опоздает или случится что-нибудь еще такое, — какая же беда, что другой издаст. — Вы все-таки ½-вину барыша пошлите *тому человеку*: он Вам после этого будет еще больше доверять, и на другие ваши издания еще охотнее даст Вам денег». —

Я так и сделаю, если с Лепёшкиным что-нибудь будет неудобно; — а Вы, не *откладывая* в долгий ящик, постарайтесь тогда найти мне другого человека, ибо нельзя же всегда беспокоить старика Погодина. — Раньше октября книга выйти не может. —

Прощайте, добрый мой отче — передайте мое сыновнее почтение о. архимандриту<sup>12</sup> и не забывайте любящего и Вас, и весь Скит Ваш

К. Леонтьева.

<sup>1</sup> Об истории сельца Кудинова, приобретенного дедом Леонтьева, см.: [Берговская]. Здесь Леонтьев родился (13 января 1831 г.) и рос, сюда стремился возвращаться. Однако имение было разорено, запущено, зимой в нем жить было нельзя, дом еще матерью писателя был продан «на слом», оставалось только три бревенчатых флигеля.

<sup>2</sup> Мария Владимировна Леонтьева (1847–1927) — племянница, ученица, помощница в перебеливании рукописей и впоследствии наследница и хранительница архива Леонтьева. В 1869 и 1870 гг. она приезжала подолгу гостить в Янине, где Леонтьев был консулом, а в 1871 г., видимо, неожиданно для него вместе с О. М. Кошевской (двоюродной сестрой А. Н. Майкова) явилась и в Салоники, последнее место его дипломатической службы. Сложная гамма взаимоотношений с племянницей — одна из побудительных причин к религиозному обращению и покаянию Константина Николаевича. Влюбленная в него Мария Владимировна тяжело переживала его отъезд на Афон, писала ему из Петербурга, прося вернуться в Россию и не пренебрегать занятиями литературой. К 1874 г. ее состояние было более спокойным. 4 ноября, уже из Николо-Угрешского монастыря, Леонтьев напишет своему другу К. А. Губастову: «Маша ужасно постарела; — она летом, вероятно, тоже идет в монастырь. — Я очень рад» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 388]. В 1882 г. М. В. Леонтьева поселится в Орловском Введенском женском монастыре, где станет учительницей в школе. Воспоминания ее см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 73–140].

<sup>3</sup> Один из четырех старших братьев Леонтьева, Владимир Николаевич (1818–1873), публицист, сотрудник газеты «Голос» (с 1863), скончался в Кудинове, куда ему пришлось скрыться из Петербурга в 1872 г. из-за долгов и ухудшившегося здоровья дочери.

<sup>4</sup> Имеются в виду могилы матери, тетушки и брата на погосте Успенской церкви села Велино, ныне находящейся в руинах. Леонтьев впоследствии надеялся перезахоронить их останки в Оптиной пустыни и получил на это благословение старца Амвросия [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 39–40]. Могилы отца (номинального, Н. Б. Леонтьева; настоя-

щим отцом К. Н. Леонтьева был В. Д. Дурново) и других родных «со стороны *Леонтьевых*» в Мещовском Георгиевском монастыре Константин Николаевич посетит только через год — в начале октября 1875 г. [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 471, 462]. «Я не был в Мещовске лет 30! — напишет он К. А. Губастову. — Кладбище вычищено и поправлено с тех пор новым настоятелем, и я не могу найти и следа этих могил...» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 471].

<sup>5</sup> Подразумевается помощь о. Дорофея в деле издания книги Леонтьева «Византизм и Славянство» (см. во вступ. ст.).

<sup>6</sup> Н. В. Лепёшкин (см. о нем во вступ. ст.).

<sup>7</sup> Старшие сыновья Н. В. Лепёшкина: Василий (1842 — не ранее 1896) и Иван (1851 — не ранее 1896); дочери: Елизавета (в замуж. Штром; 1844 — не ранее 1896) и Мария (ок. 1846). Младший сын — Сергей Николаевич (1860–1902), впоследствии (1897–1900) гласный Московской городской думы, как когда-то (с 1877) его отец.

<sup>8</sup> С этого момента (приезда в Москву осенью, «по окончании всех дел по имению», что скрывало за собой получение ссуды под его залог в банке) начинается повествование в незавершенных записках «Моя литературная судьба», создававшихся в 1874–1875 гг. [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 72].

<sup>9</sup> Историка М. П. Погодина Леонтьев встречал в Москве еще в 1849–1850 гг. (см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 34]), но, скорее всего, не был представлен ему. В октябре 1853 г. он писал Погодину, предлагая в «Москвитянин» свой рассказ «Ночь на пчельнике» (см.: [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 9–10, 502]), но не заинтересовал издателя: рассказ будет опубликован только в 1857 г. в «Московских ведомостях». О встрече в июне 1874 г., сыгравшей большую роль в жизни Леонтьева, см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 88]; о последующих см.: [Там же, с. 88–90, 96–97]. Приготовленную «для печати» часть книги «Византизм и Славянство» Леонтьев отправит Погодину вместе с письмом от 29 октября 1874 г. [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 383].

<sup>10</sup> Погодин рекомендует Леонтьева историку О. М. Бодянскому [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 96], который и издаст «Византизм и Славянство» в редактируемых им «Чтениях в Обществе любителей древностей российских при Имп. Московском университете». Выход почти целиком отведенной под труд Леонтьева третьей книги за 1875 г. задержится до февраля 1876 г.

<sup>11</sup> Подразумевается сам о. Дорофей.

<sup>12</sup> Речь идет об о. Феодорите (Крестовникове); см. о нем во вступ. ст.

#### 4

*7 октября 1874 г., Москва*

*Октября 7-го; 1874.*

Москва

Добрый мой отче Дорофее!

Лепёшкин вернулся из-за границы, и я, наконец, на днях вырвался из своей деревни в Москву<sup>1</sup>, чтобы заняться делом серьезно. —

Вчера я был у Лепёшкина и, вообразите, какая случилась неприятность. — В июне месяце проездом через Москву я был у него, он был за границей тогда, и я сделал неосторожность. — Мне бы нужно было или удержать у себя Ваше письмо, или узнать, когда сыновья Лепёшкина при-

езжают с дачи в Москву и передать им письмо самому в руки, а я отдал его *дворнику*. — Теперь его в Конторе не могут разыскать<sup>2</sup>. —

Контракт наш<sup>3</sup> Лепёшкин прочел и сказал, что он не будет делать затруднений в исполнении этого поручения и деньги даст на печатание, но что ему необходимо заручиться *Вашим письмом*, а старого отыскать не надеется. —

Смотрите же!.. будьте верны Вашему слову (чтобы недаром Вас хвалили все узнавшие об этом деле в Константинополе и здесь — «*вот, мол — какой умный монах!* — *Какой молодец Дорофей!* *Не ожидал я этого от афонца!*») Так говорили люди наши (Хитров, Ону, Губастов и *дамы!*)<sup>4</sup>(!). —

Страхните главное вашу великорусскую *лень* (всем нам общую)<sup>5</sup> и не откладывайте ответа *до завтра*. —

Дела мои здесь тотчас по приезду пошли, благодаря Господу Богу и Пресвятой Владычице нашей Богородице<sup>6</sup>, *хорошо*. — Все люди сильные здесь отлично принимают меня<sup>7</sup>, и у Каткова я *устроился*; — так что могу без больших, кажется, стеснений прожить зиму и печатать столькие еще ненапечатанные вещи<sup>8</sup>. — *О монастырях не только не забываю*, но и на ту деятельную и довольно светскую жизнь, которая мне предстоит, кажется, здесь, я смотрю лишь как на временную и как на необходимое средство устроить поспокойнее мои дела, жену, имение и т. д. и потом надеть поскорее рясу, которая все-таки не будет мне и после мешать писать<sup>9</sup>. —

Смотрите, не испортите дел, не *запоздайте ответом!* — И Лепёшкин будет сегодня же Вам об этом писать<sup>10</sup>. — Болгарский вопрос требует некоторой спешности. —

И еще вот что, не забывайте наших планов *об островах Халки, Антигоне* и т. д.<sup>11</sup> — По очистке разных дел<sup>12</sup> я могу продать свое калужское имение и выручить за всеми уплатами все-таки *тысяч 5*<sup>13</sup>. —

Хорошо бы *вместе* устроить *скиток* на островах! —

Благословите и простите. —

У батюшки о. игумена<sup>14</sup> (*лжуща Меня ради*<sup>15</sup>) и о. Паисия<sup>16</sup>, и у Вашего Преподобия лобызаю десницы и остаюсь Ваш грешный

К. Леонтьев.

*Адрес мой* — в редакцию *Русского Вестника*<sup>17</sup>. —

Не зная, *где* вы, я посылаю завтра еще два таких же письма в Одессу и на Афон<sup>18</sup>; а это в Царьград. —

<sup>1</sup> Леонтьев прибыл в Москву в конце сентября [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 418]. 1 октября датировано его письмо к кн. К. Д. Гагарину, в котором он уже «докладывает» о ходе своих дел [Там же, с. 382–383].

<sup>2</sup> Письмо каким-то образом все же нашлось; см. во вступ. ст.



<sup>3</sup> Имеется в виду датированный 26 марта 1873 г. договор, заключенный между о. Дорофеем и Леонтьевым. Помещаем его далее вслед за письмами.

<sup>4</sup> Упомянуты посольские друзья Леонтьева секретарь Михаил Александрович Хитрово (он же и друг детства Леонтьева; 1837–1896), драгоман Михаил Константинович Ону (1835–1901) и младший секретарь Константин Аркадьевич Губастов (1845–1919). «Дамы» — жена посла Екатерина Леонидовна Игнатьева (урожд. кж. Голицына; 1842–1917), жена советника посольства Ольга Дмитриевна Нелидова (урожд. кж. Хилкова; 1839–1918), Луиза Францевна (Елизавета Александровна) Ону (урожд. Пети де Баронкур; 1843–1909), Софья Петровна Хитрово (урожд. Бахметева; 1846–1910) и, возможно, кн. Амалия Павловна Мурузи (урожд. Зизиния; ок. 1850–?). Со всеми ними о. Дорофей, бывавший в Константинополе, вероятнее всего, был знаком лично. Об общении Леонтьева с константинопольскими приятелями см.: [Фетисенко 2012b; 2014; 2016; 2020].

<sup>5</sup> В письмах Леонтьева можно найти множество горьких сетований на эти лень, не-обязательность или попросту «великоруссизм» (ср., например: [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 351; т. 12, кн. 2, с. 403]).

<sup>6</sup> Свое пребывание в Москве Леонтьев начал с посещения Иверской часовни у Воскресенских ворот Кремля [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 72], что ему было особенно дорого после года, проведенного на Афоне.

<sup>7</sup> У Леонтьева были рекомендательные письма к княгине Н. Б. Трубецкой, известной московской благотворительнице, князю В. А. Черкасскому и к бывшему дипломату, а на момент приезда бывшего консула в Москву — чиновнику придворного ведомства В. С. Неклюдову [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 387]. Летом он почти никого не застал в городе, так что воспользовался рекомендациями уже во второй приезд. Под «сильными людьми» он мог подразумевать И. С. Аксакова, который поначалу очень к нему расположился, и кн. Черкасского.

<sup>8</sup> Надежды оказались иллюзорными. См. во вступ. ст. С Катковым в июне Леонтьев встретался «раза три» и получил от него аванс 700 руб., см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 79; Летопись, ч. 1, с. 474].

<sup>9</sup> Уезжая из Турции, Леонтьев намеревался поселиться в России в монастыре, но так, чтобы иметь возможность продолжать литературные занятия. Монашеский постриг по его семейным обстоятельствам мог быть только тайным. Еще в 1873 г. он обращался к о. Леониду (Кавелину), пытаясь договориться о возможности обосноваться при Ново-Иерусалимском монастыре, но получил отказ. В августе 1874 г. Леонтьев приехал в Оптину пустынь с рекомендательными письмами от афонских старцев Иеронима и Макария, но тогда он еще не видел в этом монастыре места своей «последней пристани», а склонялся к подмосковному Николо-Угрешскому монастырю, с настоятелем которого успел познакомиться в июне. Через месяц после обращения к о. Дорофею Леонтьев уже был угрешским «неприукраженным» послушником.

<sup>10</sup> Вот что написал Лепёшкин:

Москва 5-е (8?) октября 1874

Почтеннейший Отец Дорофей

Давно не имел сведения, где Вы теперь находитесь. Вчера был у меня г. Леонтьев и сказывал, что в июне месяце он доставил дворнику письмо от Вас на мое имя, но я письма не получал, тогда был за границей, а по приезде оно не оказалось. Леонтьев сказывал мне, что у Вас было с ним условие насчет печатания книг и показывал оно, но так как я не знаю, что было писано в письме, то и не мог сказать ему ника-

кого ответа; то если что нужно, напишите, я ему передам. Взойти в это дело я не могу, но если нужно будет выдать за Ваш счет денег, то, по приказанию Вашему, я выдам. (РААС. Оп. 9. Док. 6796. Л. 1).

<sup>11</sup> Имеются в виду Принцессы острова в Мраморном море. Леонтьев с марта 1873 г. по конец апреля — начало мая 1874 г. жил на о. Халки, который ему особенно полюбился. Здесь он общался и с профессорами духовной школы, и с отшельниками в лесу. Сюда он мечтал вернуться.

<sup>12</sup> Ф. П. Леонтьева завещала свое имение сыновьям Владимиру и Константину и внучке М. В. Леонтьевой. Братья Борис и Александр настаивали после смерти Владимира на том, чтобы им выплатили значительные суммы «отступного».

<sup>13</sup> Имение будет продано в 1882 г. за меньшую сумму.

<sup>14</sup> Подразумевается о. Феодорит. Официально на Афоне скитоначальник именуется греческим словом «дикей», но неофициально как среди русских, так и среди греков — игуменом.

<sup>15</sup> «...На вы (на вас) лжуще, Мене ради» — цитата из Заповедей блаженства (Мф. 5: 11). Контекст и смысл обыгрывания этих евангельских слов ясен только автору и адресату письма.

<sup>16</sup> Имеется в виду иеромонах Паисий (Левицкий; ?–1877). По происхождению петербургский мещанин, поступил в скит в 1852 г., пострижен в 1853 г. Проходил послушания келейника скитоначальника Виссариона (Толмачева), певчего, казначея, наместника, в 1860-е гг. находился в России по сбору с чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «В скорбях и печалях Утешение», в 1870-е гг. был представителем скита в Петербурге, где и скончался. Погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

<sup>17</sup> Ср. в письме к кн. Гагарину: «...самый верный адрес в Редакцию» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 383].

<sup>18</sup> Одно из них сохранилось; см. ниже.

## 5

8 октября 1874 г., Москва

Октября 8-го; 1874.

Москва. —

Добрейший отче Дорофее!

Лепёшкина летом не было в России; я имел неосторожность отдать письмо Ваше дворнику его; теперь его в конторе не могут розыскать. — Лепёшкин видел контракт наш и от дела не отказывается, но желает иметь от Вас письмо. — Он сам обещал писать Вам в Одессу; — а я другое письмо написал еще поподробнее Вам об этом в Константинополь<sup>1</sup>. — Которое-нибудь да дойдет, а вы уж, пожалуста, в долгий ящик не откладываете по вашему обычаю великорусскому и ответьте Лепёшкину сейчас. —

Здесь влиятельные люди приняли меня еще лучше, чем я ожидал<sup>2</sup>. — От Вас, отче, теперь зависит не испортить дела.

Ваш К. Леонтьев

Простите и благословите! —

<sup>1</sup> См. п. 4.

<sup>2</sup> Речь прежде всего идет о славянофильском кружке и И. С. Аксакове.

6

30 ноября 1875 г., Кудиново

30 ноября, 1875  
Сельцо Кудиново. —

Отче Дорофее! Отче! отче!

Еще раз, еще раз, еще раз прошу Ваше Преподобие выслать новое письмо Лепёшкину о нашем деле<sup>1</sup>. — Я писал Вам, что он и прошлой зимой соглашался хоть сейчас дать денег на издание, лишь бы было от Вас *ему* письмо *кроме контракта* нашего с Вами (хоть подпись Вашу он узнал сейчас же)<sup>2</sup>. — Нынешний год лучше; по поводу Герцеговинского восстания всё, что касается Востока, скорей разойдется<sup>3</sup>. — И я этот год свободнее и поздоровее. — Вы спросите у Губастова, что со мной прошлого года делали *разные люди*<sup>4</sup> помимо недугов и горестей!..

Простите — право, больше мне сейчас некогда писать. — Я по-прежнему люблю и свято чту его<sup>5</sup> память, люблю Ваш Скит и Руссик<sup>6</sup> — я всё тот же в сущности, хотя обстоятельства и изменились. — Верьте мне и простите, что много не пишу. — Если хотите знать больше обо мне, спросите у К(онстантина) Арк(адьевича) Губастова; — он всё знает. —

Я не знаю, *где Вы*, и так как письмо спешное, то посылаю через него<sup>7</sup>. —

Прошу Вашего благословения, целую десницу Вашу, а Вас самих обнимаю

Ваш всё тот же

К. Леонтьев.

Письмо к Лепёшкину адресуйте или прямо ему, или на следующий адрес:

В *Москву*. — На Малой *Серпуховской* улице в дом *Корниловой*. Е(е) Бл(агородию) Катерине Васильевне Самбикиной<sup>8</sup> для перед(ачи) К. Н. *Леонтьеву*. —

А в середину вложите письмо к *Лепёшкину*. — Только *заказным* надо посылать. —

<sup>1</sup> Т. е. об издании книг Леонтьева. Главный труд, «Византизм и Славянство» (пусть и в сокращенном виде), был к этому времени уже «пристроен» в научный журнал, редактируемый Бодянским, но оставалось еще много работ, отвергнутых М. Н. Катковым (например, «Афонские письма»).

<sup>2</sup> См. п. 4.

<sup>3</sup> Восстание в Герцеговине, начавшееся весной 1875 г., — первый предвестник будущих Сербско-турецкой и Русско-турецкой войн. Леонтьев думал об издании своей

статьи «Еще о греко-болгарской распре», книги «Афонские письма» и других сочинений.

<sup>4</sup> Обращение к о. Дорофею было вложено в письмо к К. А. Губастову (см. примеч. 7), младшему другу Леонтьева, впоследствии товарищу министра иностранных дел. Он должен был рассказать о трудных жизненных обстоятельствах Леонтьева: о трудностях, которые он перенес в Николо-Угрешском монастыре, о судебном иске, поданном старшими братьями по делу о наследстве. «Разные люди» — это, вероятно, и братья, и московские славянофилы, изменившие отношение к Леонтьеву после его поступления в монастырь, и, может быть, сам угрешский настоятель архимандрит Пимен (Мясников).

<sup>5</sup> Подразумевается Афон. Вероятно, в спешке Леонтьев после «по-прежнему люблю» пропустил это слово.

<sup>6</sup> Обиходное название Свято-Пантелеимоновского монастыря, возникшее еще в XVII в.

<sup>7</sup> Письмо о. Дорофею датировано 30 ноября, между тем о необходимости его спешной доставки говорится в послании к Губастову от 15 ноября (ответ на письмо последнего от 23 октября), вместе с которым оно и было отправлено: «Во-1-х, пожалуста, *поскорее и вернее достав(ь)те* прилагаемое письмо *О. Дорофею Андреевскому*; — то, что прошлого года не удалось с Лепёшкиным, быть может, нынешний год удастся» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 480]. Если дело было спешным, вряд ли 15 ноября Леонтьев говорил о еще не написанном письме или отложил отправку на две недели, до конца ноября. Скорее можно предположить другое: на письме о. Дорофею вместо «30 октября» он мог ошибочно поставить ноябрьскую дату. Потом же он поджидал ответа от Губастова, который вскоре и получил.

<sup>8</sup> Екатерина Васильевна Самбикина (1842–1911) — племянница Леонтьева, дочь его сестры Анны Николаевны (1815 — до 1864). В 1860-е гг. служила гувернанткой, в 1878 г. — начальницей Мельниковского приюта и богадельни в Любани. В начале 1870-х гг. она стала близкой духовной дочерью и фактически одним из секретарей старца Амвросия Оптинского, от которого позже приняла тайный постриг. После кончины старца поступит в основанный им Шамординский монастырь, где в 1904 г. станет третьей по счету игуменьей; перед кончиной приняла схиму. В 1907 г. в Шамордино поступят и ее младшие сестры Наталья и София.

## ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ

### 1

#### ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОСЕТИТЕЛЕЙ АНДРЕЕВСКОГО СКИТА

И грешный *Леонтьев* здесь был,

Иноческий мед пил —

По усам текло,

А в рот еще не попало! —

К. Леонтьев; 1872 года; —

сентября 6-го. — *Сарайский*

*Скит Св. Андрея.* —

(Автограф Леонтьева: РААС. Ф. 34. Д. 286. Док. 11535. Л. 25).

Предыдущая запись была сделана 19 (31) августа 1871 г. секретарем британского посольства в Константинополе Хьюбертом-Эдвардом-Генри Джернингэмом (1842–1914), впоследствии губернатором Тринидада и Тобаго, и его спутником Гербертом Хоупом. «Сарайский» — от *тур.* Сарай (Серай), дворец; так называли Андреевский скит, поскольку он был основан на месте внушительной патриаршей келлии XVII в., носившей это прозвание.

## 2

### «КОНТРАКТ» К. Н. ЛЕОНТЬЕВА С ИЕРОМОНАХОМ ДОРОФЕЕМ

#### *Условие*

1. Иеромонах Св.-Андреевского Русского Скита на Афоне О. *Дорофей* обязуется издавать в Москве, Петербурге или Одессе (смотря по обстоятельствам) *все сочинения* отставного Коллежского Советника Константина Леонтьева. —

2. *Прибыль*, остающаяся за расходами на бумагу, типографские издержки и т. п., и сверх того процента, который будет назначен в пользу книгопродавца, *будет делиться пополам между Андреевским Скитом и К. Леонтьевым.* —

3. В Москве всеми делами по изданию (то есть учинять заказы книгопродавцам и типографиям, покупать бумагу, учинять с кем следует счета и о действиях давать отчет в Андреевский Скит) будет заведывать корреспондент Андреевского Скита Купец 1-й Гильдии *Николай Васильевич Лепешкин* или другое лицо, по указанию Скита, в случае отказа г. Лепешкина. —

4. Г. Леонтьев, не списавшись с О. Дорофеем или не переговоривши, *не может отдавать другим издателям свои сочинения для отдельного издания* (о помещении в журналах, сборниках и газетах здесь нет речи). —

5. — На сочинениях более духовного содержания можно помещать: «Издание Андреевского Скита на Афоне», на других не следует. —

6. Условие сие имеет силу *на три года.* —

Марта 26-го дня; 1874 года; Константинополь

Иеромонах *Дорофей*

Отставной Коллежский Советник: *К. Леонтьев*

(Автограф Леонтьева, подпись о. Дорофея — автограф: РААС. Оп. 9. Д. 45. Док. 6953).

3

РАСПИСКА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Я, нижеподписавшийся, взял займообразно *пятьдесят (50) турецких лир* у О. Дорофея, Андреевского Скита на Афоне, кои обязуюсь уплатить по предъявлении. — 27 марта; 1874. Константинополь. —

*К. Леонтьев*

(Автограф Леонтьева: РААС. Оп. 9. Д. 45. Док. 6954).

Литература

- Берговская — *Берговская И. М.* Кудиново в жизни К. Н. Леонтьева // История философии. 2000. № 6. С. 198–208.
- Коноплянцев — *Коноплянцев А. М.* Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Литературный сборник. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 1–142.
- Леонтьев — *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
- Летопись — Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева (1831–1891): В 2 ч. / Сост. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2022. Ч. 1: 1831–1880. 703 с. Ч. 2: 1881–1891. 735 с. (Прил. к Полному собранию сочинений и писем К. Н. Леонтьева; Кн. 3 и 4).
- Русский Афон — Русский Афон XIX–XX веков / Гл. ред. иером. Макарий (Макиенко). Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. Т. 10: Письма выдающихся личностей России к старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. 804 с.
- Талалай 2007 — *Талалай М. Г.* Некрополь Свято-Андреевского скита на Афонской Горе. СПб.: ВИРД, 2007. 104 с. (Российский некрополь; Вып. 15).
- Талалай 2009 — *Талалай М. Г.* Русский Афон: Путеводитель в исторических очерках. 2-е изд. М.: Индрик, 2009. 176 с.
- Талалай 2023 — *Талалай М. Г.* Святогорец Дорофей (Кудрявцев) и Православное Палестинское Общество // Православный Палестинский сборник. М.: Индрик, 2023. Вып. 121 / Отв. ред. С. В. Житенёв. С. 269–284.
- Троицкий — *Троицкий П. В.* Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М.: Храм Св. Троицы на Шаболовке, 2002. 144 с.
- Феннелл, Троицкий, Талалай — *Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. М.: Индрик, 2011. 400 с. (Русский Афон; Вып. 8).
- Фетисенко 2012a — *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
- Фетисенко 2012b — Письма К. А. Губастова к Б. В. Никольскому (1898, 1908–1911) / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. О. Л. Фетисенко // Христианство и русская литература / Отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 250–273.
- Фетисенко 2014 — *Фетисенко О. Л.* Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 97–146.

- Фетисенко 2016 — *Фетисенко О. Л.* Из босфорского table-talk 1874 года (М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии) // *Русская литература*. 2016. № 1. С. 80–89.
- Фетисенко 2018 — *Фетисенко О. Л.* Афон и его «единство в разнообразии» в социокультурной концепции Константина Леонтьева // *Русско-византийский вестник*. 2018. № 1. С. 141–145.
- Фетисенко 2020 — *Фетисенко О. Л.* Константинопольский «маскаралык» 1877–1878 гг. в письмах и воспоминаниях К. А. Губастова // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 3. С. 444–459.

## References

- Bergovskaya, I. M. (2000). 'Kudinovo v zhizni K. N. Leontieva', *Istoriya filosofii*, 6, 198–208.
- Fennell, N., Troitskii, P., Talalay, M. (2011). *Il'inskii skit na Afone*. Moscow: Indrik, 400 p.
- Fetisenko, O. L. (2012). «*Geptastilisty*»: *Konstantin Leont'ev. Ego sobesedniki i ucheniki*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 784 p.
- Fetisenko, O. L. (2014). 'Epizody iz zhizni konsula (K. N. Leont'ev i M. A. Khitrovo)', in: *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 97–146.
- Fetisenko, O. L. (2016). 'Iz bosforskogo table-talk 1874 goda (M. A. Khitrovo i ego neizdannaya epigramma na prozelita transtsendentalnoi filosofii)', *Russkaya literatura*, 1, 80–89.
- Fetisenko, O. L. (2018). 'Afon i ego «edinstvo v raznoobrazii» v sotsiokulturnoi kontseptsii Konstantina Leont'eva', *Russko-vizantiiskii vestnik*, 1, 141–145.
- Fetisenko, O. L. (2020). 'Konstantinopol'skii «maskaralyk» 1877–1878 godov v pis'makh i vospominaniyakh K. A. Gubastova', *Tetrad' po konservatizmu*, 3, 444–459.
- Fetisenko, O. L., ed. (2012). 'Pis'ma K. A. Gubastova k B. V. Nikol'skomu (1898, 1908–1911)', in: V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko, eds. *Khristianstvo i russkaya literatura*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 7, 250–273.
- Fetisenko, O. L., ed. (2022). *Letopis' zhizni i tvorchestva K. N. Leont'eva (1831–1891)*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 1: 1831–1880, 703 p. Vol. 2: 1881–1891, 735 p.
- Konoplyantsev, A. M. (1911). 'Zhizn' K. N. Leont'eva v svyazi s razvitiem ego mirosozertsaniya', in: *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva*. Saint Petersburg: Tipografiya «Sirius», 1–142.
- Leont'ev, K. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. [19 books], eds. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2000–2021.
- Makarii (Makienko), ieromonakh, ed. (2015). *Russkii Afon XIX–XX vekov*. Svyataya Gora Afon: Izdanie Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone. Vol. 10, 804 p.
- Talalay, M. G. (2007). *Nekropol' Svyato-Andreevskogo skita na Afonskoi Gore*. Saint Petersburg: VIRI, 104 p.
- Talalay, M. G. (2009). *Russkii Afon: Putevoditel' v istoricheskikh ocherkakh*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow: Indrik, 176 p.
- Talalay, M. G. (2023). 'Svyatogorets Dorofei (Kudryavtsev) i Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo', in: *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. Moscow: Indrik. Vol. 121, 269–284.
- Troitskii, P. V. (2002). *Andreevskii skit i russkie kel'i na Afone*. Moscow: Khram Svyatoi Troitsy na Shabolovke, 144 p.

С. А. Кибальник

## ГОРОД БЕЗ ПРАВЕДНИКА

*Памяти Константина Кузьмича Логинова*

### 1

Говорят: нет пророка в своем отечестве. В смысле у себя дома, в своей стране, его за такового не признают. А в чужом отечестве он есть, что ли? Признают его? Кажется, уже нигде нет.

Может, тогда праведники есть? Распознают их промеж людей?

Говорят: не стоит село без праведника. А я вот думаю: а город? страна?

Когда некоторые люди уходят, а потом случается что-то ужасное, то думаешь: вот был бы этот человек жив, разве б могло такое случиться?..

И не то что он протестовал бы. Просто не случилось бы ничего такого, и всё.

А еще: почему люди промеж собой праведников не замечают? Потому что думают: они безгрешными быть должны.

Ну вот Зосима в «Братьях Карамазовых» — он что, безгрешным был?

Вот и я — людей безгрешных не встречал. А праведников в своей жизни, похоже, видел.

### 2

Я сам южанин и до своего приезда в Ленинград «северян» не встречал. А он, Костя, не то чтобы «оттого, что он с севера, что ли», — он самый настоящий «северянин» и был. Хотя не бог знает с каких северов — из карельской Вытегры приехал.

© С. А. Кибальник, 2023



Мало того, что он был — особенно смолоду — настоящий блондин. Он и телосложением был особенный. Руки у него длиннее, чем обычно, были. Я ростом его выше, а руки у нас одинаковые. Беломоро-балтийский тип.

Чем он еще на меня был не похож, так это тем, что эти самые руки у него из того места росли. Не то что у меня. Я не знаю, чего он не умел. Электричество починить, рыбу не только ловить, но и коптить, ночью в лесу без фонаря дорогу находить.

И под каждым здесь кустом

Был готов и стол, и дом —

это как будто про него сказано было. Про то, как он в лесу умел обитать.

Развести костер, сварить уху в котелке — это для него было все равно что для меня включить газ и поставить кастрюлю на плиту. Причем помощи он никогда не требовал, заданий не раздавал.

Можешь сам сообразить, как поучаствовать, — давай. Нет? Не беда, он и один справится.

Что такого между нами было общего — вот поди ж ты разбери. «Он молчал невпопад и не в такт подпевал, Он всегда говорил про другое...».

А отличий не то что два, — двадцать два без труда найти можно было...

### 3

В нашей бродячей аспирантской жизни, когда у него возникали проблемы с жильем или деньгами, он устраивался на работу в какое-нибудь общежитие — электриком или сантехником. Это автоматически означало, что если кому-то из его многочисленных не столь одаренных однокашников-аспирантов негде было переночевать, то проблема разрешалась очень просто.

Аспирантом я в Пушдоме был заочным, но при этом уже в нем и работал. Как человеку приезжему, мне в первом моем качестве полагалось место в аспирантском общежитии, а во втором — не полагалось места нигде, кроме как на работе. А поскольку снять жилье — это тогда тоже было не фунт изюма, то в Костином гостеприимстве я неоднократно мог убедиться на собственном опыте.

Помню, у него была громадная, чуть ли не тридцатиметровая, комната в тогдашней «шестерке» — общежитии ЛГУ на Мытнинской набережной, что сразу за Биржевым мостом. В этой комнате у Кости я даже как-то прожил недели две-три.

От этого общежития самое короткое из возможных расстояний до Пушдома. Ближе к нему я больше в жизни никогда не жил.

За вечерним чаем Костя то и дело повторял вирши его собственного сочинения:

Сергей Акимович Кибальник на Макарова служил<sup>1</sup> —  
Институт им очень масса, очень масса дорожил...

«Очень масса» — это было выражение подполковника Гвоздева, с которым я, сам того не желая, регулярно виделся на военной кафедре. А отслуживший в армии Костя этого удовольствия был лишен. Но я как мог его ему возмещал.

Насчет того, что «очень масса» дорожил, это было скорее Костино мифотворчество. Но постоянной ленинградской прописки у меня тогда не было, и меня брали на работу по временной, оформляя каждые два месяца заново.

Так что уволить меня, конечно, было проще, чем держать. И получается, что Костя, хотя и не жалел ради меня красного словца, но преувеличивал не так уж и сильно.

При всех вышеперечисленных Костиных талантах по части учебы и науки у него тоже проблем не было. Да и могло ли быть иначе? Ведь, в отличие от многих из нас, он изучал то, что было знакомо ему не понаслышке.

Диссертацию он писал на тему «Охота и рыболовство в Заонежье». Так ведь он в этом Заонежье сам как рыба в воде был. И конечно, эта его диссертация была не «записки охотника» или там «об ужении рыбы». Он в ней не свои рыбацкие и охотничьи байки рассказывал.

Он потом книжку по этой теме издал с грифом Петрозаводского отделения Академии наук. Так что с методологией и прочими такими причиндалами у него всё тоже было в порядке...

#### 4

Многое из того, что я из наших совместных с Костей приключений помню, я рассказать не могу. Сочинять не хочу. А за вычетом этого остается, увы, немногое...

Получилось так, что Заонежье я для себя без Кости открыл. После третьего курса поехал туда в диалектологическую экспедицию. Из Петрозаводска мы с одним моим однокурсником-лингвистом приплыли на теплоходе на восточный берег Онежского озера. И там ходили вдвоем по деревням — коллекционировали местную топонимику.

Топонимов мы насобирали много всяких, и самых неожиданных — в основном финских. Ночевали в селах, на хуторах. Помню, если хозяйки дома, которую мы приходили опрашивать, на месте не было, то соседка говорила про нее:

---

<sup>1</sup> Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН находится в Петербурге на набережной Макарова.

— У нее уйдено.

Чтобы люди самые простые вещи выражали столь необычным грамматическим образом — я такого больше нигде не встречал...

Так что поговорить нам с Костей находилось о чем. Он, в свою очередь, кое-что понимал в литературе. Последняя наша с ним на этом свете встреча произошла в Пущдоме, куда он приехал на Ключевскую конференцию (не этнографией единой был жив человек).

И мы многое с ним вспомнили. В том числе и то, как на медовый месяц мы с женой ездили в родные места Кости. Мать его работала в Вытегре в газете. И устроила нам путевку на небольшую базу отдыха на Онежском озере.

Две или три недели мы с женой жили какой-то бунинской или там паустовской жизнью. Целыми днями ездили на лодке по большому озеру, неподалеку соединявшемуся с Онежским.

За это время я научился довольно неплохо грести. И мы передвигались на лодке довольно быстро. Конечно, за исключением тех случаев, когда я забывал поднять якорь.

Чувства, которые я там испытывал, у меня бывают теперь, только когда я попадаю на южный берег Ильменя. Где-нибудь между Старой Руссой и Шимском. Там даже реки такие, что ты будто бы вдруг в Новгородской Руси оказываешься: Шелонь, Мшага...

Несешься на своем железном скакуне — чуть ли не один во всю ширь. Сам не замечаешь, как начинаешь петь. Неведомый сын удивительных вольных племен, понимаешь. Вроде как по холмам задремавшей отчизны. А на деле — по холмам миновавших времен, можно сказать...

## 5

В последний наш вечер в этих сказочных местах судьба еще и подарила меня чудо-рыбалкой. Я отправился на лодке один, как бы в прощальное плаванье, и когда уже догорал поздний северный закат, привез домой целую гору подлещиков да еще щуку, которую поймал на удочку на живца. Когда выкладывал улов из лодки, понадобился таз.

Правда, теперь свои былые рыбацкие подвиги я вспоминаю без тогдашнего энтузиазма. Кажется, что когда червяка на крючок насаживал, будто бы Христа распинал. И сколько таких червяков я тогда, сам не ведая, что творю, мучительной казни предал.

А что, чем это лучше? На кресте, может, умирать и не так мучительно. Чем на крючке...

Это последнее скорее, наверное, сравнимо с насаживанием на кол. Но в этом я, к счастью, понимаю плохо...

## 6

Может быть, как северянин, Костя всегда тянулся к людям противоположного месторождения и темперамента. А может, как все, отдающие себя людям, он инстинктивно сближался с теми, кто сильно отличался от него самого и нуждался в его помощи. Так что в жены себе он тоже взял южанку.

Хотя встретил он ее в Ленинграде, но приехала она с Карпат. Помните:

«А где твой дом, гуцулочка?» — «Карпаты» —

неслось из громкоговорителей нашей юности...

Только никакой гуцулочкой она не была. Но живой и задорной южанкой была точно.

Ее звонкий зов: «Костя» — как будто не с одним, а с двумя ударениями на первом слоге — целый день раздавался то здесь, то там, когда я имел возможность наблюдать их вместе.

В общем, это было то, что ему нужно. Недаром ей так никогда и не пришлось в голову — даже и потом, после его такого неожиданного ухода — из карельских лесов, куда привез ее Костя, водвориться обратно, к своим «теням забытых предков».

Правда, и город Петрозаводск, где они жили, в России, по-моему, один из самых благословенных. Так что, когда после окончания аспирантуры Костя уехал к себе на Север, это меня не удивило.

А вот когда несколько лет назад я узнал из соцсетей, что число жертв пандемии в Петрозаводске увеличилось еще на одного, причем далеко не последнего человека в городе, удивило.

Как же так? Ведь силён и здоров он был. Илью Муромца в пору вспомнить.

Правда, ведь и у Ильи Муромца, по новейшим исследованиям, то ли полиомелит, то ли спондилоартроз был. Недаром же он тридцать лет и три года на печи пролежал. Столько, сколько Костя, наверное, должен был еще прожить. Да вот только не прожил.

Медсестры в больнице, в которой мой товарищ закончил свою жизнь, рассказывали, что, попав в нее, он вначале помогал им принимать поступавших пациентов.

Кто знает, может быть, при этом как раз и произошла его окончательная «коронация». Во всяком случае, после этого он слег и больше уже ни на что не реагировал...

Никогда до конца не мог понять Иоанна: «Аще пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Зачем же умирать-то для этого? Вот ведь человек хороший пока жив — сколько от него добра всем. А умрет — и чем он кому поможет?

Но, может, не зря так сказано? Разве ж замечаем мы это добро, пока жив он, человек этот? Так и чтобы праведника в ближнем среди нас разглядеть, надо, видно, чтобы он не на земле был уже, — от всего грешного как бы уже освободился.

А то, может, и пуще того — чтобы качнулось село или город, и пришлось бы всем бежать на подмогу. И с покачнувшегося края всем вместе наваливаться.

То ли привыкли мы очень, что всё само собой стоит, то ли кажется нам, что всё по-прежнему.

Впрочем, может, это уже и не так. Ведь людей, на которых всё как-то держалось, только кажется, что меньше не становится.

А без них народ точно неполный. И взять их особо неоткуда. Коли перестанет родить земля — значит, пиши пропало.

Вот почему мне вдруг захотелось написать про этот редкий и, увы, исчезающий на наших глазах тип.

Одного из представителей которого мне, как я только теперь понимаю, посчастливилось встретить в моей жизни...

## Список сокращений

БАН	— Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ныне СПбИИ РАН)
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ОР РГБ	— Отдел рукописей РГБ
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел ИРЛИ

## Наши авторы

- Александров Александр Сергеевич** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).  
aspiros.83@mail.ru
- Березкина Светлана Вениаминовна** — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).  
s.berezkina@mail.ru
- Ветловская Валентина Евгеньевна** — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).  
idmmspb@yandex.ru
- Дмитриева Нина Львовна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). ninalvovna@mail.ru
- Ипатова Светлана Алексеевна** — научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). ipatovas@rambler.ru
- Кибальник Сергей Акимович** — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).  
kibalnik007@mail.ru
- Пирожкова Татьяна Федоровна** — д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы и журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ (Москва). pushkindom2008@yandex.ru
- Соколова Лидия Викторовна** — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). liiso@mail.ru
- Талалай Михаил Григорьевич** — канд. ист. наук, ассоциированный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия; Милан, Италия). talalaym@mail.ru
- Фатеев Валерий Александрович** — канд. филол. наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург). vfateyev@gmail.com
- Фетисенко Ольга Леонидовна** — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). betsy98@mail.ru

## Authors

**Alexander S. Alexandrov**

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences  
St. Petersburg, Russia

**Svetlana V. Berezkina**

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences  
St. Petersburg, Russia

**Nina L. Dmitrieva**

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences  
St. Petersburg, Russia

**Valery A. Fateev**

Independent Scholar  
St. Petersburg, Russia

**Olga L. Fetisenko**

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences  
St. Petersburg, Russia

**Svetlana A. Ipatova**

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences  
St. Petersburg, Russia

**Sergey A. Kibalnik**

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences  
St. Petersburg, Russia

**Tatyana F. Pirozhkova**

Lomonosov Moscow State University  
Moscow, Russia

**Lidia V. Sokolova**

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences  
St. Petersburg, Russia

**Mikhail G. Talalay**

Milan, Italy  
research associate of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russia

**Valentina E. Vetlovskaya**

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences  
St. Petersburg, Russia



Учредитель:  
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)  
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4  
Телефон (812) 328-19-01  
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации  
Российской Федерации  
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.  
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»  
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова  
Редактор английского текста З. Н. Исидорова  
Технический редактор А. В. Осокин  
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.  
Подписной индекс ВНО18606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 13.12.2023. Вышло из печати 20.12.2023  
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.  
Усл. печ. л. XX,XX. Тип. зак. № 000

Отпечатано в типографии ООО «Контраст»  
Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20.